КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

АПРѢЛЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 29 марта 1899 года.

Еще изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ.

Напечатанныя въ февральской книгѣ „Кіевской Старины“ этого года очень интересныя воспоминанія Ѳедора Матвѣевича Лазаревскаго о жизни Т. Г. Шевченка въ Оренбургѣ, которыя, по просьбѣ уважаемаго сотрудника нашего журнала М. К. Чалаго, были написаны въ дополненіе къ его книгѣ о Шевченкѣ для предполагавшагося второго изданія этой книги,—вызываютъ надобность сдѣлать къ нимъ нѣкоторое дополненіе.

Послѣ смерти Ѳ. М. Лазаревскаго, послѣдовавшей въ 1890 году, въ бумагахъ его осталась доставленная въ редакцію Кіев. Старины дочерью покойнаго О. Ѳ. Лазаревскою рукопись, къ сожалѣнію не оконченная, въ которой, послѣ появленія въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ статьи Е. М. Гаршина „Шевченко въ ссылкѣ“, онъ еще разъ приступалъ къ изложенію своихъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ,—что было вызвано отчасти желаніемъ исправить ошибки Гаршина, отчасти—тѣмъ обстоятельствомъ, что Ѳ. М—чъ, повидимому, потерялъ надежду, чтобы книга Чалаго была издана вторымъ изданіемъ.

По поводу упомянутой статьи Гаршина мы, въ статьѣ „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“, помѣщенной въ Кіевской Старинѣ 1896 г. № 2, съ подписью Н. Васильева, изложили свои дополненія къ ней на основаніи разныхъ документальныхъ данныхъ; но исправленія Ѳ. М. Лазаревскаго касаются иныхъ подробно-

стей, о которыхъ въ приведенныхъ нами документальныхъ данныхъ не упоминалось. Равнымъ образомъ и въ напечатанныхъ въ Кіевской Старинѣ воспоминаніяхъ Ѳ. М—ча, сообщенныхъ М. К. Чалымъ, нѣтъ нѣкоторыхъ подробностей, о которыхъ идетъ рѣчь въ рукописи, оставшейся послѣ смерти Ѳ. М—ча.

Въ виду этого и такъ какъ Ѳ. М—чъ былъ однимъ изъ лицъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ Шевченку въ Оренбургѣ и является самымъ достовѣрнымъ разсказчикомъ видѣнныхъ имъ событій, мы нашли, что, не смотря на неоконченность этой рукописи, содержаніе ея не должно остаться неизвѣстнымъ читающей публикѣ, почему и приводимъ ее ниже въ томъ видѣ, какъ она сохранилась.

Н. Ш.

Евгеній Гаршинъ въ своей статьѣ „Шевченко въ ссылкѣ" (Истор. Вѣстникъ, январь, 1886) высказалъ, между прочимъ: „въ настоящей статьѣ выступаютъ многія до сихъ поръ неизвѣстныя имена лицъ, игравшихъ роль въ жизни Шевченка"... „Будемъ надѣяться, что статья наша, прочтенная кѣмъ нибудь изъ лицъ, до сихъ поръ хранившихъ молчаніе, послужитъ поводомъ къ обогащенію матеріаловъ для біографіи Шевченка".

Изъ лицъ, дѣйствительно близкихъ Шевченку во время его ссылки въ Оренбургъ были: Бутаковъ, Поспѣловъ, Левицкій, братъ мой Михаилъ и я. Всѣ они уже въ могилѣ; остаюсь пока въ живыхъ одинъ я.

И опять таки продолжительность почти совмѣстной жизни съ Шевченкомъ въ Оренбургѣ (не говорю о сердечной близости, о чемъ вѣрно могъ сказать самъ дорогой нашъ Тарасъ) несомнѣнно остается за мною.—Я, первый, нашелъ Шевченка въ казармахъ оренб. линейнаго батальона въ первый день невольнаго пріѣзда его въ Оренбургъ. Я-же и проводилъ Ш. изъ Оренбурга въ маѣ 1850 г. въ Орскую крѣпость.

Читая все что было до сего времени писано о Шевченкѣ, я всегда волновался за массу неправды въ этихъ писаніяхъ и всегда

рука моя тянулась къ перу и бумагѣ написать ту дѣйствительность, среди которой проходила жизнь Тараса во время его ссылки, разсѣять умышленную ложь, произвольные выводы, клевету и пр., и пр., что въ такомъ обиліи нагромождено въ писаніяхъ о Шевченкѣ. Приведу для примѣра сказаніе о томъ, что Перовскій ударилъ Шевченка по лицу (ст. Гаршина, стр. 178). Сплетня эта повторяется не однимъ Гаршинымъ.—Слѣдуетъ припомнить, что Шевченко оставилъ Оренбургъ въ 1850 г. и безвыѣздно до дня Всемилостивѣйшаго помилованія жилъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.—Перовскій пріѣхалъ въ Оренбургъ послѣ высылки оттуда Шевченка и за все время своего генералъ-губернаторства въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи не былъ—я спрошу распространителей сплетни: *гдѣ* Перовскій могъ ударить по лицу Шевченка? Но и въ то-же время я не могъ не сознавать, что для откровеннаго, подробнаго, правдиваго разсказа о жизни Шевченка не пришло еще время... Поневолѣ я долженъ былъ затрогивать нѣкоторыя имена, къ неудовольствію можетъ быть носителей этихъ именъ. 36 лѣтъ прошло съ того времени, какъ я въ послѣдній разъ въ Оренбургѣ обнялъ своего дорогого Тараса (Прошу помнить „въ Оренбургѣ". Впослѣдствіи я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ и провелъ нѣсколько дней у моей матери въ с. Гирявкѣ, Конотопскаго уѣзда). Живо, какъ-бы это вчера случилось, я помню нашу совмѣстную въ Оренбургѣ жизнь до дня выхода его оттуда по этапу.

Если всѣ исторіи пишутся также правдиво, какъ пишется исторія Шевченка, то въ нашей исторіи правда сильно искажена. Помню зимою 1882 г. я получилъ отъ Чалаго въ Владикавказѣ „Жизнь и произведенія Т. Шевченка" (Чалаго до того времени я совсѣмъ не зналъ.—Чалый прислалъ мнѣ свой трудъ, конечно, зная о моихъ близкихъ, сердечныхъ отношеніяхъ къ Шевченку). Я не выдержалъ. Всю книгу его я исписалъ замѣтками о неправдѣ и неполнотѣ свѣдѣній его о „Жизни" Шевченка въ Оренбургѣ и возвратилъ ему эту книгу, написавъ на скоро въ дополненіе нѣсколько почтовыхъ листовъ о томъ, что я знаю о жизни Шевченка въ Оренбургѣ. Г. Чалый послѣ по-

лученія моихъ замѣтокъ призналъ свой трудъ далеко не полнымъ и сталъ приготовлять второе изданіе. Какъ полезное приложеніе ко второму изданію, я послалъ г. Чалому портретъ Шевченка, рисованный имъ самимъ въ казематѣ Орской кр. Съ того времени я считалъ, что совѣсть моя удовлетворена. Все, что слѣдовало исправить и дополнить въ созданіи Чалаго, я исправилъ и дополнилъ. Второе изданіе Чалаго не вышло до сихъ поръ...

Между тѣмъ явилась въ январьской книжкѣ Истор. Вѣстн. за 1886 г. статья Гаршина „Шевченко въ ссылкѣ".—Я уже находился въ отставкѣ и проживалъ въ своемъ имѣніи Гадячскаго уѣзда. Объ этой статьѣ мнѣ приходилось говорить съ г. Чалымъ, который отчаивается уже въ возможности второго изданія „Жизнь и произведенія Т. Шевченка".

Перечитавъ на дняхъ ст. Гаршина, я рѣшилъ, пока живу, не выжидая второго изданія Чалаго, написать отъ себя извѣстное мнѣ о Шевченкѣ.

Да и кто вѣрнѣе и обстоятельнѣе меня передастъ о Шевченкѣ то, что происходило на моихъ глазахъ. Въ статьѣ Гаршина, какъ и въ книгѣ Чалаго, встрѣчаются невѣрности и недомолвки, на которыя нельзя не обратить вниманія.

Командиръ 5 линейнаго оренб. батальона Мѣшковъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 166) названъ Матвѣевымъ, въ другомъ Мѣшковымъ. (Стр. 175).

Чиновникъ оренб. погр. коммиссіи (у Гаршина—канцеляріи) Александрійскій названъ Александровскимъ. Чигиры вмѣсто Чигирь; Гулакъ въ одномъ мѣстѣ и Гулакъ-Артемовскій въ другомъ.—(правильно Гулакъ). Бакшаевъ вмѣсто Бикмаевъ. Согласенъ, что это пока мелочи, но изъ-за мелочей иногда выходятъ серьезныя недоразумѣнія. Но тамъ же оказываются обстоятельства посерьезнѣе. Для примѣра приведу слѣдующее: Гаршинъ пишетъ: (стр. 165) „дѣло въ томъ, что до Обручева дошли слухи, что Шевченко занимается рисованіемъ. Кромѣ того, какъ говоритъ Чалый, прапорщикъ И—въ сдѣлалъ доносъ!"... Кто-же

изъ насъ, жившихъ тогда въ Оренбургѣ, не зналъ, что Шевченко рисовалъ, не стѣсняясь, что въ то время, „когда до Обручева доходили слухи“, онъ рисовалъ между прочимъ портретъ жены Обручева Матильды Петровны и въ извѣстные дни являлся въ домъ военнаго губернатора Обручева для сеансовъ? могло-ли это дѣлаться въ домѣ военнаго губернатора безъ его вѣдома? Дѣло въ томъ, что въ 1852 г. въ пятницу на страстной недѣлѣ Шевченко, подкарауливъ прапорщика Николая Григорьев. Исаева, когда онъ вечеромъ шмыгнулъ въ калитку дома N., привелъ мужа N. въ спальню его жены N. N. гдѣ оказались прапорщикъ Исаевъ и N. N. только вдвоемъ. Въ субботу на той же страстной недѣлѣ, въ квартирѣ Шевченка въ домѣ Герна (Шевченко большею частью жилъ у меня, но почти все его имущество помѣщалось во флигелѣ въ домѣ Герна, гдѣ онъ и работалъ, о чемъ я подробно разскажу въ свое время) былъ сдѣланъ обыскъ; въ утро Христова Воскресенья Шевченко былъ уже арестованъ. При чемъ же тутъ: „до Обручева дошли слухи“ и „кромѣ того“?. Гаршинъ свидѣтельствуетъ (стр. 173), что „и въ Петербургѣ не признали нужнымъ входить въ глубь вещей и не стали доискиваться особыхъ преступленій со стороны Шевченка“... Едва-ли это такъ.—Въ Петербургѣ Левицкій, письмо котораго отобрано при обыскѣ у Шевченка, былъ арестованъ. Къ Головку, о которомъ Левицкій писалъ Шевченку, явились жандармы и полиція, и Головко на глазахъ ихъ застрѣлился, пустивъ предварительно пулю, неудачно впрочемъ, въ полицейскаго чиновника. Обыски производились само собою.

Но я отдаляюсь отъ цѣли записки. Для меня особую важность имѣетъ слѣдующее мѣсто въ ст. Гаршина: „что касается личности Герна, у котораго одно время проживалъ Шевченко, то мы можемъ сообщить, что это былъ человѣкъ очень добрый и симпатичный, одинъ изъ благорасположенныхъ къ Шевченку лицъ, какъ это видно изъ письма къ Тарасу Григорьевичу Сергѣя Левицкаго“ (стр. 165). Ниже (стр. 170) оказывается, что при обыскѣ отобрано одно письмо отъ Сергѣя Левицкаго. Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что на это именно письмо

ссылается Гаршинъ. Письмо отобранное отъ Шевченка при обыскѣ я помню очень хорошо (написано оно на большомъ почтовомъ листѣ). Я читалъ его въ то время, когда Тарасъ получилъ его, читалъ его и въ тотъ день, когда оно было отобрано отъ Тараса (Мы, т. е. Тарасъ и я, были предупреждены объ обыскѣ и прежде обыска разобрали всѣ бумаги и рисунки и многое сожгли; о томъ какъ уцѣлѣло это роковое письмо я разскажу послѣ). Я помню, что въ письмѣ упоминается имя Герна—Карла Ивановича, который какъ бы сталъ Шевченку на дорогѣ. Левицкій впослѣдствіи передавалъ мнѣ, что во время ареста спрашивали его: кто этотъ Карлъ Ивановичъ, о которомъ онъ писалъ Шевченку. Левицкій отвѣчалъ: Гернъ, о которомъ въ средѣ его знакомыхъ составилось убѣжденіе, какъ о человѣкѣ строгомъ и правдивомъ, который разъ составивши извѣстное мнѣніе твердо стоялъ на немъ, не поддаваясь никакимъ вліяніямъ...

Въ общемъ извѣстномъ мнѣ ходѣ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, какъ-то не вяжется отзывъ Гаршина о Гернѣ, *на основаніи письма Левицкаго*. Левицкій уѣхалъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, сколько помню, въ генварѣ 1850 года, когда уже отношенія Шевченка и нашего кружка [нашъ, тѣснѣйшій, кружокъ осенью 1849 г. составляли: Шевченко, Левицкій, Поспѣловъ и я; къ этому кружку принадлежалъ Бутаковъ и Гернъ, но по положенію въ обществѣ и по отношенію къ высшей въ краѣ власти—Гернъ, сколько помню, состоялъ при военномъ губернаторѣ для особыхъ порученій—они между нами являлись случайно, временно, на сколько позволяло имъ служебное, оффиціальное положеніе] къ Герну совершенно опредѣлились и укрѣпились. По какому поводу Левицкій могъ писать Шевченку о душевныхъ доблестяхъ Герна, когда Шевченко несомнѣнно лучше Левицкаго зналъ уже Герна и любилъ его тою беззавѣтною любовью, любить которою способенъ былъ Тарасъ Григорьевичъ...

На этомъ рукопись Ѳ. М. Лазаревскаго оканчивается. Повидимому, въ послѣднихъ строчкахъ рѣчь клонилась къ тому, чтобъ сказать, что подъ упоминаемымъ въ письмѣ Левицкаго Карломъ Ивановичемъ слѣдуетъ разумѣть не Герна, а совсѣмъ другого Карла Ивановича; но кто былъ этотъ послѣдній и почему именно упоминанію объ немъ Ѳ. М—чъ придавалъ важное значеніе—за неокончаніемъ рукописи осталось неизвѣстнымъ... [1]).

[1]) Намъ приходилось слыхать, что подъ именемъ Карла Ивановича Левицкій разумѣлъ кого то изъ сильныхъ предержащихъ властей. *Ред.*

ИЗЪ ПИСЕМЪ П. А. КУЛИША КЪ С. Д. НОСУ [1].

(1860—1892 г.г.)

1.

1860, лыпця 15. Спб.

Чую я черезъ люде, що Вы, пане куринный, напысалы про чумакивъ, та й дуже гарно. То прошу жъ Васъ—прысылайте скорійше въ „Основу“, та й наказуйте, щобъ безъ мого прогляду ничого Вашого не друковаты и якій бы не выйшовъ мій проглядъ, такъ уже тому й буты. Покы моеи снагы, буду Васъ и ще де кого одъ фалшы словеснои обороняты и полову одъ чыстого зерна одвіюваты. Бо якъ кынуться нашвыдку пысаты та друковаты, то скаламутять зовсимъ невелычку нашу словесность. Отъ Кузьменко напысавъ балладу „Погане Поле“

[1]) Печатаемыя здѣсь письма получены редакціею отъ М. К. Чалаго, который сдѣлалъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе:

Д—ръ С. Д. Носъ, уроженецъ с. Попоръ, Конотопскаго уѣзда, Черниг. губ., еще въ 50-хъ годахъ, будучи студентомъ Кіевскаго университета, извѣстенъ былъ между земляками, какъ выдающійся знатокъ малорусской народности. Онъ зналъ многое множество народныхъ пѣсенъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ напѣвовъ. Обладая сильнымъ баритономъ и здоровой грудью, онъ пѣлъ съ необыкновенной экспрессіей, въ особенности нѣкоторыя думы и бурлацкія пѣсни. Вотъ почему Степанъ Даниловичъ обратилъ на себя вниманіе Кулиша при первой ихъ встрѣчѣ. См. письма К—ша къ Каменецкому. Кіевск. Ст. 1898 г. іюнь, 386, гдѣ есть такое выраженіе о С. Д. Н.: „это имя у насъ будетъ безсмертнымъ“. М. Чалый.

дуже гарно, та до баллады доложывъ незнать якыхъ виршъ. Якъ надруковаты саму балладу,—скажуть: лебедыне перо въ пана Кузьменка; якъ же все понадруковаты,—скажуть: индыче! Пысавъ я до Васъ лыстъ недавно, та ще нема одвитування. Паня Параска [1]) пыше, що Вы танцюете завзято. Добре отсе Вы робыте, що запорожськои *вдачи* не кыдаете! А въ насъ и потанцюваты—хоть бы и вмивъ чоловикъ—ни передъ кымъ: все чόла похмуры та понаморщувани, цуръ имъ!

Компоную отсе невелычку кныжку „Исторію Украины", такъ, щобъ на святкахъ, або вже хочъ передъ маслыцею и выпустыть; а то „Граматка" якъ розійдется, то ничого гараздъ й чытаты хлопятамъ та дивчатамъ.

Щыро прыхыльный до Васъ побратымъ П. К.

2.

1862, березоля 22. Спб.

Спасыби Вамъ, коханый прыятелю, Степане Даныловичу, що Вы мене обмыслыли свижыною. Що дня Васъ спомынатыму и весь чесный куринь Вашъ. „Основа" запизнылась трохы сама черезъ себе, а то й черезъ ледачу цензуру. Все ждавъ п. Билозерській пропуску де-чого дуже потрибного для журнала, а моя така була рада: выпускай, що можна, а то поспіе въ 3-ю кныжку. Отсе жъ бы була й пора выходыть 3-й кныжци, а мы ще тилько другу выпускаемо завтра. Така вже, мабудь, наша вдача.

Що се вы такъ турбуетесь про тыхъ людей, що мене ганять. Нехай соби ганять, колы охота. Дило само себе покаже. Все те забудется скоро, а дило не на те робытся, щобъ ёго занедбаты, бо воно *дило*. Нехай ганять: може ганывшы, яку й правду скажуть, а мы іи й намотаемо на усъ, та й порозумнійшаемо на корысть добрымъ людямъ. Радыте Вы мени покынуты вирши, а того й не знаете, що до мене пышуть люде дуже пысьменни: „Отъ ваша дорога! Отъ колы вы на іи натра-

[1]) Жена поэта Глѣбова, Прасковья Федоровна, рожд. Бордоносъ.

пылы" [1])! Такъ якъ же теперъ пораете мени: чы Васъ, чы тыхъ людей слухаты? Зъ роду я ще ни въ кого не пытавсь дорогы и пытатысь не буду. Зъ роду я все по своій уподоби робывъ, и робыты буду. Ото не гарна ричъ, якъ знавъ бы чоловикъ, що воно ни до чого, тай робывъ. А колы винъ певенъ, що воно дуже потрибне и що воно бъ ёго замучыло, колыбъ винъ не выявывъ на свитъ, то вже тутъ шкода раяты! Вы забулы, що не всякій городъ звется Черниговомъ, а я добре знаю, що пышу не для одного Чернигова. Такъ нехай уже воно такъ буде, якъ душа моя велыть мени. Ото буде краще, якъ я зъ Полтавы прыйиду въ вашу Конотопщыну послухаты писень старосвицькыхъ, та ричей хорошыхъ. Йе въ мене така думка, щобъ де-що поробывшы, йиздыты на оддыхъ то сюды, то туды по Вкраини и набиратысь запасу до дальшого пысання. Такъ перше всёго завитаю въ Конотопщыну, котрои зовсимъ не знаю, а тилько догадуюсь, що тамъ годытся мени побувать и зъ добрымы людьмы поговорыты. Щыро прыхыльный братчыкъ П. Кулишъ.

3.

1862, лыпця 13. Хутиръ Мотроновка, пидъ Борзною.

Посылаю Вамъ, пане отамане куринный, 20 карбованцивъ. Оддайте ихъ панови Тымошкови [2]) за одежу, що забравъ у ёго мій небижъ. Ще зостается въ ёго сюртукъ, а по нашому жупа-

[1]) Хотя оффиціальнымъ редакторомъ „Основы" считался В. М. Бѣловерскій, но большимъ значеніемъ въ администраціи журнала пользовался и Кулишъ, причемъ, какъ извѣстно, онъ печаталъ въ Основѣ множество своихъ статей, прозой и стихами. Изъ этого письма его къ С. Д. Носу можно видѣть, что, помѣщая въ Основѣ свои стихи, К—шъ думалъ было вступить, какъ бы въ нѣкотораго рода соперничество съ покойнымъ Кобзаремъ. Нашлись земляки, которые поддерживали въ немъ такое самомнѣніе: „отъ ваша дорога! отъ колы вы на іи натрапылы!". Впрочемъ самъ К—шъ внутренно сознавалъ невозможность состязанія съ Ш—комъ, такъ какъ на одномъ изъ стихотвореній, присланныхъ въ редакцію Основы и представлявшемъ собою видимое подражаніе Ш—ку, мы нашли слѣдующую собственноручную замѣтку К—ша: *„Оце тоби, Тарасе, за те, щобъ не пысавъ дуже самостійно: одежу зъ тебе можно стягты, якъ упъесся, а души твоей самъ чортяка не вкраде!"*. М. Ч—ый.

[2]) Черниговскій портной.

нокъ. То я не знаю, якъ тутъ чыныты. Небижъ мій роздобувъ якось уже соби жупанокъ, то другого ёму й не треба. Такъ нехай п. Тымошко накыне на мене якого рубляку, а жупанокъ продасть и тымъ нàкыдомъ залатае свою втрату. Колы жъ ёму такъ буде невыгодно, то—ничого робыты—нехай уже мій небижъ бере соби жупанокъ, щобъ одынъ бувъ про будень, а другій—про свято.

Напысалы бъ вы мени, добродію, колы вамъ выпаде слушный часъ завитаты до Вашои домивкы. Може бъ и я выбравъ годыну погуляты та писля пысарськои моеи праци оддыхаты. То мы бъ оттакъ зробылы: выйихавъ бы я, на якій скажете реченець, у Батурынъ, та й пидожавъ бы васъ изъ пивдня, чы що, у почтмейстера батурынського, а вы бъ надйихалы зъ Чернигова та въ купци й пойихалы бъ у славну Конотопщыну. Я прогаюсь у Борзенщыни до Палія, а потимъ уже помандрую въ Кыивъ або й дальшъ Кыива. Щыро прыхыльный до Васъ братчыкъ К.

4.

1888, мая 1. Хутиръ „Ганнына Пустынь, що бувъ Мотроновка“ [1]).

Велыкошановный земляче, Степане Даныловычу!

Зрадилы мы обое, побачывшы рукопысанне такого одиссеюватого верстателя дорогы по свитахъ; та шкода, що пышете про свое одиссейство тилько натякомъ. Ни, бо вже, голубе нашъ волохатый, колы натякаты, то мусыте й пропысуваты. Не полинуйтесь докладно все те намъ выслебезуваты, що своими очыма вбачылы. Мы жъ, колы хочете знаты, не замовклы, а саме ввиходымо въ смакъ розмовы зъ велыкою громадою тямущыхъ людей. Якъ бачымо, Вы й сами зъ тіеи жъ громады. Незабаромъ чытатымете видъ насъ обоихъ усячыну, абы тилько намъ Господь допомигъ звидсиля выгребтысь. А покы щò, печатаю въ „Чтеніяхъ Императорск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“ на цилій сотни аркушивъ друку опо-

---

1) „Ганнына пустынь“—писля пожежи стала.

виданне про всяку давнину, пидъ назвою: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1640—1654)". Саме почынають печататы, а покы надрукують, може й мы тамъ будемо. Тогди заговорымо й ридною мовою: Ганна прозовдю, я—виршованою.

Спасыби Вамъ, що хочете насъ одвидаты на хутори; та, не вамъ кажучы, будынокъ нашъ и трохы не всю оселю спалено; такъ мы тулымось у такій хатыни, що ниде гостя й спокоиты: насылу сами мижъ усякою всячыной повертаемось. Навить кныгы мои грызуть пацюкы въ комори,—ажъ серце болыть, якъ споглянешъ, а сховыща дасть Бигъ. Тилько и втихы намъ, що лыстуемось изъ добрымы людьмы, та мижъ землядтвомъ ихъ мало: зляться на зеркало, що крывопыки. Хиба жъ мени имъ объ землю брязнуты? Я жъ ёго всюды полирувавъ, щобъ не хыбыло, и вже на Вкраини не переполировуватыму: зеркальнои гуты не вбачаю ни въ Кыиви, ни въ Харькови. А якъ розжывуться на таку гуту, то побачать, що крывопыки съ предкивъ своихъ, козакивъ. Побачыте, якого нароблять колоту, чытаючы мое шыроке оповиданне про наши давнезни да́вна; а Москву жъ не однымы дурнямы осаджено: сами здорови пышете, що люде московськи не згирши. Отъ же землякы и наслидныкы Карамзина назвалы мое щыре оповиданне *изслѣдованіемъ* и видпысалы мени, що знайшлы, мовлявъ, „прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ", а мене хочъ и затуркано, та я знаю, що на двори бильшъ свиту, нижъ у викни. Оце жъ добра страння людына просыть у мене справкы про романиста Нарѣжного. Пысавъ я до служащого въ Межевой Комиссіи земляка—мовчыть. Рады нашои національнои честы, знайдите ёго въ Комиссіи по сій цидулочци, що вкладую, и попросите гарненько, нехай знайде мій лыстъ: бо не знайду ніякъ лысту прыятелькы нашои, щобъ имъ пропысаты, чого ій треба; а мавши въ рукахъ мій лыстъ, легко знайдете въ архиви все, чого ій треба про Нарѣжного. По сій же мови та бувайте здорови. Щыро прыхыльный до васъ П. Кулишъ.

5.

1888, мая 13. Ганнына Пустынь, що була колысь Мотроновка.

Высокоповажный земляче, Степане Даныловычу! Радію серцемъ, що вы знайшлы соби таку дружыну, що, знай, молодшаете. „За хорошымъ чоловикомъ жинка молодіе", а й надто чоловикъ—за хорошою жинкою. Сей комментарій прыкладую й до Гомерового слова по Гнѣдычовому переспиву:

. . . „Зелена Одиссеева старость".

Колы жъ мы повдавалысь обыдва одиссеюватымы, такъ про насъ ходыть мижъ людей гуторка: „викъ жывы, викъ учысь". Оце жъ я й навчывся мижъ иншимъ, ось чого:

Слово *Русь* прынеслы намъ недовидоми й доси Варягы. Слово *Росъ,* а зъ нымъ и *Россія,* пійшло мижъ намы видъ грекивъ. Велыку и *Малу* Россію зналы ще до татарського лыхолиття, и одынъ зъ нашыхъ князивъ пидпысавсь княземъ *малороссійскимъ.* У XV столитти венетъ Контарини, йидучы черезъ нашъ край зъ Луцького на Кыивъ, звавъ ёго Rossia Bassa, а въ XVI восточный патріархъ выдавъ середъ насъ грамату, звучы нашъ край Малою Россіею. Назвы Русь нихто въ насъ не однимавъ, навить и ляхъ: винъ перевертнивъ нашыхъ тытуловавъ зъ початку и до кинця *Руссю.* Москаль, дакъ сей велычався обладателемъ всіеи Руссіи ще тоди, якъ насъ ляхы водылы за носа и нахылялы пидъ свою волю за чуба. Що ляхъ урвавъ зъ нашого предковичного займыща пидъ часъ Хмильныщыны и руины, те винъ и доси зве *Руссю,* дарма що вона давно вже обросла лядськымъ мясомъ, та руська кисть, которою велычалысь Киселі и tutti quanti. Мы, одни мы, покынулы, чы занедбалы свою предкивську назву. Повтикавшы одъ Хмильнычанъ у Харьковщыну, Вороныжчыну и т. д., велычали мы себе татарською назвою *козакы,* а свій край и въ новыхъ слободахъ, и въ давнихъ займыщахъ звалы польськымъ словомъ Ukraina (по Россійски Украйна) и плакалысь надъ симъ словомъ, неначе въ прыказци Богъ надъ ракомъ. Теперъ мы бачимо, що зъ давнихъ-давенъ булы риднымы зъ Руссю московською и вирою, й мовою,

черезъ те й наличуете Вы насъ по московськыхъ державахъ до 40 милліоновъ. Розлучывъ насъ изъ ными Ляхъ, кохаючысь у козакахъ поты, покы воны його спалыли й заризалы, а недопалену й недоризану Ляхву піймала за чубъ правою рукою Москва, держучы ливою за чуба жъ такы козака. Навить хохломъ зве насъ Москаль черезъ те, що мы взялы на себе образъ и подобіе свого наставныка Ляха. За те, що Ляхъ не вмивъ жыты зъ козакомъ, прозвала його Москва *безмозглымъ*. И справди, се було двое скаженыхъ, що „землю, текущу молокомъ и медомъ", зробылы голодною и безлюдною. Вспогляньте теперъ на Царство Польске: воно золотомъ сяе; спогляньте на ту Малороссію: вона мовъ у городи макъ процвитае. Обыдви жъ си земли такыхъ породылы *безмозглыхъ* „народнихъ пророкивъ", що й за се тычуть Москалеви дули въ кышени. Назваты мою кныгу „отпаденіемъ Руси отъ Польши" не можна черезъ те, що Русь (Галыцька) одпала черезъ Ляхивъ та Козакивъ одъ Малороссіи, а не одъ Польщи. А то вы не любыте, якъ звуть чоловика *мужыкомъ*, такъ позырните въ кобзарськи думы: тамъ *козакъ* и *мужыкъ* фыгурырують, яко технычни назвы: такъ само, якъ *козакъ и чернь, козаки и посполъство*. Ну, та може вже й годи про се: бо чытатымете шыроко въ трехъ моихъ томахъ. Думавъ колысь и я про си речи по вашому, та що жъ, колы, мовлялы розумни люде: „все мынется, одна правда зостанется".

Щырый Вашъ П. Кулишъ.

P. S. „Кіевська Старына" выхваляе такыхъ людей, що своимы вчынкамы наше руське имя зневажалы. Вона малюе зрадныкивъ нашои національносты строителямы нашого народу, тымъ и не лычыть мени печататысь въ ній, та й сама вона цурается мене, мовъ той чортяка ладану [1]). А Ганна (Барвинокъ) послала де-що, дакъ цензура не хоче, щобъ увесь діалогъ въ оповиданни бувъ по-нашому. Отъ до чого допысалысь и доказувалысь наши украиньски патріоты. Колы не слухалы Кыва, нехай слухають кыя. Дуже мени жаль бидного Леоныда (Гли-

---

[1]) Ни Кулишъ *никогда* не обращался въ редакцію Кіев. Стар., ни редакція послѣдней къ нему... *Ред.*

бова)! Отъ кому не пощастыла доля! А винъ же то вродывся зъ душею щырою и чыстою, що подобало бъ ій буты сосудомъ блаженства и на симъ, не то на тимъ свити. Нехай ёму снытся

Що-ночы й що годыны рай Божій,
Де правдою святою все сіяе,
Де мовъ звизда пророча надъ Востокомъ
Вси почуття Премудристь просвищае...

6

1888, червця 13. Ганнына Пустынь.

Жыва душе, Степане Даныловычу!

Кныжечку Вашу про те, що въ кожного народа своя прырода, чыталы мы зъ велыкою вподобою. Такымъ, якъ Вы, мусыть буты врачъ, колы хоче буты знахаремъ, а безъ того знахарства, про котре Мицкевычъ напысавъ:

Miej serce i patrzaj w serce,

шкода врачоваты земляцтво. Воно жыло на божому свити ще до научнёго часу, тай пережыло не одне лыхолиття, не одну чорну смерть (mors nigra). Якъ же пережыло? чы тиломъ тилько, чы тиломъ вкупи зъ душею? Отъ у цю жъ то давнезну душу зазыраете Вы жывою душею, и певне се дило, що робыте добра багато. Нехай же Вамъ Богъ помагае въ сій преподобній праци. Не вважайте на врачивъ визытныкивъ, имъ-же имя—легіонъ; простуйте своею дорогою, и зоставыте по соби память правдывого народолюбця, не такого, якъ ти, що выхваляють мужа кровей и льсти, Хмельныцкого, зъ ёго попередныкамы й позадныкамы, а такого, якымъ у Велыкорущыни зъявывсь, хочъ бы й Бѣляевъ. Може Вы не чыталы ёго кныгы: „Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время". (Москва, 1883 г.). Оттакъ любы, шануй и розумій те, що праведно звется *народомъ.* Прочытайте сю спасенну кныгу. Нашы жъ народомъ зробылы антинародъ, такъ само, якъ Ляхы выдумалы „народъ шляхетській", брата-розбишаку *народу козацького.* Мени тымъ паче було

весело почытуваты Бѣляева, що винъ забривъ до мене въ Ганныну Пустынь тоди вже, якъ мои тры тома про боротьбу народу Шляхетського зъ народомъ Козацькымъ пойихалы на Москву. А Вамъ подобае почытуваты ёго, яко праведного народолюбця.

По симъ же слови та бувайте здорови П. Кулишъ.

7.

Р. Б. 1890, мисяця квитня на 20 день. Хутиръ Ганнына Пустынь.

Спасыби за добре слово, любый земляченьку, Степане Даныловычу! Веселыть мене Ваша рукопысна заможнисть, та *„що мени по басоли*, колы нема дома соли“! Не вбоги й мы зъ Ганною запасомъ до друкованя и годылось бы все те явыты мырови: нехай бы видавъ мыръ, що не лежобоквъ, не лекгъ, мовлявъ, запомигъ пысьменською наукою, не недбахъ до ёго поступу въ словесному смаку. Дакъ отъ же бачыте: сыдымо сыдьма зимовныкомъ. Що вы почытуете мои тры томы, дакъ се тилько программа до другого переробленного и вповненного выдання „Исторіи Возсоединенія Руси“. Оце жъ треба бъ мени перебратысь изъ запилля въ городы́ да впорядкуваты мою працю за пидмогою чужомовныхъ историчныхъ працъ, чы хочъ бы й джерелъ, дакъ не мушу жъ и зимовныка кынуты. Чы не маете, соколе мій, у Черныго́ви такого добродія, щобъ допомигъ мени заложыты 120 десятынъ хуторнои земли въ казну? Дакъ я бъ тогди, мавшы грошенята въ рукахъ, почавъ бы де що свое й Ганныне оглашаты друкомъ. А що пышете, спасыби вамъ, про погулянку вкупи зъ Вамы, дакъ се ричъ гарна та не зможна. Шкода про таке й розмовляты. Не то гуляты по свитахъ, та й въ себе гостя витаты мени трудно черезъ те, що жывемо соби въ одній-однисенькій хатыни. Колы не заложымо, чы то не продамо земли, то вже нехай охочій друкуе наше писля насъ. Такъ то, мій волохатый голубе! А по сій мови та буваймо здорови, та берımось до XX столитія, чы не буде воно розумнище за XIX, та чы не выкупыть насъ изъ господарськои

неволи, що зъ насъ тутъ обохъ изъ Ганною ни Богови свичка, ни чортови дудка. Отъ до сёго жъ то маю въ Бози надію розумного столиття; видсуньте, спасыби Вамъ, и Вашу любу думку про одвидыны нашои пустыни, що не васъ первого видхыляемо мы, дякуючы, видъ такои шаны до насъ. Щыро прыхыльный до Васъ П. Кулишъ.

P. S. Прочуваючы черезъ люде про Леоныда Ивановыча, веселымось думкою, що въ свити не безъ добрыхъ людей. Колы знаете, то й сповистить, спасыби Вамъ, хто се зробивъ його друкарнымъ отаманомъ, щобъ спогадаты намъ про таку дорогу думу у мовчазній молытви до Бога, се-есть тоди, якъ пидіймемо духа свого видъ людськои мизеріи до вичнёго порядку и совершенства. А що пысавъ я про казну, такъ боюсь процедуры зъ тымъ закладомъ. Инша ричъ, колы бъ хто купывъ, або всю худобу, або іи частыну. Йе въ насъ пидъ самымъ селомъ, надъ ричкою, десятынъ 25 синожати, дубривнои и лановои земли зъ 12 розлогымы дубамы, купою, посередъ поляны, якъ разъ навпроты церквы, що й звона не проспавъ бы господарь церкволюбнықъ. Можна й такъ зробыты, що зоставлю соби 20 десятынъ зъ дворыщемъ, садомъ, левадою, окопомъ, а все инше продамо, або не все огуломъ, нехай охочій купуе. Воно въ одному шматку, а до тыхъ дубивъ проты церквы ийты повагомъ тилько 10 мынутъ, и звется те врочыще *Рай*.

Просыть у мене профессоръ львивського универсытету д—ръ Огоновській довидатысь про біографичны обставыны двохъ Рудченкивъ, Мырного и Билыка. Винъ печатае по нашому исторію русско-украинськои литературы. Роспытайте, спасыби Вамъ, у тямущыхъ людей та пры сій нагоди скомпонуйте и власну автобіографію. Хочъ винъ и знае де що про Васъ, та не може знаты такъ докладно, якъ Вы самы. Мы зъ Ганною не видпысувалы про себе на его пытання. Колы схочете, шлите ёму навпростець и про Рудченкивъ, и про себе самого. Ось вамъ адресъ: Oesterreich. Lemberg. Д—ръ Огоновській.

8.

1890, іюня 14. Ганнына Пустынь.

Дорогій мій басолюбныку й танцюрысто, Степане Даныловычу!

Понапысувавъ я стилько и прозою, и виршами, що й на тому свити мучытымусь думкою: про кого дбавъ я,—чы про людей, чи про мышей? Оце жъ, колы людямъ не треба й Раю, знайдите, благаю Васъ, такого чоловика, щобъ вызычывъ мени пидъ вексель за 10% тысячу рублывъ. Худоба наша ніякымы довгамы не отягчена, такъ боятысь кредиторови ничого, а я, покы ёго тысячу рострачу, такъ, певно, дви прыдбаю. Такъ и 10% не важко мени заплатыты. Такъ буде лучче, чымъ вызыраты, чы прыйиде хто, чы не подывыться на нашъ Рай и на наши поля. А нехай бы прыйихавъ та подывывсь, яки въ насъ родять жыта й овса. Щырый Вашъ П. Кулишъ.

9.

1890, іюля 14 зъ Ганнынои такы жъ Пустыни.

Ось Вамъ, коханый чумаче, басолюбныку, звистка про врочыще Рай. Посылаю й мышачій огрызокъ плана. Тамъ воно зветься Гайдаливщына, по Гайдалахъ, що жылы пидъ дубамы, чы за дубамы—къ „Шпылю". Сей же шпыль и одгрызлы мыши. Дальшъ надъ ричкою хуторувавъ Лагода якійсь, а ще далій—якійсь Петро, то й звемо той кутокъ Петривщыною. Ричка повзъ Рай зветься Самотека, чы Березенка, добре не знаю. Стрыжень мисцями й доси позарисъ осокою, а навпроты Лагодыного булы недавно на Стрыжни пали. Тутъ стоявъ млынъ, и зветься те млынще Витрова прыстань. Колысь изнаходылы въ болоти й ричци старезни байдакы, чы шугаліи. Такъ высоко й шыроко йшла вода, де теперъ косять косари. А навпроты Витровои прыстани жыве й теперъ козакъ Витеръ,—се есть въ Оленовци, бо съ того боку стоить Оленивка зъ своимы

левадамы й хатамы. Зъ Раю блызенько выдно й церкву. Можна кладкамы ходыты й до церквы. Хочемо грошей за Рай 2500; дви тысячы вже давано. А за хуторну землю хочемо взять 8000 руб.

Вы наче вгадалы, мій соколе, що я хочу навидатысь у той, мовлявъ, *Вильвовъ* (Львовъ). И въ мене, и въ Васъ йе такого до воли, що пора бъ уже попечататы: повылежувалось добре. Тымъ я й знызывъ цину до 100 р. за десятыну, щобъ зачепыты за щось рукы печатаючы. Писля, може, нихто не доведе того до путя, хочъ бы й схотивъ: бо и въ корректури багацько де чого прыбавытся. А пірами я пышу такымы, що на коробочци напысано: Perry and C⁰ Classikal pen. № 36. medium points. Посылаю одно на спробу. Ганна любенько Вамъ уклоняется. Вашъ П. Кулишъ.

10.

1890, серпня 1. Ганнына Пустынь.

Голубе мій буркотлывый, прыятелю сердечный, Степане Даныловычу! Превелыке Вамъ спасыби за тысячу рублякъ, та я боюсь ихъ взяты въ васъ. Чрезъ що боюсь, про се довго було бъ высловлюваты, а якъ вы схотили одвидаты нашу хатыну на курячій нижци, дакъ бы устамы до устъ, очыма до очей про вси жытейськи злыдни побесидовалы бъ. Колы прыбудете справди, дакъ прывезите мени тилько сотеньку рублыкивъ за 10 %, пидъ яку схочете заруку, чы вбезпечъ. А що пышете про чужомовни слова, такъ згадайте, що грекы надалы чрезъ латыньцивъ усимъ народамъ таки назвы, про яки теперъ дбаете, передалы греки й латыняне ще за ихъ варварства, а ти, вныбывшысь изъ дыкого побыту, надалы иншымъ варварамъ, що позыралы на ныхъ изнызу вгору, бо й ляхви, й Москви, и нашій Татарви. Англійську мову прошпыкговано чужоземнымы словамы надъ усяку иншу, а про те вона пійшла вгору вы́соко. Абы духа мовы не зопсуваты, абы слово дзвоныло гарно въ насъ у бандурній струни, дакъ je prends mon bien partout, oú je le

trouve. Такъ я надумавсь; инши жъ нехай думають по вподоби, faciunt meliora potentes. Щырый Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Вкланяемось обое Вамъ и вашій старесенькій, гладючы дитокъ по головци. Якъ йихатымете до насъ, дакъ забырите зъ собою струны до гытары, а потимъ повезете до дому, бо въ насъ на сій кобзи нихто не грае.

11.

Р. Б. 1890, серпня якогось: бо не знаю, колы буде нагода послаты.

Любый Буй-Туре не Всеволоде! Даруючы Вамъ Буй-турство Ваше, поновлюю обицянку мою—зредакгуваты ваши стыхотворы, якъ вернусь на бытый культурный шляхъ. Перепущу ихъ черезъ віялку, не жаліючы праци й часу, абы стать Вамъ у прыгоди такъ, якъ вы сталы мени сотнягою рубливъ. Кажу въ прыгоди тымъ, що, вповаю, не знайдете ни такого щырого патріота словесного, ни такого дотепы на сю ричъ,—ще й надто, що въ нёго самого дума думу пошыбае, а власна сорочка до тила блыжче.

Прыхыльный до вашои словесной праци Панько Кулишъ.

12.

Р. Б. 1890, паздерныка 2. Зъ Ганнынои Пустыни.

Голубе мій волохатый та буркитлывый, Степане Данылювычу!

Спасыби вамъ за вашъ прыхыльный лыстъ й за те, що не ремствуете на мене за мою невмилисть копыроваты векселй. Колы бъ мавъ пидъ рукою другый бла̀нокъ, заразъ бы попросывъ Ганну мени слово по слову диктуваты, а то—посылай у Борзну, а кого? хиба себе самого. Да й за моею простою роспыскою ваши 100 р.+10% не пропащи, хочъ бы й мене на свити не було.

Завыдувавъ я вашій профессіи, чытаючы Вашъ лыстъ, що Вы всюды вхожи, и передъ вамы ще лучче, нижъ передъ сповидныкомъ, людське жытте незакрытнѐ. Оце жъ вы, певно, понавозылы съ Конотопщыны всякыхъ спомынокъ. Не гнивайтесь за чужоземныи слова: я стою не на тому, щобъ намъ ни въ кого не то тютюнцю, та й искоркы на люльку не позычыты. Люлька-же такы буде наша. Та й народы, що подилылысь Грецьіною й Рымлянщыною, побудовалы соби мовы, такъ само, якъ и осели, зъ грецькои й рымськои руины. Нихто не скаже, що Дантова мова крадена; була жъ вона колысь такымъ жаргономъ, що правый наслидныкъ Цицерона затыкавъ бы вуха, а затыкавъ бы черезъ те, що сымъ жаргономъ ще не промовылы до нёго Данты й Шекспыры. Мусымо дбаты найбильшъ про те, щобъ духа творчого въ своимъ народи пидняты. Тоди будивля, хочъ бы и съ чужои цеглы, чы мармору, була на половыну споруджена, здается благородною и самостійною.

Не гнивно Вамъ нехай буде й те, що я боюсь насылуваты мій жывитъ ли́ками. Умырають велыки дукачы, мавшы коло свого боку прерозумныхъ ликаривъ, а простый хуторянынъ жыве соби тай жыве. Що-жъ до ривносты духа, то спогляньте на ричку, що́ выробляе вона на порогахъ, а зипхнувшы або перескочывшы бурно пере́пятъ, зновъ тече своимъ ходомъ. Колы бъ вы зазырнулы въ мою, такъ звану, чорну тетрадь, то що-дня побачылы бъ що-небудь выще надъ хуторне смитьте та кизячьче, або жъ такы спокійно, якъ ровчачокъ у травыци. Хто стилько напысавъ и пыше по своій духовній спромози, тому байдуже про кинець жыття ёго, абы тыхо заснуты, возложывшы прымусову тяготу жызни на новищи, молодши плечы. Нехай ще добри люде попонесуть сокровыще нашого серця й розуму, переступаючы черезъ каминня й колодде недорозуму людського, дбаючы про те, щобъ те сокровыще хочъ не втерялось, колы не побильшало. Такъ то, мій голубе сызый! Не пытае въ насъ доля, чы *хочемо* жыты, бо *мусымо*. Се спильня праця всёго жывого, праця съ прымусу. „Раби неключимы есьмы и, еже что сотворихомъ, должны бѣхомъ сотворити". Такъ, здается, пыше апостолъ Павло.

Хотивъ бы я знаты, колы вы навидаетесь у Кыивъ. Якись чудни люде Кыяне: хочуть, якъ бачу, щобъ курку вчылы яйця. Довго було бъ розсказуваты про ихъ козакувати каверзы, та й не знаю, про що й на що. Тилько вповаю, що Вы пропышете мени дещыцю про ихъ литературщыну. Не багацько воны наробылы дила за ци десятолиття, колы за роботу не вважаты колотнечу та перелайку, мовъ на торгу. Бигаючы по коней та по телятъ у садъ пидъ страшенну хлющу, охрыпъ я бувъ такы геть, а потимъ и кашляты почавъ. Теперъ те вже пійшло на сухій (слово не разоб.).. а такы прошу пропысать мени запорожську прыпарку, бо я, не Вамъ кажучы, забувъ, якъ робыты. Прыхыльный до Васъ Панько Кулишъ.

13.

Р. Б. 1890. Лыстопадъ, 5 дня зъ Ганнынои Пустыни.

Хочъ и цураетесь Вы 10 р. проценту, а я такы Вамъ ихъ прышлю. Не честь мени и не подоба видниматы въ любого земляка десять карбованцивъ прыбутку черезъ те, що винъ любый землякъ. Се выйде на те, що хвалылась одна дивчына: „мене, мамо, хлопци люблять, кулакамы луплять“. Да Вы жъ и не Крезъ, щобъ запомогаты Кулешови. Ся честь Вамъ не налéжыть: ни Вашы диды, ни Вы самы до неи не дослужылысь и не доробылысь. А що Вы пышете про Кыивськыхъ патріотовъ, такъ се въ мене давно пропечатано, тилько не про ныхъ самыхъ, а про ихъ предкивъ. Не може древо ледаче даваты плоду доброго. Яблучко видъ яблуни не далеко видкотытся. Васъ покарано за те, що вы, бувшы мужемъ блаженнымъ, пійшлы на раду нечестывыхъ и силы на сидалыще губытеливъ. Симъ грихомъ вы гришни ще й тоди, якъ бачылысь мы у Петробурси. Вухо ваше було тоди осквернено брехлывою хулою, та я, бувшы іи жертвою, не давъ Вамъ ничымъ постерегты, що добре бачу, въ якыхъ клоакахъ Вы тамъ обертались. Не Вы первый, не Вы й остатній. Тымъ я й тытуловавъ Васъ лыстовно Буй-Ту-

ромъ не Всеволодомъ. Бачывшы жъ теперъ, якъ гирько Васъ покарано, болію серцемъ.. Що зъ воза впало, то пропало. Якъ одирвалы iезуиты видъ насъ панувыту Русь, и мы вже ін спoганену до себе не прылучымо, такъ воны обикралы й саму безцинну скарбивню. Ажъ рука въ мене надто тремтыть се пышучы. Чы забезпечылы жъ Вы хочъ пысання свое копіямы? Я й не знавъ, що Вы такъ доблестно працювалы на нашій риднiй ныви, збираючы колосокъ по колосочку, не то що! За сю велыку, хочъ бы и втрачену вже, працю прыгортаю Васъ до серденька.

Хотилы бъ мы зъ Ганною знаты, чомъ Вы не спомынаете въ лысти про Вашу старесеньку. Чы й вона була зъ Вамы у Кыиви? Колы жъ була, такъ я бъ хотивъ незрымо йты всюды посередъ Васъ и прыслухатысь до іи сердечнои рича. Що вона казала про святощи наши? Якъ вона чыстымъ сердцемъ Богови нашому молылась? Богъ же намъ зоставывъ свои спасенныи слиды не тилько въ высокимъ пѣснопѣньѣ и велычній правдою прози, ни! Ёго натхненне выдко намъ усюды, де праведныи души поклонялысь ёму духомъ и правдою видъ щырого серця. Оце жъ просымо сповистыты насъ про старесеньку, де вона теперъ зъ дитонькамы и чы почынае вже звываты соби кубелечко? А що я зву мое мыле подружже Ганною, дакъ се ознака, що спершу вона була не зовсимъ моеи виры, а потимъ охристылась у мою виру и въ святому хрыщенни наричено іи Ганною Барвинокъ. Прыймите видъ неи щыре прывитанне.

Правдывый прыхыльныкъ Вашъ Панько Кулишъ.

14.

Р. Б. 1890, мис. 12, дня 7.

Любый прыятелю, Степане Даныловычу!

Лыстъ Вашъ, пысанный 3-го дня 12 мисяця, мае на соби образъ и подобіе воловои шкуры, що на ній прописани людськіи грихы, духомъ же дыше голубынымъ. Я бильшъ вознепщувавъ про Б...чову крадижъ, нижъ той, хто заслужуе вичного по-

дячного спомыну знаходженнямъ, збыраннямъ и хованнямъ усякыхъ памятокъ нашои старовыны... Спысанъ и Іереміевськый жаль Вашъ у лысти до К...го, щобъ знавъ, якого прычепу своимъ верховодомъ настановылы. Вказавъ на той лыстъ и лыстуючысь изъ В. Вовкомъ, та обыдва мовчать, маючы таку вдачу, що иншый скорише жытіе Сковороды напыше, нижъ воны ёму на ёго „добрыдень" видкажуть „бувай здоровъ". Не пропущу й потимъ нагоды—впысаты въ исторію Старорусськои жызни выразный лыстокъ. Тымъ и погыбае слава Дажбожого Внука въ князькыхъ усобыцяхъ (мовлявъ хвалытель „Соловья старого времени", Бояна), що мы давно вже заслужылы докиръ незнаного виршопыса:

Гей панове генералы,
Чого есте такъ оспалы?

Отаки жъ останни передовыкы національносты Старорусськои й репетують мовъ та баба, що нихто іи не ратуе, або лизуть у гору, мовъ жаба на купу грязи. Котузи (а може й катюзи) по заслузи. Та цуръ ёму!

Звеселылы Вы мене звисткою про дванадцять баёкъ своихъ, що ходять, мовъ гришна душа, по мытарствахъ. Ходыть и доси по мытарствахъ и моя не байка, щыра правда. Склалась изъ нею така бида, якъ зъ тымъ пентюхомъ, що спивають про нёго:

Ой пійшовъ Опанасъ
По горилку за для насъ,
Зачепывся за пень,
Дай стоявъ цилый день...

Вымагае видъ мене мытарство не такои правописи, якъ въ оцимъ моимъ лысти (що здается, й козы булы бъ сыти и сино циле), ни! Велять мени пысаты правопыссю „Перелицёванои Енеиды", а я й не знаю, чы забувъ уже,—яка и вона. Оце жъ мушу вхопытысь за черныговську старовынолюбну клямку: або вышлить мени того мерця, Котляра, жывцемъ, або скопыруйте аркушыкивъ пару съ первого, чы другого тыпу пере-

лыцёванои Енеиды, нехай нашъ Опанасъ не стоить зачепывшысь за пень, а то буде ёму те, що вже й було колысь:

Прыйшла жинка, видчепыла,
Та й потылыцю набыла
(або: Та й по пыци была, была!)

Любо мени було довидатысь, що вы такъ памятаете псаломъ: „Что есть добро или что есть красно, яко жити, братіе, вкупи?“ Добра ричъ и одынъ розумъ, а два, чы тры—ще й лучча. Вы вкупи й про будущыну дбаете и одно'дного навчаете. Сымъ робомъ здякуетесь найлучче мылосердному Богови за те, що насъ на свити держыть. Аминь.

Ганна Барвинокъ гарненько Васъ витае. Панько зъ Ганнынои Пустыни.

15.

1891, травня 29, Ганнына Пустынь.

Зрадилы мы, почувшы ваше жваве, та ще й жартовлыве слово, коханый и шановный добродію. Вы жъ бо и зъ самою смертю жартуете, не то що!

Вбачаемо зъ сёго, що по Чернытову не журытесь, а нову свою оселю веселымы мыслямы витаете [1]). Такій и бувъ нашъ завитъ видъ предкивъ: „Дай же (рече), Боже, щобъ козакы пылы та гулялы, весели мысли малы“.

Прославылы Вы черныговського Голосія-срибляныка добре, та зъ ильвивською бурсою ничого не вдіемо. Выпрохала въ мене бурса право перепечататы мою „Чорну Раду“, яко премію до ихъ газеты „Дило“, я й давъ имъ дозволъ, и чытаю въ часопыси, що выйшла моя кныга другымъ тыпомъ и продается отъ по такій цини. По нашому звычаю подобало бъ дякуваты чоловикови хочъ двома словамы за пидпомогу, да надислать ёму прымирныкивъ твору ёго, щобъ сказавъ: „добре перепечатано“,

---

[1]) Въ это время С. Д. Носъ былъ назначенъ врачемъ въ Городницкій уѣздъ Черниг. губ. *Ред.*

та годылось бы й саму часопысь, котру пидперъ, выслаты ёму. Ничогисенько такого бурса не тямыть. Гавъ! гавъ! та й мовчыть соби псыною. То якже до такыхъ псяюхъ мени посылаты Вашого Богухвала? Колы насъ не поважають за нашу повагу, такъ поважаймо сами себе. Вы не знаете, якъ воны покралы въ мене кныгы й ландкарты, що йидучы въ Парыжъ подавъ имъ на схованку! Що воны робылы зъ моими гришмы! и таке инше—цуръ имъ! А що вашыхъ баёкъ не дозволяють печататы цензурни недоумкы, такъ се того, що вы, певно, й тамъ проповидуете:

„А вы жъ прыйихалы народъ судыть,
А вся ёго душа и розумъ у звычаяхъ,
Въ истории сыдыть.
Хыба жъ вамъ до того,
Щобъ сей народъ розвидать—изучыть,
Та й праведно судыть, и т. д.

Я про таки речи мовчу, та й мени дають видъ коша, вымагаючы якоись правопыси Котляревського, се-есть ретроградства въ пысаній промови ридного слова. Байдуже и я, що не печатается: абы пысалось. Настане часъ, якъ не буде насъ, що повынышпôрюють и поспысують усяку всячыну нашу, та й дывуватымутся: що якъ си люде въ такій темряви працювалы и пры такому темрявому свитли пысалы? Мы зъ Ганною, хвалыты Господа Мылосердного, жывемо соби помалу, та заходылысь оце будыночокъ будоваты, такъ изъ майстрамы морока: и не вміють, и не хочуть робыты до ладу. Вже валькуемо стелю и вкрываемо крокви зъ латамы! абы дощемъ не залывало, закилъ на копійку розжывемось, щобъ окукобыты.

Щырый прыхыльныкъ Вашъ Панько Кулишъ.

P. S. Якъ прочытавъ я Ганни про львивську бурсу, вона й рече: „Нехай же то бурса, а въ насъ не бурса, та що робыты изъ Донъ-Жуаномъ“? Переспивавъ, бачте, я Байронового Донъ-Жуана по нашому отакымы строфамы:

Налагодывсь оце поэму виршовать:
Кого жъ бы то мени та за героя взять?
У насъ теперъ що рикъ, то все нови герои...
Подывымось—ажъ ни! не Гекторы се зъ Трои...
Не хочу славыты пройдысвитивъ такыхъ;
Старый другъ, Донъ-Жуанъ, далеко лучче ихъ,—
Той, що на сцени въ насъ колысь гулявъ, крутывся,
Ажъ покы до чортякъ у пекло провалывся.

Просыть у мене сёго переспиву К.....ій, кыянынъ, щобъ напечататы у львивській „Правди". Я зъ доброхитства свого й давъ. Отъ чую ще зимою, що бачылы мій печатный переспивъ у Кыянъ у рукахъ, а мени не сказано навить спасыби, и я не знаю й доси, чы добре надруковано. Бачыте, якъ наша пичъ пече, а мы хочемо, щобъ насъ и въ Московщыни шановано, не то що! за що насъ шануваты?

16.

Р. Б. 1891, мисяця лыпця 21 дня. Зъ Ганнынои Пустыни.

Любый и шановный земляченьку, Носе—Доброносе! Зрадивъ я, чытаючы зъ Ганною Ваше выбрикуванне та й не дывувавсь: бо зъ Вамы була, а може йѐ й буде въ Городни Ваша (нехай доля гладыть іи по головоньци!) старесенька. Посылаю до васъ моихъ десятёхъ потужныкивъ; нехай подякують, нызенько вклонывшысь, що Вы дозволяете сотни ихъ товарыства погостюваты въ мене покы добудую будыночокъ. Чы не знаете Вы у Черныгови часомъ Мыхайла Кыryллов. Б—ка? Пысавъ до мене, чы не можна бъ черныговцямъ „unitis viribus", мовлявъ, появыты свитови де-що зъ моихъ творивъ? Я видпысавъ, яки въ мене йѐ томы до тыпування и пры тыхъ томахъ усяка прозова й стыхова дрибнóта; такъ можна купыты въ мене право выдавныцтва и на одынъ аркушыкъ друку, не то що; та ще й кажу, що й такою кныжечкою спасенна душа довела бъ тіеи славы, що й мы такы кришечку закандзюбылысь на самостійну мижъ славя-

нами націю, не даючы загынуты словесности своій у рукòпысяхъ. Ну, та може мій лыстъ не дійшовъ до его рукъ; дакъ зробить мени ласку—дознайтесь: чы справди такы мовчыть сей Б—ко черезъ пошту, а не черезъ те, що винъ—потомокъ балакучыхъ и брехлывыхъ предкивъ? Щыро до васъ прыхыльный

Панько Кулишъ.

17.

Телеграмма. Р. Б. 1895, мисяця стычня, дня 4.

Спасыби, голубе нашъ сывый, та волохатый, що Вы й насъ у новому роци спогадалы. Мы жывемо такъ осторонь, що не дыво й позабуваты, чы ще манячымо на свити, чы перебралысь до предкивъ своихъ у козацьку Валгалу (а чымъ же козакы згирши Варягъ Игоревыхъ та Святославовыхъ, що имъ не дзвонылы въ золоти струны ихъ робомъ да не спромоглысь на свою власну Валгалу?) Я жъ до того, колы хочете знаты, заходывсь вдруге коло перекладу святои Библіи на мисце тіеи, що згорила до Апокалипсового кинця. И въ мене душа не зъ лопуцька,—хоче того, чого й людська, се йе спасення души, да покы що й тила. Латынци бо не даремно пысалы про душу: mens sana in corpore sano, а таки нимци, якъ Гуфландъ и Кантъ дойшлы умомъ, що завзятте розумове пидкрепляется завзяттемъ физыковымъ. Отъ я й бачу, що Библія держыть мене на свити краще добрoи горилкы оковытои, тай роблю перекладъ що день Божій. Витаю Васъ на 21 стыси главы XIX Выходу (Exodus). Позыраю черезъ оксфордовське выданне и на свою славяно-церковную кныгу, прыдержуюсь того слова, що видкрыло новый свитъ хоробрымъ русычамъ, та й на чужеземни коментыровкы и переклады, таки, якъ Рейссивъ и проч. Вповаю на Божу ласку, що дожыву до кинця 1895 року, а зъ его концемъ скинчытся й моя нова праця. Покы жъ той Божій судъ, а наше жызняне право, печататыму выпускамы, частынамы, по сотни прымирныкивъ по-за-полыты нею прыр-

вою: нехай хто мени й укаже друкомъ, колы не дручкбмъ, мои помылкы въ нашій старезній по Владымерамъ та Ярославамъ, та молоденькій по Тарасамъ, або й по Носамъ—мови. Отъ и Вамъ буде робота зъ Вашою досвиднею памяттю. Робимо ридну промову вкупи, яко ривный зъ ривнымъ, хто къ чому горазденъ и угоденъ. Ну, та годи надокучаты Вамъ похыплывымъ пысаннемъ, що може й не разберете чого.

Щырый Вамъ Панько Хуторный изъ Ганною Хуторною.

19.

Телеграма.

Коханый и высокошановный земляченьку! Не здывуйте, що пышу до Васъ оливцемъ, та ще й телеграму—не лыста. Ars longa, vita brevis; думка за горамы, смерть за плечамы. Не пышу ни до кого, ни про що, тилько видпысуюсь, совистячысь добрыхъ людей. Найлюбиша Вы намъ душа тымъ, що седыте вкупочци зъ Вашею суженою—не гудженою, та зъ диточкамы. Оце воно, дбання про ихъ розумъ и серце: такого дбання не купылы бъ ни за яки гроши. Университеты жъ та чыны й нажывы те все ричъ марна. Вы й сами, здоровы, се выспивуете гарнымъ стыхомъ про тыхый и хвылеревучый Дунай. Оце жъ не мени вчыты навченого, хыба дяковаты, що й Хуторного Панька не занедбалы.

Про мои рукопыси давно миркую, щобъ ихъ орда не поннвечыла, ийе въ мене такый чоловикъ зъ высокого колина, що имется до сіеи справы, якъ наслидныкъ и завитныкъ велыкои библіотекы, тилько та перебывка, що таки люде ще меньше мають часу, нижъ той пылновытый кожемяка, мабуть, кыивського кодла, що каже дивчыни, якъ вона пидъ викопцемъ ниженькамы тупъ, тупъ!

Не видчыню Марусенько,
Бо немаю часу:
Одну шкуру держу въ зубахъ,
Другу тягну зъ квасу.

Пышемо одынъ до одного про всяки речи, а бачытысь—изъ роду не бачылысь. Ваше жъ пысанне шкода була бъ утеряты необачно. Памятатыму про Васъ, и колы тее, дакъ и тее. Та тилько раю Вамъ: на чужый коровай очей не порывай, а свій дбай. Ще лучче мене се, може, зробыте до свого впокою.

По тимъ боци политычнёи прырвы давно вже ничого не друкую, та не маю кошту й друковаты: бо въ литку перемовляю святе пысьмо босоножъ, а въ зиму—въ чернечыхъ кéнькахъ. Такъ бо воно й годытся робомъ босоногыхъ велетнивъ чыныты. Вас. Мых. и до мене не пыше: въ таку судову справу вплывъ и вбривъ. Изъ нашымы Старицькымы та Кропивныцькымы не знаюсь, певно й черезъ ихъ, и черезъ мое нúкольство. Про академію ничогисенько не знаю й не хочу знаты: вона съ Костомарою зайила соби лепту вдовыци, тай байдуже. Бачте, якымъ самитныкомъ жыву соби зъ моею Ганною! А вы гукаете: Гей хто въ лиси озовыся! Та выкрешымъ огню, та покурымъ люльку—не журыся! Я жъ и сіеи розвагы не маю, та й не хочу маты. Ни тютюнъ, ни люлька не знадобытся въ дорози такому козаковинетязи, якъ я; ни ковбаса, мовлявъ той, ни чарка, щобъ мынулася сварка. Мени жъ, хвалыты Господа, ни съ кымъ и ни за що сварытысь. Обое Вамъ обомъ уклоняемось, витаючы прыхыльни. Панько Хуторный.

19.

Р. Б. 1895, мисяця лютого, дня 10. Зъ Ганнынои Пустыни.

Телеграма.

Спасыби за сповистку про всячыну. А щобъ намъ по гаяхъ оддыхаты, такъ видложымо се на тогосвитни гульбыща. Ледве маю снагы й часу на коротисеньку телеграму. Никого не пускаю до себе, та й самъ ни до-кого ни-жè! Ще тилько четверту кныгу Мойсееву допысавъ до гл. XXIII, та й не знаю, чы побачу колы Апокалыпсового аминя. Ще жъ мушу почыту-

ваты й загранышнихъ библиstивъ. Про кого, якъ не про такыхъ хуторянъ, якъ я, воны такъ велыко працювалы? Noblesse oblige,—отъ и почытую; а свои люде не багацько бъ мени по за нымы выяснылы,—безъ сорома казка. Вас. Билоз. трохы ще крепыться, а пысаты до ёго на столыцю: Караванная, № 11, меблир. кв. Та винъ скупъ на видповидь, а й надто зъ недужою рукою, що ледь-не-ледь саморучъ пидпышется. Такъ то, голубе мій, „вѣци человѣчи въ княжихъ усобицяхъ съкратишася", якъ жалкуе землякъ, спивець Игоривъ Святославенкивъ. Про печатанне чужого шкода й казаты. Я й свого багацько занедбовую, дарма, що доволи пробувавъ пера и черныла, що въ ёму за сыла. Теперъ уже перо такъ пыше, якъ муха дыше. Колы бъ Господь сподобывъ пидперты ридну мову Библіею. Сей перекладъ и мени самому наука,—est modus in rebus. Та годи! Выбачте за коротенькій видгукъ на ваше голосне й шыроке гуканне. Дай Господы Вамъ довго мене добрымъ словомъ помынаты за мое сылкуванне середъ ридного безлюдья. Панько Хуторный.

„ОБОРОНА БУШИ"

Исторычня драма въ V діяхъ и 6-ты одминахъ.

(*зъ часивъ Хмельныцщыны*).

(*Окончаніе*[1]).

Дія четверта.

Середына замчыща. Злива на передкону дзвиныця; на ій икона зъ лямпадою. Зправа брама и башта. Навкругы зубчасти муры зъ стрильныцямы и пидмуркамы, на яки ставлять гарматы. За муромъ зъ одного боку, що йде вныз, видкрывается дали на 3-му пляни высокій окипъ. День.

Ява 1.

Верныгора, Хорунжый, Свырыдыха и чимало людей.

Въ церкви йде одправа. Людъ богобійно то входыть, то выходыть; часамы чуты спивы духовни. А) Коло дзвиныци прыбытый наказъ Богуна; Верныгора и де-котри коло ёго купчатся. Б) Коло брамы сыдыть и лежыть чимало жоноты, дитей; де-яки пидходять зъ лахманами, клункамы и т. и.

Б) Молодыця [*дытыни*]. Цыть уже, годи!.. Тутъ не страшно! [*До другыхъ*]. На сылу-сылу дисталася... Такый лементъ та страхъ навкругы: людъ тика, товаръ реве, собакы выють...

Баба. Ой, молодыце! Невже посида уже ворогъ?

Молод. Не выдко ще; але на обріи мовъ хмара, чы мла видъ пожарыщъ, ажъ небо все жовте и сонце минытся...

Де-хто. Уже четвертый день, якъ заволокло...

---

*) См. Кіев. Ст. 1899 г. № 3.

Де-хто. Та отъ и тутъ, чуете, якъ гарью одгонить?

Баба. Блызытся, блызытся страшный судъ: прогнивылы, знаты, мы Бога! [*Де-хто хреститься, де-хто зитха*].

А) Хорунжый [*прочытавшы наказъ*]. Такъ бачыте, панове, нашъ полковныкъ, а теперь и наказный, славный Богунъ оповища й наказуе, щобъ озброилы яко-мога и замокъ и пидзамче, бо сюды йде и може ударыть на Бушу зъ гризными сыламы звирюка Потоцькый, а зъ нымъ и родычъ його, ще гиршый чортяка—Чарнецькый.

Козакъ 1. О, той уже певный выплодокъ видъ пьяной видьмы и скаженого вовка.

Де-хто. Ха,ха! Такои звирюкы й не выдано, и Ярему забье пидъ пъяту́.

Хорунж. Эге-жъ: воны, выдко, закупылы татаръ-харцызякъ, та й сунуть всима сыламы на Вкраину; такъ ото панъ Богунъ и наказуе, що, колы пощастыть, и ворогъ обляже Бушу, такъ щобъ мы затрымалы його тутъ, покы наказный злучытся зъ гетьманськымы потугамы.

Верныг. Чому не затрыматы? Можна побавытысь зъ нымы и тыждень: пидзамче голымы рукамы не визьмуть, а объ муры поламають и зубы.

Баба [*пидходыть видъ брамы*]. Ой, лыцарю любый, такъ кажешъ, що мицный тутъ зату́локъ?

Верныг. Мицнишый за твою кыбалку.

Молод. Охъ, колы-бъ Богъ давъ! Людъ зъ усихъ хуторивъ такъ и посунувъ сюды.

Верныг. Набьется жоноты и каличи, а потимъ и здіймуть гвалтъ та лементъ, щобъ одчынять ворогу браму.

Одни жинкы. Не диждутся!

Други жинкы. Якъ пропадать, то не даромъ!

Трети жинкы [*тыснутся видъ брамы*]. Уже? Пропадать? Хыба ворогъ у замку?

Верныг. Та тыхо тамъ! Де ще те, мовлявъ, теля, а воны уже зъ довбнею!

Свырыд. [*мижъ юрбою*]. Диждалася! Свято, свято! Кривавый бенькетъ и свято! [*проходыть; за нею юрба*].

Хорунж. Та що вы тамъ лементуете? Дарма праця!

Верныг. Якъ дарма? То я бъ оце на-порожнье цилу ничъ працювавъ у пидзамчи?! Ты-бъ поглянувъ, скильки гармать настягано, скильки туривъ наставлено, яки валы пиднесено, то й ахнувъ-бы,—а то дарма! Та хай тильки посунутся, хай наважутся, такъ я имъ якъ поросну межы очи, то такъ шкереберть и поточутся... а то дарма! Та я люльку ставлю объ закладъ, що ни Потоцькый, ни Чарнецькый, хочъ бы въ ихъ на въязяхъ було стильки головъ, скильки у пекельного змія, хочъ бы у ихъ за спыною було стильки нечыстои сылы, скильки сараны въ Перекопи,—а черезъ греблю до мене не дистанутся: зъ одного боку—ставъ, зъ другого—проваллл, а зъ третёго—я зъ гарматамы... Отъ тоби й дарма!

Козакъ 1. Э, Верныгора якъ скаже, то мовъ обухомъ по потылыци!

Жонота. Продовжъ викъ ёму, Боже!

Хорунж. Та я не про те, дядьку, лыцарю славный, що ваша праця на-дарма, а проте, що дарма ихъ ждаты.

Одни. Якъ такъ?

Верныг. А наказъ Богуна?

Хорунж. Наказъ для обезпекы, бо лежачого визьмуть и татары, а зъ того наказу я й постерегаю, що не дурень-же той Потоцькый: спишытся не попустыты злучытысь Богуну зъ гетьманомъ и ставъ бы бавытысь, марнувать часъ коло жменькы у Буши!

Де-хто. Щось воно нибы тее..

Козакъ. А, може, винъ подума, що роздавыть насъ однымъ тыскомъ, якъ блоху баба!

Верныг. О, подавытся цією блохою!

Хорунж. А колы-бъ и такъ, то пошле сюды килька сотень, а всёго війска не зупыныть.

Одни. Э, пана хорунжого рація!

Други. Ну, колы лышыть на насъ килька сотень, то видъ ныхъ тильки мокре мисце зистанется.

Козакъ. Такъ, такъ! А вы, бабы, уже скыглыты!

Молод. Чого скыглыты? Колы яка тамъ зроныла за дытыну слёзу, то на те вона маты.

Други жинкы. А прыйдется до дила, той за васъ постаткуемо!

Хорунж. Отъ и слава Богу! Росходьтесь-же спокійно!

(*Вси посунулы, а самъ винъ у церкву*).

Верныг. Якъ? Щобъ Потоцькый промынувъ Бушу и впавъ на Богуна всима сыламы? О, не буты цёму! Я самъ изъ жменею кынусь ёму на зустричъ и дратуватыму, поки не заманю пидъ си муры! [*Пишовъ у церкву*].

Ява 2.

Марьяна сама.

Мар. [*выходыть зза дзвиныци зажурена*].

Вже наступа Господній Страшный Судъ,
Збигаются збентеженіи люде
Зъ усихъ усюдъ... Несуть свои скарбы,
И головы, й остатни дружни сылы
Украины нещасній на окрéпъ,—
Всякъ забува свои жалí, прыхылы
И виддае всю душу ій цилкомъ...
А я забуть не можу все Антося,
Не можу я прогнать ёго зъ думôкъ
И вырваты изъ серця геть... Ой, леле!
Що діяты?.. Люблю-жъ ёго, люблю!
Недоля насъ на викы розлучыла,
Та не дала-жъ пакъ забуття́ мени...—
И я ношу зъ тымъ горемъ нерозважнымъ
И образъ той коханый, дорогый—
Воны сплелысь... Хиба-жъ то грихъ и зрада
Кохать ёго?—Шляхетныхъ винъ думôкъ,
Душа ёго ясна̀ и серце щыре...
Не суженый... про те коха... Охъ, жаль!
(*Пауза*).
Де винъ? Що зъ нымъ? А чы додержавъ слова?

И видъ думокъ святыхъ не одцуравсь,
Чы потонувъ у панськимъ багновыщи?
(Пидходыть до иконы, що на дзвиныци)
Не попусты, мій Боже—краще смерть!
(Озырнулаеъ зъ жахомъ).
Охъ, що я, що? Онъ диты и стари...
Все сыроты—безъ хлиба й безъ покривли,—
А я ношусь зъ сымъ серцемъ нависнымъ...
Ни, задавыть на викы, щобъ не ныло
Й не трипалось... О, Маты Пресвята!
Зитры зъ ёго укохане мынуле,
Змицны, скрепы мое жыття знебуле,
Дай сылу знять на рамена хреста
И безъ жалю виддаты духъ свавольный
За ридный людъ окрывдженый, бездольный!
(Пауза).

Ява 3.

Марьяна и Палажка.

Палажка. [*пидходыть до Марьяны и цилуе іи въ голову*]
Ты все такы зажурена, въ слёзахъ...
Ажъ не пизнать—зивьяла... Охъ, бодай винъ!
Звивъ зъ розуму... а самъ у ногы...

Мар. Годи!
Бабусенько, онъ немошни, слаби
Й скаличени пидъ брамою зибралысь...

Палажка. Я захыщу и нагодую всихъ;
А тильки-отъ тебе, голубко, й Катрю
Просыла-бъ я у ликахъ помичъ дать.

Мар. Мы прыйдемо: Катруся, певно, въ церкви...

Палажка. Охъ, а мени нема часу́ й питы—
Такыхъ клопотъ! Ну, що жъ тамъ чуть?

Мар. А тее,
Що треба всимъ за Украйну встать
И понесты въ охвиру свои души...

Палажка. О, певно всимъ!

Мар. Наставъ, бабусю, часъ,
Колы й мое жыття въ прыгоди стане,
И я ёго зъ охотою виддамъ
За ридный край!

Палажка [*обнима*]. О, моя доню люба!
Ажъ ожыла, ажъ оченята зновъ
Якымсь огнемъ невыданымъ загралы
Й на лыченьку разжеврылась зоря...
Ховай Господь тебе, мою воркоту,
И оджены видъ тебе злу нудьгу!
Ну, я иду... [*Баба одводыть слабыхъ*].

Мар. Я незабаромъ буду.

Ява 4.

Марьяна и Катря (выходыть зъ церквы).

Мар. Отъ и гараздъ; тебе я, Катре, жду:
Тра до слабыхъ навидатысь...

Катря. Я заразъ,
Тильки скажу Денысови.

Мар. Зайдимъ.

Катря. У церкви винъ.

Мар. У церкви? Вже выходыть?
Якъ рада я за любыхъ васъ обохъ!

Катря. Вже зажылы вси раны, хвала Богу:
Теперъ новыхъ тильки чекать...

Мар. Ну, що-жъ,
Гуртомъ уси поляжемо, а вкупи
И умирать утишно.

Катря. О, теперъ
Душею я покійна: щобъ не сталось,
А зъ мылымъ я не розлучусь повикъ,—
Мижъ куль и стрилъ полыну зъ нымъ я
поплично,
И колы смерть ёму жыття утне,

А ощадыть мене на люте горе,
То ся рука поправыть хыбу злу
И злучыть зновъ.

Мар. О, смерть бува часамы
Едыная порадныця въ жытти:
Вона здебильшъ намъ заступае матирь,—
Прытысне вразъ до лона, подыхне́
На голову, на перса—и вси мукы,
Вси болисти несказани души
Прыспыть на викъ, укрые супокоемъ...
А ворогъ нашъ лютишый—то жыття!

Катря. Ты все такы на ёго нарикаешъ?

Мар. А що жъ воно дало мени?—Одно:
Ома̀ну злу, нелюдське ошукання
И безличъ мукъ, пекельныхъ катува̀нь.

Катря. Хыба Антось зновъ десь подавсь?

Мар. [*збентежено, прыкро*]. По справи...
У кожного теперъ свое... Тоби
Щось мала я... Чого це знявся галасъ?

Ява 5.

(*Ти-жъ и Свырыдыха, бабы́, жинкы́, дити та други*).
(*Хтось злизъ на дзвиныцю, ударывъ на споло́хъ. Збигаются збентежени, де-яки на муры пнутся*).

Мар. Що тамъ за гвалтъ?

Молод. [*зъ муру*]. Вже військо обляга!

2 жинка [*зъ муру*]. Генъ навкругы, мовъ хмара, бованіе.

Бабы. Пропалы жъ мы! Надходыть Страшный Судъ.

Други и диты. Ой, лелечкы! Рятуйте!

(*Замъятня, переполохъ*).

Мар. [*збига на муръ*]. Де той ворогъ?

Молод. Та онъ генъ-генъ! Свырыдышынъ унукъ
Трохы не впавъ до рукъ татарськыхъ хыжыхъ,—
Такъ хтось ёму знаёмый стривсь...

Мар. Зъ татаръ?

Молод. Ни, зъ козакивъ обляшеныхъ... Отой пакъ,
Що бувъ у васъ... годованцемъ...

Мар. Що?! Що?!
Не може буть! Не може того статысь!
Омылка то... Хтось схожый на выду...
Неправда то! Ой, зроду ни!..

Катря. Мій Боже,
Невже кинець и выкруту нема!

Дидъ [*якого дви унукы несуть*].
Охъ, не несить! Не натружайте сылы!
Навищо я? Пидъ цвынтаремъ лышить!

Унукы. Дидуню нашъ, голубчыку!

Дидъ [*плаче*]. Спасыби,
Риднесеньки! Прыймы васъ тамъ Господь!
[*цилуе*].

Гуртъ жинокъ [*надбига*]. Вже свитъ урвавсь!

2-й гуртъ. Тамъ и ляхы, й татары!

Де-хто. Охъ, люта смерть!

Бабы. Ощады вже не жды!

Хлопч. Ой, проби! Ой, не хочу я вмираты!

Свырыд. [*выходыть и стука клюкою*].
Ха, ворогъ тутъ! Спровадывъ сатана
До нашыхъ рукъ! Диждалася я свята!
[*До хлопця*]. Гей, дурню цыть! Чого ревешъ? Радій:
Тутъ бéнькетъ, ой, та ще якый... пекельный!
Въ смакъ напьемось ворожои крови,
Виддячымо въ сто кратъ панамъ несытымъ,
Натишымось ихъ мукамы у-край!
Радійте вси! Точить ножи и спысы!
У казанахъ розтоплюйте смолу!
Диждалася... ой, свято, свято, свято!!

Ява 6.

Ти жъ и (выходять изъ церквы)—Сотныкъ, Шрамъ, Верныгора, Лобода й инши. Надкола и по мурахъ збильшуется юрба. Надходыть и странныкъ.

Сотн. Що сталося? Яки вистки тяжки
Зибралы васъ, сполоханыхъ видъ жаху,
И лементомъ замчыще понялы?
Мар. Скризь навкругы насъ облягае військо,
Немае мѐжъ тымъ хмарыщамъ густымъ
И око имъ кинця не бачыть, тату!
Безног. Піймавсь жыдокъ: до замку прывелы,—
Такъ божытся, що, мовъ, завзявсь Чарнецькый
Сей замокъ взять, якъ спадщыну свою,
А левенцивъ до одного стребыты...
Сотн. Прошу усихъ на раду військову—
Бративъ орливъ и славную жоноту!
Мар. [*про себе*]. Щобъ въ війську винъ, супроты насъ? О, ни,
То крывда зла!!.. то бъ бувъ пекельный вчынокъ.
Сотн. Якъ чулысьте, Чарнецькый нависный
[*Вси пивколомъ*]. Замыслывъ насъ скосыть едынымъ махомъ...
Се благодать Господь намъ посыла,—
Бо ворогъ мавъ спишытысь въ Баръ найхутче,
Щобъ розлучыть зъ Богданомъ Богуна,
И нарізно на кожного ударыть,
А тутъ ёму спокуса на шляху—
И въ пастку винъ попавсь, спасыби, ослипъ!
Теперъ на насъ лежыть святый повынъ:
Якъ мога довшъ ёго тутъ затрыматы,
Щобъ гетьманъ встыгъ злучыты військо все,—
Тоди то мы дамо ёму звытягу!
Пидъ Камьянцемъ побыла зрада насъ,
И панство йде нашъ ридный людъ змитаты
Вогнемъ, мечемъ—одъ старця до дитей,—
Щобъ руського и ймення не зосталось,
Щобъ не було й святынь у насъ слида,—

А ни церковъ, а ви хрестивъ почесныхъ...
Вырбкъ давъ ляхъ спустбшыть, знищыть геть
Нашъ любый край, засіянный кистками,
Залытый скризь слёзамы й кровью вщерть...
А решту насъ зробыть рабамы, псамы,
Чы обректы на злу, ганебну смерть...
Такъ умремо жъ, якъ лыцарство вмырало
Зъ ухмилкою на сципленыхъ устахъ:
За правду мы, за виру! Хай насъ мало,
А ци мурй укрые трупомъ ляхъ!

Старш. Смерть ворогамъ!

Левенци. На згубу!

Вси. Вси поляжемъ,
А не дамо цурпалка злымъ катамъ!

Свырыд. Заготыть скризь полумья жеруще
И закыпыть ворожа, чорна кровъ,
А я тоди утну веселу писню
И выступцемъ по трупови пиду!

Молод. Ой, Боженьку! Видъ смерты захысты насъ!

Жинкы. Охъ, диточкы риднесеньки, мали
Погынете, мовъ на цвиту прыбыти!

Де-яки. Рятуймося! Порвалося жыття!

Мар. Не рвить себе, не ремствуйте на Бога:
Жыття и смерть—въ правыци пресвятій...
Хто зъ насъ повстать на волю Ёго сміе?
И сонце се, и зори незличнй
Идуть, плывуть Ёго шляхамы... Слово
Лышъ прорече—и вси погынуть вразъ...
А намъ Господь давъ найславнишу долю—
Своимъ жыттямъ зарятуваты край,
Дать супокій замученому люду...
О, се така утиха раёва,
Що за іи благословимте Бога:
Щд те жыття? Оманъ и втратъ стяга,
Такъ оддамо жъ ёго безъ ремства, сестры,
За ридный край!

Стран. О, дщере, надъ уси!
Въ твоихъ устахъ глаголы Неба чую:
Тоби мое благословення! [*Благословля, Марьяна пада навколишкы*].

Жонота. Такъ!
Правдыва ричъ! Коримся Божій воли!
[*Навколишкы*].

Вси. Поляжемъ вси за край нашъ! [*Тежъ навколишкы*].

Стран. [*Здіймаючы рукы*]. О, блаженъ
Сей день и часъ, блаженни вси вы! Небо
Розверзлося и янголы несуть
Предвичнёму сердецъ вашыхъ охвиру,
Готують тамъ, въ надзоряныхъ краяхъ,
Де викъ викивъ хвалы лунають Богу,
Де ни турботъ, ни слизъ земныхъ нема,—
Готують тамъ оселі злотосяйни
Для вашыхъ душъ... О, ниспошлы жъ, Благый,
Рабамъ Твоимъ нещаснымъ опрощення,—
Зане идуть на славну, чесну смерть,
Виддаючы за друзи свои души!
[*Благословля и заходыть у церкву*].

Ява 7.

Ти-жъ безъ странныка.

Сотн. Такъ слухайте жъ моеи рады!

Вси. Згода!

Сотн. Твердыню сю пидзамче огорта;
Поузъ ёго не досягты до неи:
Ото жъ кажу—потугы вси метне
И ворогъ нашъ, конешне, на пидзамче,
И наколы знесе ёго, тоди
Вже визьмется и до муривъ замкóвыхъ;
Такъ треба намъ вси сылы зъедыныть,
Щобъ затрымать пидзамче, яко мога,
Бо си муры продержутся й сами.

Ось мій наказъ: абы усе воящтво—
И юнакы, и лѐвенци й стари—
Пидзамче йшлы грудыма бороныть,
А въ замку тутъ лышытся хай жонота,
Та немошни, каликы и диды:
Изъ баштъ воны здолають ȯдсичъ даты.

Вoякы. Такъ, батьку нашъ!

Жонота. Не пустымъ ворогивъ!

Мар. Мы смерть прынять зъуміемо, якъ браття,
И помстою си рукы насталымъ!

Шрамъ. Ой, любо!

Верныг. Бый мене нечыста сыла,—
Нема ниде такыхъ, якъ въ насъ, орлыць!

Хорунж. Пидъ ихъ крыломъ на смерть иты—утиха!

Вси. Ну й задамо жъ мы чосу ворогамъ!!

Свырыд. А я такы въ пидзамче зъ вамы, друзи,—
Тамъ вразъ напьюсь ворожои крови!

Верныг. То що жъ, нехай!

Шрамъ. А що, якъ янголына
Душа іи розчулыть насъ у край,—
То й бытыся не схочемъ!..

Други. О, то правда!
Ха, ха, ха, ха!!

Свырыд. Побачыте!

Сотн. Ще й то:
Хто-жъ въ замку тутъ ата́маншою буде?
Я думавъ бы—Свырыдыха?..

Свырыд. Ни, ни!
За ватажка найспры́тниша—Марьяна!

Одни жинкы. И розумомъ, и звагою за вси!

Други жинкы. О, кращои ата́манши не треба—
И лыцаривъ за пояса заткне!

Вси. Вси волымо Марьяну Сотныкивну!!

Мар. Велыка честь! Спасыби, сестры, вамъ
И вамъ, браты, и лыцарямъ—спасыби!

Чы стане лышъ въ мене, слабои, сылъ!
Тò—есть святый, велыкый обовьязокъ;
Але у насъ одна надія—Богъ!
Нема часу́ видпрохуватысь трычи,
Якъ звы́чаи батькивъ нашыхъ веля́ть,
И я корюсь и вамъ, и Божій воли!
Будь свидкомъ-же, ты, сонце пресвятè,
Що свій повынъ я справлю святоблыво!

Сотн. О, вирю: Богъ тебе натхнувъ! [*обнима*].

Вси. Хвала

[*Шапкы въ гору*] И слава ввикъ Марьяни Сотныкивни!

Сотн. Ну, часъ рушать: вже ворогъ обляга,
Мовъ сарана...

Верныг. А въ сій частыни муру
А ни гарматъ, а ни стрильбы́цъ нема.

Шрамъ. Озброиты.

Хорунж. И зàразъ!

Сотн. Щожъ,—до праци:
Пидъ баштою арматы досыть йе!

Верныг. Такъ, хлопци, гей! Ходимъ мерщій по неи!

(Спильный рухъ. Зъ-дебильша пишлы. Особни купкы).

Ява 8.

Катря [*осторонь съ Хорунжымъ*] Зъ тобою я въ пидзамче: я клялась,
Що ни на крокъ не видступлю видъ тебе—
И бытыся мы будемъ пòпличъ въ двохъ,
И умремо...

Хорунж. Дружыно моя люба!
Не упада ламаты вразъ наказъ
Преславного панъ-сотныка: за намы
Посунулы-бъ билоголови вси—
И матерѝ й малжонкы, а сей замокъ
Лышывся бы на безбапѣ, безъ души?

Хай коженъ зъ насъ свій обовьязокъ справыть,
А бытыся мы будемъ на очахъ...

Катря. Що-ра̀зу я прыносытыму страву
Й не розлучусь...

Хорунж. [*обнима*]. О, моя доле зла!
Теке ясне́, таке хороше щастя—
И прыйдется виддаты за свій край...

Катря. Зъ видрадистю! Тильки укупи, разомъ!

(*Тягнуть чотыри чоловика и чотыри жинкы плющыху*).

Верныг. У! Хай ёму абыщо! Оть важка,
А, кажете—панянка?

1 козакъ. Хыба панна
Та не бува важкою?

Верныг. Хе! Куды жъ
Прытнуть іи?

Сотн. А отъ-сюды ливбручъ:
Колы въ кинци пидзамче упаде
И зъявытся, по нашыхъ трупахъ, ворогъ,
То панна ся гостынця пиднесе.

Вси. Не одному постеле добру по́стиль.

Мар. [*журно*]. И влучыть ще въ Антося... О, невже,
Невже винъ тамъ?.. Зняло-бъ се въ пекли регитъ,
Сказылась-бы нечыста сыла... Ни,
Се все брехня! Не вирю!.. А якъ правда?
То улучай, гармато: ворогъ винъ,
А ворогу нема, нема ощады!

Меляся [*На другимъ боци*]. Чы на окипъ, чы зъ намы?

Унукъ. Вже-жъ туды

Меляся. Чого жъ то такъ?

Унукъ. Не чула? Мы жъ—лыцарство.

Меляся. Эгъ, хвалытся! Та буду тамъ и я,
Бо охвитнишъ, нижъ за мурамы тута.

Унукъ А якъ прогонять?

Меляся Хто?

Унукъ. Не хто,
А й я!

Меласся. Овва! Мене?

Унукъ. А то-жъ!

Меласся. Цуръ дурня!
Ще заревешъ, абы зосталась...

Унукъ. Ни!

Меласся. Побачымо! Ну жъ, одступысь: пиду ще
Допоможу гармати. .

Унукъ [*за нею*]. Стій! куды?

Меласся. Де радисно. .

Унукъ [*доганяючы*]. Пидирвешся ще, часомъ! [*забиглы*].

(*Друга купа людей тягне велыку гармату*).

Шрамъ. Гей, набикъ вси! Гармата-баба!

Жинка 1. Ху,
Не чую й рукъ.

Козакъ 1. А вы не дуже, титко,
Натужуйтесь, щобъ часомъ...

Жинка 2. Ой, нога!

Шрамъ. Гей, обачнишъ: задавыть баба бабу!

Хорунж. Якъ прытысне̂ въ обіймахъ...

Козакъ. Або ще,
Якъ брехоне, якъ гавкне!

Шрамъ. Целька въ неи—
Свырыдыси не вступыть..

Одни. Де тамъ, ни!
Ковтне лыбонь и цилу гарбузяку...

Други. Чы гарцяя два зализныхъ галушо̂къ.

Сотн. Такъ становить въ середыну брехуху,
Щобъ стерегла до башты сеи шляхъ.

Шрамъ. Оце гараздъ! Бо по шляху якъ плюне,
То й цуцыня не пробижыть...

Де-хто. А вже-жъ!

(*Прыладновують весело*).

[*Въ 3 купи*] Жинка 1. Цыхъ диточокъ, бабусю, прыголубте,
[*Палажци*]. Бо вже мени нема часу до ныхъ...

Палажка. О, якъ своихъ: тамъ ихъ, сыритъ, чы-мало,
И напою, и нагодую...

Жинка. Охъ,
Ховай васъ Богъ за вашу ласку щыру!
Всимъ маты вы!

Палажка. Эхъ, на малый лышъ часъ!

Унукъ [*таска зъ Меласею зоружжа*].
Куды оси стрильбыци й гакивныци,
Вельможный нашъ панъ сотныку?

Сотн. Сюды!
Стрильбыци вси до башты, бо зъ тамъ-видтиль
По сыхъ мурахъ имъ прыськаты зъ рукы,
Колы на ныхъ полизе лютый ворогъ;
А гакивныць чипляйте на гакы!
[*Мелася и унукъ озброюють*].

Шрамъ. Ну, добувать пидъ прыскомъ рай не смашно:
И якъ теперъ дистатысь до жинокъ?

Верныг. Ге, мають чымъ залётныкивъ витаты!

Жинкы. Учадіють одъ ласкы!

Шрамъ. Що й казать:
Украинкы—найпрывитниши въ свити!

Молод. Зъ-того жъ до насъ насунуло й гостей.

Верныг. Чы ба, якъ разъ! А мы й не догадалысь!

Молод. Такъ рады насъ, витайте-жъ гойно ихъ!

Свырыд. Пиднесемо червоного имъ пыва!

Мелася. Ой, завдамо! [*Радисно*].

Унукъ. Ты бъ заспивала ще!

Мелася. А ты гадавъ, що плакаты я буду?
Не диждешся!

Унукъ. Та вже й часу нема!

Сотн. Здается, все уже готово, друзи?

Вси. Озброено.

Сотн. У лавы вси шыкуйсь! [*Шыкуются*].

Ну, часъ наставъ... Обнимемось же, друзи,
Й на вчынъ святый себе благословимъ,
Якъ на той шлюбъ почёсный... Божа воля,
Такъ зъ радистю чынимъ іи!

Марьяна. Скрепы
Намъ, Боже, духъ и серце насталы намъ!

Други. И рызою укрый насъ всихъ!

Сотн. [*благословля и дае знакъ рушаты*]. Аминь!

(*Вси прощаются хутко, хаплыво и мовчкы рушають черезъ браму въ пидзамче. Не чуты ни стогону; ни слизъ. На облыччяхъ сувора звага. Лунае сумный дзвинъ*).

Ява 9.

Сотн. [*обнима дочку*]. Ну, може ще побачымось?..

Марьяна. [*на небо рукою*]. Тамъ, тату!

Сотн. Не дайся жъ-но на мукы...

Марьяна. Певенъ будь!

(*Вси выйшлы. Жонота стоить. На мури два вартовыхъ и Катря; де-яки тежъ зійшлы, дывлятся*).

Ява 10.

Марьяна и жинкы.

[*Осторонь*] Марьяна [*каминемъ стоить. Пауза*].

Невже той богъ, якому я молылась,
Ставъ идоломъ, ставъ гемономъ лыхымъ?
Невже-бъ винъ змигъ у брудъ, въ багно вваляты
Клятьбы́ уси, свій заповитъ святый,
И молытвы́, и серце мое бидне?
То бувъ бы глумъ надъ Богомъ!.. О, не дай
Господь дожыть мени до тіи мукы,
Не дай Господь! Такои кары я
И не знесла-бъ: іи вага задавыть!
Ни, щырый винъ... шляхетный зъ юнакивъ...

Освиченый... не здатный на мерзоту...
Даремно я себе грызу... А що,
Колы бува... Ой, дали!.. Кожна хвыля
Намъ дорога, а я марную часъ!
(*Хутко и жваво повертается до жоноты*)
Коханыи и подругы, и сестры,
И матери, и ветхи деньмы, й вси!
Голосыть дзвинъ и всихъ насъ поклыкае
Забуть себе и злыть вси почуття
Въ одно лыше велыке, неомирне—
До матери Украины: вона
Теперъ кона въ тяжкій, пекельній скрути
И поклыка, благае до дитей...
Невже жъ то мы ганебно й похоплыво
Видсахнемось одъ неньчыныхъ благань?
О, зроду ни! Будь проклятъ, хто й подума!
Мы мусымо умерты безъ жалю,
Безъ роспачи, безъ ремства, безъ докору,
А радисно зъ одвагою въ очахъ
И зъ вирою, що наша славна страта
Спромогу дасть преславнымъ воякамъ
Злучытыся и ворога видкынуть...

Жонота. Вси жалощи, вси радощи до нигъ
Мы зложымо нещасній Украини!

Марьяна. Сторожою-жъ скризь станьте по мурахъ
И по черзи зминяйтесь, а стариши
Хай страву лышъ готують за-для всихъ.
Та начынить набоямы гарматы!

Катря. А покажить намъ, диду, якъ и що?

Дидъ. Бувъ гармашемъ, то стану у грыгоди.
(*Набывають гарматы*).

Марьяна [*обійшла на передкинъ и замыслылась*].
Спокійна я... Все занимило... Годи
Вагатыся зъ цымъ серцемъ; а жыття
Не жаль мени: зивьяло въ злій прыгоди!

Всёму кинець! Немае вороття!
Ну, смерте, йды! Тоби я навить рада,
Помиряюсь и въ вичи зазырну;
Не виджахне твоя страшна порада!
И чую я въ сю хвылю чаривну
У персяхъ тутъ таку звытяжну сылу,
Яка злама на смертному шляху
Навить твою невважену пыху
Й пережыве ниму, тисну могылу!

Ява 11.

Ти-жъ и вартовый.

Вартовый [*выходыть на мури зза башты*].
Пидйихавъ генъ пидъ башту ляхъ...
Катря [*прыдывляется въ бійныцю*]. Магнатъ
Якыйсь, лыбонь изъ почтомъ.
Марьяна. Гей, пыльнуйте!
Мелася. Якъ разъ пидъ стрилъ зъ гарматы...
Марьяна. Нациляй,
Наводь мерщій!
Дидъ и жинка. Готово!
Катря. Стій, на хвылю!
Здается, що.. Такъ, такъ; конешне, винъ!
Марьяна. Хто винъ?
Катря. Та нашъ, ій-Богу!
Марьяна [*нетерпляче*]. Хто-жъ то?
Катря. Антось!
Марьяна. Антось?! Антось!? Не може буть!
[*Збига на пидмурокъ*].
Катря. Та глянь сюды! Коханый-же? Пизнала?
Марьяна. Пизнала!.. Ха, коханый?! Лжа и лжа!
Дурывъ, манывъ... Ой, боляче!.. Все пада!
Де-жъ гоноръ, де?! На бабъ меча гострывъ!

У шатахъ змій... злый ворогъ... Зрада, зрада!
Нема жалю!.. Палы!!

(Розлигся постриль).

Катря [*сплеснула рукамы*]. Ай! впало тры!!

(Марьяна, одвернувшысь одъ муру, стоить каминемъ).

Зависа

Дія пьята.

А) Перша картына.

(Декорація тажъ. Ничъ. Дви свижыхъ могылы).

Ява 1.

Дидъ и Сотныкъ.

Дидъ [*до Сотныка, що вылазыть зъ потайныка*].
Хто тамъ? Пыльнуй!

Сотн. [*выходыть*]. Се я.

Дидъ. Панъ Сотныкъ?

Сотн. Дійсне.

Дидъ. Що-жъ тамъ, гараздъ?

Сотн. Тры дни уже пройшло,
А ворогъ нашъ не роздобувъ и пьяди:
Чарнецькый-катъ вси сылы нацькувавъ—
И татарву, й драгонію, й кварцёвыхъ,—
Зъ усихъ-усюдъ метать ихъ ставъ на насъ;
Не разъ, не два, а десять разъ на добу
Пекельный гвалтъ насъ огортавъ, разывъ—
И пьяна смерть зъ косою скаженила!

Дидъ. Мы бачылы, якъ ти налёты зли
Йно прыгорща завзятцивъ оджахала:
Якъ безъ гарматъ на груды лышъ свои
Прыймалы вы розсатанили хвыли

И якъ воны, немовъ одъ гризныхъ скель,
На дрибенъ-дощъ, на пину розбывалысь.

Сотн. Пивдня тильки було у насъ гарматъ,
А то ихъ вси на пôкыдьки розбылы
Й пишлы на гвалтъ, та ззилы гарбуза:
Объ насъ соби пополамалы зубы!
Ще зъ тыждень бы прыйшлось имъ сатанить,
Колы бъ лыхый не накладавъ зъ Чарнецькымъ:
Прыдумалы у-двохъ спустыты ставъ,
Що захыщавъ видъ нàпаду намъ спыну,
А се морозъ ще дно глейке скрепывъ,—
Ну, въ досвита й нарыне по ставыську
Тьма-тьмуща ихъ... Що-жъ? Ляжемо гуртомъ,
А зàмокъ ще устоить хочъ пивъ-добы—
И те гараздъ: Богданъ прыбувъ у Баръ
И злýчытся...

Дидъ. Не на дармà сконання!

Сотн. А лыцарство яке вже полягло
И засягло якои славы! Боже,
Не одхылы одъ лона ихнихъ душъ!
Чортополохъ прокрався по-пидъ греблю
Й перевернувъ гармату ихню въ ставъ;
Палывода зъ окопыща самъ кынувсь,
Щобъ збыть килькохъ... Хорунжый мій Денысъ,
Щобъ замануть ляхивъ зирватысь зъ скели,
На втекы вдавсь,—за нымъ прытьмомъ воны
И разомъ вси шелеснулы въ провалля...
Палій... Колій...—Эхъ, добри козакы,
Ажъ тутъ щемыть!

Дидъ. Земля перомъ надъ нымы!
И въ насъ уже полынуло у рай
Чы-мало душъ... Та ось въ нову могылу
Лыбонь несуть новыхъ ще пожыльцивъ!

(На кону проходыть похоронна процессія. Дидъ, знявшы шапку, мовчкы за нею пишовъ. Сотныкъ знявъ шапку, перехрестывсь и довго стоить нерухомо).

Ява 2.

Сотныкъ самъ.

Сотн. Охъ, тяжко якъ, нудьга здавыла груды:
Нема киньця братерській сій ризни,
Нема кинця, та мабуть и не буде!
Хочъ бы намыть прызволывъ Богъ мени
Зырнуть, яку судывъ Вкраини долю?
Гей, ридная матусе, краю мій!
Шыроко ты роскынулась по долу,
Въ далекій мли втопыла берегъ свій,
Прыбралася садочкамы, ланамы,
Старымъ Днипромъ пидперезала станъ,
Обперлася ажъ объ Карпатъ плечамы,
Та й простяглась до моря за Лыманъ...
Всимъ надилывъ, скрасывъ тебе Всевышній,
Тилько не давъ ни доли, ни пуття!
Чы кара то за грихъ тяжкый, колышній,
Чы на тоби лежыть лыхе кляття?
Бездольна ты, бездольни й твои диты!
Пидъ зорямы яснымы, въ симъ краю
Сынамъ твоимъ брататысь-бы, радиты,
Роскошувать та Господа хвалыты
И жыты такъ, якъ въ Божому раю!
Такъ сатана-жъ позаздрывъ чоловику
И звивъ соби въ Украини кубло́:
Посіявъ скризь ненависть, заздристь дыку,
Корысть, пыху, звироцтво, люте зло...
Де мавъ буть рай, тамъ пекло мае втиху—
И знову кровъ та крыкъ зъ усихъ-усюдъ!
Колы жъ кинець сёму тяжкому лыху,
Колы зитхне на воли кревный людъ?..

Ява 3.

Ти-жъ и Кобзаръ зъ поводаремъ.

Кобзарь. Чы вже свита?

Повод. На свитъ благословытся.

Кобрарь. А въ лагери ворожому чы сплять?
Повод. Ворушатся.
Кобзарь. Такъ проведы до башты,—
Звидтиль выднишъ прудкои смерти лётъ...

(*Проходять. Кобзарь сида. Поводарь видходыть и прыходыть*).

Сотн. Годыны дви—й пидзамче, вмыте кровью
Руйновыщемъ, пожарыщемъ впаде,
А за добу и замокъ... Ворогъ лютый
Скризь пбтоптомъ перейде... и кинець,
Кинець всёму и забуття! А доня?
Орлыцею знялася до горы,
Уквичана винкомъ гучнои славы—
И нагла смерть! Охъ, якъ дытыны жаль:
Не нажылась, роскошивъ не зазнала—
И на цвиту—морозъ... Що-жъ—Божый зволъ!
Але що смерть? Суть гирши катування;
Не дай Господь, якъ куля чы стрила
Іи мыне,—и насміется ворогъ...
Публикою дытыну затаврыть?
О, пекло, ни! Не дамъ на поквиль дони,
Не попущу, щобъ назнущався катъ...
А самъ іи на-викы заспокою... [*Добува запоясныкъ*].

Тепера спыть и въ сни іи душа
Полыне въ рай... Але хапатысь треба,
Бо кожна мыть зблыжа несытый гвалтъ,
Іи жъ жыття не спыныть ёго лёту...
Охъ, якъ пиднять... на доню... Боже мій,
Пробачъ сей грихъ—повстання проты Тебе:
Ёго зрыва незмиряна любовъ...

Ява 4.

Сотныкъ и Марьяна.

Сотн. [*забачывшы дочку*]. Вона... иде... [*впустывъ запоясныкъ*].

Мар. [*якось розвіяно*]. Чы винъ жывый, чы вбытый?
Сотн. [*глухо*]. Блида якась...
Мар. [*здригнулась*] Хто? Тато?
Сотн. [*глухо*]. Я!
Мар. [*прыдывляется*]. А що?
Ой! Ранено?
Сотн. Та то пусте! дурныця!
Сёгодня всихъ насъ жде одынъ кинець!
Мар. Колы бъ мерщій! Я жду ёго пекуче!
Сотн. [*здригнувсь*]. Ты смерти ждешъ?
Мар. Якъ щастя!
Сотн. [*вагается, кладе руку на пистоль*]. Щастя... рай...
Такъ, донечко... Смерть—хвылёва лышъ мука;
Жыття несе нещастя, поквилъ, глумъ
И ворогивъ нечу́вани знущання...
Мар. О, краще смерть!
Сотн. [*вытяга потай пистоль*]. И ты? Такъ... Мыть одна...
И наколы зненацька... то...
Мар. [*безжурно, не помичаючы*]. Знай, тату:
Мы поклялысь одна одну добыть,
Колы на муръ полизуть харцызяки.
Сотн. Вы поклялысь? [*кыда пистоль*]. Спасытелю благый!
[*Пада на вколишкы*] Ты вызволывъ! Безмирне мылосердя!
Дытя мое! [*Прыгорта Марьяну, рыдаючы*].
Мар. [*зрушена. Обнима*]. Мій тату дорогый,
Едыная въ останни хвыли втиха! [*Пиднима*].
Сотн. Тебе прыйшовъ на смерть благословыть,
Тебе, мою орлыцю... але годи:
Бо зъ сыхъ очей ледачыхъ ще слёза
Покотытся й оберне сылу въ немичъ...
А! часъ-пора! [*Одвертается*].
Мар. [*обнима палко*]. Прощай навикы!
Сотн. [*хаплыво*]. Стій!
Колы впаде зруйноване пидзамче

И ворогы озвирени шугнуть
Черезъ муры й затоплють замковыще,
То, доню, знай: пидъ церквою йе склепъ,
А въ тихъ лёхахъ—все порохъ...

Мар. А! Роскишно—
И славный згынъ и помста!

Сотн. Квите мій!
Благословы тебе Господь въ дорогу!
[*благословля*] Не на̀довго... У батюшкы ключи...
Ну, часъ! [*Обнима*].

Мар. [*показуе на небо*]. Охъ... тамъ!

Сотн. [*одирвавсь и знову*]. На хвылю... Ще на хвылю
Дай глянуты на тебе!.. А! Прощай!!
[*Хутко пишовъ*].

Ява 5.

Марьяна сама.

Мар. [*по паузи*]. Щемыть, болыть ще гирше на останку!..
[*Пауза*] Чы винъ жывый, чы вбытый?.. Охъ, умеръ!
Напевно такъ! А то бъ зъявывсь за тры дни...
И винъ полигъ одъ осіи рукы,
И я сама згубыла скарбъ найлипшый?
Ой, мусыла... Я сповныла повынъ!..
Чого жъ, колы другыхъ на смерть вражала,
То серце се не ныло видъ жалю̀?
Й винъ—ворогъ-же, а серце замырае,
Запроданець—а серце, охъ, болыть!
Перевертень, бо за роскоши паньски
Продавъ симью, що нарекла ёго
Годованцемъ и риднымъ сыномъ, мало,—
Що двичи ще у смерты видняла—
И насміявсь... а серце жъ все ниміе!..
Якъ говорывъ, якъ запевнявъ мене,
Що дбатыме про Украину-неньку,
Що за нашъ людъ стоятыме.—Ха, ха!

Де жъ слово те шляхетне, гонорове?
На кволыхъ бабъ и на малыхъ дитей
Пиднявъ меча! Ой, княже уродзоный,
Яка то честь!.. А душу рве въ шматкы
И сылъ нема той образъ затлумыты
И вырвать геть... болыть, болыть, болыть!

(*Прудко, ламаючы рукы видходыть*).

Ява 6.

Унукъ, Шрамъ, Верныгора, дидъ, молодыци, Марьяна.

(*Свитае. Унукъ перестрива Марьяну коло брамы*).

Унукъ. Панъ сотныкъ прыславъ сюды до вельможнои панны килька пораненыхъ, щобъ далы имъ раду...

Марьяна [*нервово вельмы*]. Де жъ воны? Сюды, сюды ихъ: покы не порвалось дыхання—имъ вси турботы!

Верныг. [*пидходыть*]. Та мы не яки ще й поранени... у мене дряпаныва абы-яка, а у Шрама на нози цяцька...

Шрамъ [*Его ведуть пидъ рукы двi молодыци*]. Та й ловко ще поцяцьковалы.

Верныг. А то жъ, хыба ни? Ливои рукы не було, а нигъ пара, ну теперъ якъ зайву втялы, то якъ разъ до ладу й буде.

Шрамъ. А що ты думаешъ? Се, певно, й постаравсь якыйсь прыятель ляхъ,—для порядку!

(*Надходять дидъ и баба. Марьяна метушытся коло слабыхъ*).

Дидъ. А ну, покажить свои забавкы.

Верныг. Та ось... Тильки не подумайте, що мы гоитысь будемъ... а де тамъ! Се—дурныця, а мы сюды прыйшлы до помочи: мовлявъ до доброго гурту, бо въ гурти й каша йистся.

Шрамъ. Та ще въ пышному гурти? Дале-би, и въ ями зъ такымы красунямы поручъ лягты—втиха!

Баба. Та не ёрзайся...

Шрамъ. Э, бабуню, не зъ вамы...

Дидъ. [*Верныгори*]. Ну, брате, рука у тебе пропаща: килька-но клаптыкивъ та кисточокъ... а решты нема.

Верныг. Пороскыдалось... не хтилось збыраты... та то дарма, цуръ йимъ! Вы, диду, одрубайте краще отъ-поты, то я й цурпалкомъ ще штурхону кому въ пыку.

Дидъ. Маешъ рацію: иды-жъ онъ туды до колоды, положышъ на неи руку, то я, нацилывшысь сокырою, й одитну.

Верныг. А такъ, на колоди зручнише.

Дидъ [*Шраму*]. Ну, твоя нога те жъ до ничого: хыба на мылыци увьязать, то ще скакатымешъ.

Шрамъ. Хи, хвацько! То ще мы зъ бабусею й потанцюемо...

Баба. Тпху! Тры чысныци до смерты, а винъ ще танцювать збирается... Ачъ, крывытся, а туды жъ!

Шрамъ. Бо трохы лоскотно, якъ оддыраете шкуру...

Баба. Лоскотно?.. Берить ёго пидъ рукы, та ведить до замку: тамъ теплою водою одмочымо.

Шрамъ. Та на вищо ти забобоны? Одтялы бъ и мени...

Дидъ. Не вытребенькуй!

Марьяна [*упада коло всихъ*]. Пидведить покы Шрама! А ты, хлопче, поможы сымъ двомъ: тежъ—до замку! И вы туды йдить до бабы Палажкы, бо ій—и сюды, и туды... [*До другыхъ, що надійшлы*]. Вважайте! Подвійну сторожу на муры! Сёгодня ждать нàпаду... Пыльнуйте добре! Обиду готовыть не треба: не до йижи буде—часу не стане! А замисть того грійте въ казанахъ и въ золійныкахъ смолу, окрипъ... та стягайте на пидмуркы колоды и каминь, щобъ було чымъ прывитаты гостей. Хапайтесь же! Оповистить усихъ!

(*Купы росходятся*).

Ява 7.

Марьяна, *Свырыдыха и Катря*.

Свырыд. Заледве ось я видтягла іи... [*Держыть Катрю; та борсается*].

Катря. Я все йидно... зъ бійныци кынусь... [*Вырывается*].

Свырыд. [*удержуе*]. Годи!
Марьяна. Чого жъ то? Ой, що сталось...
Свырыд. Та унукъ...
А ся дурна, якъ тильки-но почула,
Що чоловикъ розбывсь, та ну й соби...
Катря. Умру! Нихто!
Свырыд. Не борсайсь, не пручайся!
Катря. Не встережешъ! Де винъ,—тамъ буду й я!
Мар. Не рвы себе, моя голубко!
Катря. Зъ мылымъ
Нихто, нихто мене не розъедна!
Мар. Не бійся: вси сёгодня будемъ вкупи...
Свырыд. А бенькетъ-но дамо на самъ-передъ!..
Мар. О, справымо!
Катря. Мени вже не до свята!
Мар. Хто ляже тутъ за дило пресвяте,
Того жде рай, а самогубця—пекло:
Невже-жъ тоби ще хочется и тамъ
Розраитысь на викъ-викивъ зъ Денысомъ?
Катря. Ой, проби! Ни!
Мар. Такъ затрымай жыття
На ныньки лышъ: прыйшовъ часъ слушный помсты!
Катря. До помсты—такъ! Вси сылы й почуття!
Мар. На згынъ кативъ!
Свырыд. [*ажъ заплакала*] Орлыци вы мои!
Лебедоньки! Ой, радисть! Ой утиха! [*Обнима обохъ*].
Ажъ пьяна я! До помсты жъ!
Катря и Мар. [*видходючы разомъ*]. Безъ жалю!!

Ява 8.

(*Зносють каминня, колоды; казаны гріють*).

Кобзарь. А глянь, що то гуде? Немовъ море заграло.
Повод. То ворогы... наблыжаются зъ усихъ бокивъ чорною хмарою: отъ-отъ на пидзамче ударять.

Кобзарь. Ага, уже? Такъ задзвоны жъ, моя кобзо, въ останне!

(Спива военнычу думу, поки гріють казаны, набывають гарматы, зтягають колоды, каминня. Рухъ велыкый. Зъявляются на мурахъ оружни жинкы).

(Впродовжъ сіи писни голосъ окольный зроста; на прыкинци уже блызьки выкрыкы й замыпотилы стрилы. Одна влучыла на останнимъ аккорди въ перса Кобзареви).

Кобзарь. Охъ, митко!.. Прощавайте, друзи!.. Хай луна наша слава... ажъ до Бога! [*Умирае*].

Ява 9.

Ти-жъ и Шрамъ та Верныгора.

Верныг. Ну й замашно-жъ осіею головешкою садонуты... а правыця шаблюкою ще!

Шрамъ. Та й у мене правыця статкуе, а отъ на мылыци що розмахнусь, то й сторчака.

Верныг. А ты не рыпайсь: пидъ муромъ стань, обипрысь спыною, та й локшы!

Шрамъ. Ага, я пидъ баштою... и порядокъ даватыму [*Пидходыть до кобзаря*]. А, старець Божый... Згадай тамъ и насъ! *(Пострилы у пидзамчи. Галасъ боёвый. На мурахъ збильшуется люду).*

Варт. 1. По болоту пишлы... Уже хмарою вкрылы пидзамче... Ой, гыне все!

Варт. 2. И до насъ рынуть... Гей, зъ того боку пыльнуй!

Шрамъ. Готуйте ковши зъ смолою! До каминня и до колодъ!

Верныг. Зъ гарматы бый!

(Выпалюють зъ гарматы й зъ гакивныцъ).

Ява 10.

Ти-жъ и Марьяна зъ військомъ.

Марьяна. [*выбига на чоли жиночого війська, зъ стягомъ*]
На ворога! До зброи, мои сестры!

Генъ за мурóмъ батькы наши й браты
За ридный край вмырають славно, чесно,—
Такъ докажимъ, що кровъ у насъ одна
И серце те жъ! Геть нá-бикъ чулисть, слёзы!
Насталымо одвагою нашъ духъ,
Вси сылы мы напрýжымо до бою...
Хай видають, хай знають ворогы,
Що умырать украинкы уміють!

Вси. Веды насъ въ бій! Вси ляжемъ до ногы
И ворогы́ видъ жàху пониміють!

(*Кыдаются направо. Гвалтъ сичи*).

Верныг. Ухъ, славно! Орлыця, орлыця! Блыскавкою вдаряе зъ мисця на мисце... а за нею й билоголови!

Шрамъ. Фу, пышно якъ! Шкереберть, шкереберть покотылысь! Ай, та жонота! А спысамы та шаблямы якъ!

Свырыд. Такъ ихъ! Такъ имъ! Тельбухы выпускай!.. Ой! Марьяна вхопылась за драбыну... щобъ не зтяглы іи?! Ни, зипхнула, зипхнула! Гепнулы вси у проваллю... Ой, весело! Трамъ-та-та-та, трамъ-та-та! [*прыспивуе*].

Унукъ. Гей, пыльнуй! Сюды лизуть! [*покузаются де-не-де головы*]

Свырыд. [*до Меласи, що коло казана*]. Полывай ихъ! Полывай смолою! Отакъ, отакъ! Ха, ха, ха!! Корчатся! А що! смашно? Пеклы моихъ дитей и онукивъ,—такъ ось-же вамъ! Полывай, полывай!

Мелася. Сюды, сюды! Га, якъ разъ! А онъ ще де лизуть? [*Бижыть, выверта ковши*].

(*Де-яки вергають колоды*)

Шрамъ. А куды? [*Бье шаблею двохъ, що выткнулысь*]. А ось и тоби! [*Потягся до третёго та й упавъ зъ мылыци на муръ*]. Чортова мылыця! [*Его проткнулы спысомъ*]. Оттуды къ бису!

Молодыця. [*проткнула й ворога спысомъ*]. Здыхай, собако!

Мелася [*бье одного киндж.*]. Куды лизешъ?

Свырыд. [*одскакуе*]. Смолы! Смолы сюды!

Унукъ [*накынутый аркномъ*]. У! Каторжни! [*Борсается*],

Мелася. [*кыдается*]. Стій! Затрымайсь! [*Перетяла арканъ, але проте унукъ за муръ пада*]. Ай!! На спысы впавъ... такъ и я за тобою! [*Кыдается.*]

Вси. Ой, Господы, прыймы ихъ души!

Свырыд. [*зовсимъ збожеволившы*]. Ха! Й останній впавъ, теперъ я вильна! Крыла маю, пазури маю и ось якъ хапаю! [*Вхопыла якусь свытку, чы кунтушъ и почына на ему танцюваты й дыко спиваты*]. Ха, ха, ха! Піймавсь, якъ рыба-щука. Сюды, сюды! А я пôтоптомъ!

Ой, свято, ой свято въ Облози,—
Топчу я ворогы пидъ нози!! [*Пада видъ кули*].

(На мурахъ показуются рясныще татарськи головы. Пидзамче палá Верныгора зъ жонотою виджаха нàпадъ).

Ява 11.

Ти-жъ и Марьяна зъ військомъ.

Марьяна. За мною, гей! На муры! Бый ихъ! А ни жалю, а ни ощады!

Жонота. На погыбель! [*Кыдаются*].

(Жорстока сича; ворогъ видступа видъ муривъ).

Марьяна. [*рукою здійма стягъ*]. Звытяга!

Верныг. Хвала, хвала Сотныкивни! Слава!

Вси. Слава Сотныкивни во-викы!

Марьяна. Не мени, А Богови!

Катря. Ворогъ видступа... сурмыть на суремкахъ... Билый стягъ замаявъ!

Мàрьяна. А, одпочынокъ... Передыхнить!

Катря. А трупы?

Верныг. Нема часу! Тутъ спильне кладовыще!

Марьяна. Оглядить вси муры, вси бійныци. Набыйте гарматы, нагострить шабли! А вартови пыльнуй!

(Вси розходятся. Катря на варти).

Ява 12.

Марьяна, Катря и вартовый.

Марьяна. Звытяга! Охъ, солодкый згукъ на мыть,
Въ огыдлому жытти остання втиха,..
Чого-жъ ничымъ це серце не щемыть,
Чы не жыве, чы зкамьянило зъ лыха?
Мовъ море зле, гуде ворожый станъ
И топчытся по ридныхъ трупахъ люто...
Мене жъ немовъ у телягы закуто—
Тутъ каминь, лидъ, а въ голови туманъ,—
И не займа вогнемъ жывущымъ слава,
А давыть ще затрŷмане жыття:
Хутчій леты жъ, остання мыть кривава,
Хутчій настань, довичне забуття!

Катря [*По паузи*]. Стрила впьялась, на ій шматокъ паперу!
Марьяно, глянь!

Марьяна. Давай мерщій сюды!

Катря [*Зъ муру кыда*]. [*Марьяна розгорта, тремтыть*].

Марьяна. Антось жывый?! Винъ пыше! Ой, вгамуйся!
[*Хапается за серце*]. Яки слова... вогнемъ займають кровъ!
[*Цилуе лыстъ*]. Мій голубе!.. Що я?.. Винъ ворогъ лютый...
Але блага, щобъ бачытысь на мыть.—
Зрадецтво то... не треба, ни... на викы!
Але посолъ... винъ мае перекàзъ:
Умовы намъ, або и пильгу, волю...
Клянется всымъ, що зъ мисця не зійдè,
Бодай бы вразъ гарматы розирвалы...
Ой, що чыныть?. Я потураю?—Ни,—
То за для ныхъ! Ой, Боже, мŷка, мŷка!!
[*Йде до брамы*] Впустить посла!... Ну, серце занимій!

Ява 13.

Марьяна и Антось (на передкони), Катря (на мури).

Антось [*его вводють беззбройно, зъ завъязанными очыма*].
[*Знявшы хустку*]. Просты!.. Я вмеръ въ твоему серци...

Марьяна [*суворо*]. Годи!
Що хоче князь?
Антось. Одно,—умерты тутъ,
Край нигъ твоихъ, видъ риднои правыци...
Марьяна. У ворога тутъ ридного нема!
Антось. Не ворогъ я!
Марьяна. А прыятель? Ой, княже!
Антось. Не добывай: я не воякъ—посолъ...
Свого меча не забруднывъ я кривью
Брàтивъ моихъ! О, пекло тутъ ношу!
Зъ того часу́, якъ залышывъ тебе я,
Мене понявъ рій лютыхъ катувань,
Якыхъ нихто не змигъ бы перебуты...
Охъ, правду ты казала, ще й яку!
Туманомъ все пишло, чадною млою...
Погасъ вогонь—надія одцвила—
И попиломъ взялыся мои мріи...
Теперъ уже и коринця нема,
Якый мене въязавъ-бы до шляхетства:
Ты—все мени!
Марьяна. Мій брате, друже мій!
Якъ жаль тильки, що часъ уже урвався,
Що мы ёго не маемъ сылъ вернуть!
Якъ жаль тебе, якъ шкода того раю!
Антось. Не згыбло все... ще змога йе...
Марьяна. Одна—
Зостатыся тутъ зъ намы...
Антось. Тутъ-же пекло,
А за моря́ геть—дали...
Марьяна. Зновъ? О, ни!
Тутъ гетьманъ я й повынъ свій сповню свято:
Мы поклялысь кисткамы полягты
За ридный край, за ёго люту долю—
И ляжемъ вси безъ ремства, безъ жалю...
Въ нещасти я шукала зъ ными смерти,

Такъ въ щасти тежъ не вражу ихъ по викъ!
Та хочъ бы я, забувшы честь и соромъ,
И утекла, якъ зрадныця, якъ шпыгъ,
То чы змогла бъ найты въ неслави щастя?
Видъ серця намъ нікуды не втекты,
А въ серци лышъ—бездолля Украины.

Антось. О, Боже мій! [*лама руки*].

Марьяна. Чарнецькый правыть що?

Антось [*мовчкы подае умовы*].

Марьяна [*глянувшы гордо*]. Не згожусь я! Зберется! заразъ рада.
Колы на мыръ—замае билый стягъ,
Колы на смерть то захвылюе чорный.

Антось. И згынешъ ты?

Марьяна. У ридному гурти.

Антось. Ни, не кажы! Не може сёго буты:
Безъ тебе смерть... Я твій теперъ цилкомъ,
Мій свитоньку, мое жыття й дыхання!

Марьяна. Охъ, рай якый нарешти!... Любый мій,
Колы тоби безъ мене нудно въ свити,
Колы уси надіи одцвилы,—
Прыходь тоди въ байракъ, що биля брамы:
Тамъ ляда есть въ терныни... Ось ключи...
Се таина̀, але тоби я вирю...

Антось. Охъ, щастя! Я стеряюся у-край:
[*кынувся до неи*]. Роскоши ти гвалтовни для людыны!

Марьяна. Цыльнують насъ... за дви, та тры годыны
[*спыныла*]. Я буду тамъ... Едына мыть—и рай!

(*Антосю завъязують, по знаку, очи, виддають зброю и выводють зъ осторогою за браму*).

Ява 14.

Мар. Ударыть въ склыкъ!

Молод. И въ дзвоны?

Мар. Бый на раду!

(*Збыраются вси: Верныгора, Палажка, странныкъ—и жонота*).

Странн. Прыспѣ намъ часъ...

Мар. [*подае умовы*]. Чарнецького наказъ,—
Ось на якыхъ дае умовахъ пильгу:
Щобъ заразъ же всю зброю виддалы,
Та щобъ мерщій поодчынялы брамы,—
Тоди тильки даруе винъ жыття!

Странн. Охъ, и на хливъ поверне храмъ Господень..

Верныг. И жывота не дасть—все збреше!

Палажка. Такъ!
Увирылась вже намъ омана панська!

Мар. У пòрукы винъ гоноръ свій дае... [*глумлыво*]..

Бильш. Не вирымо!

Мар. Яка-жъ-но ваша рада?

Катря. Смерь, смерть усимъ—и намъ, и ворогамъ!
Щобъ не ввійшовъ зъ ныхъ жоденъ у сей замокъ.
На вищо намъ мизерне се жыття?
Кому воно теперъ потрибне?

Мар. й други. Правда!

Странн. Претерпымо-жъ мы, диты, до кинця,
На судьбыще до Бога вси предстанемъ!

Мар. [*Показуе на церкву*]. То намъ труна и помста ворогамъ!

Вси. Хай, буде такъ!

Странн. [*Марьяни*]. Тебе благословляю
На вчынъ святый! А васъ въ останню мыть
Поклыкую въ сей храмъ на ланахыду.
Мужайтеся: Господь намъ доручывъ
Оборыныть бративъ и сю святыню...
Намъ немощнымъ, знесыленымъ, слипымъ,
Покынутымъ значнымы шахварямы:
Не видаю, чы спевнылы, якъ слидъ,
Мы Божый зволъ, але мы чысти души
Вознесемо до праведныхъ небесъ,—
Не знажени оманою мырською,

Роскошамы несытого жыття,
Не злякани туртурамы и смертю...
Най судыть ихъ Хрыстосъ!—Простимся жъ мы
И сотворимъ останнье цилування!

(Вси обнимаются и благословляются у странныка).

(На блыжній юри зъявляются Татаре).

Ява 15.

Ти-жъ и Чарнецькый та Сотныкъ.

Клыкунъ. Чы згода, гей! Регинентарь велыкый
Не буде ждать.
Верныг. Що жъ, просымъ его-мосць
До насъ хутчій: мы маемъ чымъ витаты.
Чарнец. [*выход.*]. У, быдло, цыть! Колы ввійду, то вже
И кошенятъ не ощажу, а мукы
Завдамъ таки, що й сатани у-дывъ!
[*До сотныка*]. Промовъ же ты хочъ слово, песъ лукавый,
До нависныхъ твоихъ собакъ...
Катря [*до Марьяны*]. Ой, гвалтъ!
То батько твій пораненый.
Мар. [*збига на пидмурокъ*]. Мій тато?
Ище жывый?! Але увесь въ крови...
[*Сплеснула рукамы*]. Орелъ—въ сильци, у путахъ—сяйво наше!
Вси. Нещасный!
Чарнец. Гей, ватажныце, чувай!
Якъ не здасы ты заразъ сёго замку,
То сотныка велю замордувать
Тутъ на очахъ...
Вси Прыймы его, Царыце!
Сотн. Дытя мое, чы чуешъ?
Мар. Чую все!
Сотн. Такъ не звертай, молю тебе, увагы
На ихъ грозьбу, на мои мукы: мыть
Одна лышъ ихъ,—душа моя въ дорози...

Не попусты, щобъ мене рады вы
Схылылыся пидъ канчукы ганебно:
За волю мы боролысь, и вмремо,
Якъ лыцарству вмыраты подобае!

Мар. Такъ, тату мій, не схыбымъ!

Катря и вси. Якъ батькы
Поляжемо!

Сотн. До скорои зустричи!

Чарнец. Ну, що-жъ вы, псы?

Вси. Не згода!

Чарнец. Такъ на палю
Старого пса! [*Кынулысь тамъ брать*].

Верныг. Товарыша на глумъ
Не попущу! [*Стриляв: сотныкъ упавъ*].

Вси. Ой, Боже! Вична памьять!

Мар. Прощай, прощай! [*До вартового*]. Здіймайте
чорный стягъ!

(Вси стають навколишкы. Страннык здійма рукы до неба. Чоркый стягъ тыхо звыяется вгору).

Зависа.

—

Б) Друга картына

(Пидземный склепъ. Одынъ выхидъ по сходахъ прямо; другый потайный збоку; суть и други ходы въ склепиння. Посередыни шаплыкъ зъ порохомъ; по кутках—бочкы).

Ява 16.

Марьяна и Катря.

(Проводять штопины видъ шаплыка зъ порохомъ до бочокъ).

Мар. Тутъ все гараздъ—и гнитъ и порохъ... Тильки
Оцей смолякъ геть однесы въ кутокъ,
Щобъ не вчынывъ до часу спалъ...

Катря. Крый Боже!
Хай зійдутся на замчыщи каты

До ба̂товпу, та оттоди й послаты
Ихъ всихъ до хмаръ!

Мар. А догляды, щобъ спалъ
Понявъ у-мыть и тры нарижни башты.

Катря. А, конче, вси: злучыла я гноты
Зъ куткивъ сюды до шаплыка.

Мар. Прысыпъ ще
И ривчакы ти порохомъ у-щерть...—

Катря. Я огляжу и справлю все, якъ треба.

Ява 17.

Марьяна сама.

Мар. Надъ намы тамъ зибралысь въ церкви вси
И мушу я скинчыть имъ му̂кы... Доля
Волила такъ, щобъ катомъ стала я:
Самъ батюшка благословывъ на вчынокъ,
Але чы Богъ благословыть?. За що-жъ
Бы винъ судывъ? Чы за любовъ до люду?—
Вона жъ одна керуе серцемъ сымъ!

Ява 18.

Марьяна и Катря.

Катря. Зробыла все... теперъ безпешно: гыскра
Одна лышень—и пекло розсвине.
Ой, весело летиты буде вкупи!

Мар. Вже швыдко часъ...

Катря. Ничого ще не чуть —
Ни лементу, ни стогону, ни крыку...

Мар. Може, кинець? Здобулы все?

Катря. Ой, ни!

Мар. Проте бижы и стань вгори на чатахъ:
Колы злетыть давно жадана мыть,
Ты гасло дай!

Катря [*пишла*]. Не схыблю и на цяту!

Ява 19.

Марьяна сама.

Мар. Ось тыхее прыстаныще—мій склепъ!
Ну, и кинець всёму, всёму—и мукамъ,
И радощамъ, и втихамъ, и журьби...
Отъ, заразъ ще трипоче въ персахъ серце,
А въ голови—сполохани думкы́...
Я бачу все, я чую,—а за хвылю—
Невидомо, яка пойме́ питьма?..
(*Чуты дзвинъ и похоронни спивы*).
Ой, що тамъ, що? [*Слуха*] А, дзвинъ загувъ...
разъ, двичи...
Мовъ стогне хто далеко, а земля
Видгукуе журлыво на той сто́гинъ...
А, ось и спивъ... въ останнье винъ луна!
То правытся по насъ всихъ панахыда...
(*Проказуе молытовно пидъ згукы хорала*).
Прыймы, спокой своихъ рабивъ
Въ оселяхъ праведныкивъ, Боже,
Де нѣсть ни слизъ, де гасне гнивъ,
Де зло труить жаломъ не може;
Де правды свитли вивтари,
Де лышъ любовъ та всепрощення
Пробачъ-же наши прыгришення
И памьять вичну сотворы! [*Стае на колина*].

Ява 20.

Марьяна и Катря.

Катря [*вбига*]. У церкви вси... Муры опорожнилы...
Мар. [*схоплюется*]. Такъ я у-мыть! [*До походни*].
Катря. Стій! Ворогъ ще трыва
Биля мурывъ, не зважуется лизты...
Готова будь, а я дамъ гасло... [*Вагается*]. Мы
Напевне вже... Прощай! [*Обнима*].
Мар. Прощай на викы!

Ява 21.

Марьяна сама.

Мар. Готова я... жыття поквитовала!
Все тамъ въ земли... Але на-вищо я
Заклыкала Антося въ сю могылу?
Винъ щастя жде, а я готую смерть!
Омана зла!.. Та винъ чы й прыйде навить?
О, якъ ёго кохаю, якъ люблю,
Якъ жду ёго на чаривну пораду!
Але не чуть... невже винъ заблудывсь? [*Прыслухается*]
[*Пауза.—Зъ паломъ*]. Ни, знайде винъ—и зновъ хвылына щастя,
Але одна, едына... Боже мій!
[*Пауза*] Зновъ тыхо якъ, немовъ у домовыни,—
Та це й вона: жыття десь тамъ, у мли...
Пройшлы, якъ сонъ, въ нудлывій самотыни—
Квиткы мои, не цвившы, одцвилы...
И отъ вже смерть,—и серцю супокій:
И все те, чымъ воно боліе нынп,
Потоне вразъ у темряви нимій,
Розвіется въ надзоряній пустыни...
Чого-жъ щемыть це серце нависне,
Чого ёму въ цимъ руйновыщи шкода?
Чы тымъ болыть, що марно згыне врода,
И безъ утихъ жыття се промайне?..
Ни, не вража ёго моя прыгода,
Не жаль мени понивеченыхъ мрій,
А серцемъ я за край болію свій,
За доленьку нещасного народа!

Ява 22.

Марьяна и Антось.

Мар. [*зачувшы стукъ*]. Ой, винъ! Хто тамъ?
Антось [*за дверыма*]. Я, я! Антось! [*Входыть*].
Мар. [*кыдается, обнима ёго*]. Мій раю!

Антось. Едывая! [*занимилы*].

Мар. Коханый, любый мій,
Ты знову тутъ, зи мною? Охъ, и щастя-жъ!
Стерялюсь я...

Антось. О, раювання!

Мар. Ай,
Не тямлюсь я... а щось страшне́... Мій Боже,
Тикай мерщій: тутъ смерть, тутъ пекло! Я
Тебе сюды... щобъ вкупи... намъ...

Ант. Марьяно,
Моя красо, мій промине святый,
Мене нихто видъ тебе не одирве!
Намучывся розлукою въ кинець,
Натерпився пекельнои дративли..
Але теперъ я твій цилкомъ—и рай
Чекае насъ, мое пекуче щастя!

Мар. Охъ, рай... Хыба жъ... життя тоби не жаль?

Антось. Безъ тебе—ни: безъ тебе скризь—могыла,
Сумна, страшна, якъ непрозора ничъ...
Та що про те—теперъ скризь сонце сяе,
Веселкою у серци выграе
И гріе такъ, якъ тепла ласка неньки...
[*Показуе на двери*]. Я знову молю,—спишимъ туды, у рай!

Мар. Риднесенькый! тамъ—холодъ, мла, омана,
Грызотъ и чваръ незмиряна стяга,
Надій и мрій улюбленыхъ розрада.
И плачъ тяжкы́й окрывдженыхъ людей.

Антось. Що намъ до ныхъ? Всякъ борется за щастя:
Кохаемось—и цилый свитъ у насъ!

Мар. Коханый мій порадныче и друже,—
Де стогинъ, крыкъ,—тамъ щастя намъ нема..

Антось. Ой, не кажы: слова твои, якъ стрилы,
Пронызують си перса боляче,—
Лунае зъ ныхъ холодна безнадія...

Марьяна. Ни, квите мій,—надія чаривна:
Родылысь мы зъ тобою зъ злу годыну,
Мижъ двохъ мечивъ—и доли намъ нема!
Твій людъ и мій въ братерній сичи гыне;
Твій ридъ и мій—запекли ворогы,
Твій храмъ и мій ненавистни мижъ себе...
Не намъ, не намъ ти сварьі погодыть—
И щастя тутъ знайшлы-бъ мы лышъ на зради,—
Такъ на іи-жъ нездатни мы булы!
Тутъ, на земли насъ розлучыла доля,
[*показ. на небо*] А тамъ нема ни особыстыхъ виръ,
Ни ворожбы, ни боротьбы за право,—
Тамъ ривни вси, тамъ всихъ една любовъ,
И наше тамъ въ оселяхъ вичныхъ щастя!

Антось. Колы-бъ то такъ... невиданна жаха...
Але проте зъ тобою й въ безвисть рынусь:
Визьмы сей мечъ и серце пронызкы!

Марьяна. Такъ ты ришывъ зи мною вкупи вмерты?

Антось. Зъ тобою, такъ—и мукы, й смерть, и рай!

Марьяна. Мій соколе, мій орле сызокрылый!
Кохаю я тебе надъ все жыття!
Здавенъ ище твій образъ зрісся зъ серцемъ;
Якъ цинный скарбъ ховала я ёго,
Винъ бувъ мени едыною зорею—
И бувъ, и есть, и буде до вику...
Вси роспачи, вси невымовни мукы
Не малы сылъ зетемрыты ёго,
А ни снагы кохання подолаты—
Воно росло...

Антось [*обнима*]. Мій квите чаривный!
Спьянивъ цилкомъ... Це сонъ... се пышна мрія...
Чадъ чаривный, а не жыття... Нема
Й не може буть такого щастя въ свити!!

(*Хоралъ зпочатку діалога йшовъ тыхесенько, пры кинци зроста до* **forte**).

Марьяна. Сзій! Чуешъ тамъ? То смерть уже летыть...
(дочувшы, здрыгнула й одкынулась).
Видъ крылъ іи гуде й буяе буря,
Видъ пôдыху холоне въ жылахъ кровъ...
Ще хвыля йе тоби втекты видъ неи,
Ще мыть—твоя!.. Подумай!

Антось. Годи думъ:
Въ тоби воны!

Марьяна [*палко обнима, прыгорта, мылуе*]. О, щастя необмежне!
О, раю мій! Такъ ось-де, ось-де винъ!
Коханый мій, моя яскрава мріе,
Мій мисяцю, мій соне золотый—
[*обнимаются*]. Справдывсь, справдывсь: твоя теперъ на викы!

Антось. Моя, моя! О, надзвычайна мыть,—
Не пережыть такого порывання—
Воно вбыва...

Марьяна. Не зводь зъ мене очей,
Хорошый мій, улюбленый! Кохаю
Тебе такымъ жертовнымъ я вогнемъ,
Якый спаля́ вси почуття...

Ява 23.

Ти-жъ и Катря.

Катря [*вбига*]. Готови?
Тамъ церкву вже пидпалюють!

Марьяна [*хапа походню*]. Идемъ!

Антось. Зъ тобою вразъ! [*прыгорта*].

Марьяна [*зъ смолякомъ у руци*]. До правды, до любовы
(кыда вогонь у шаплыки.)

Пекельный выбухъ, громъ; все зныкло пидъ руйновыщемъ.

Зависа.

Мых. Старыцькый.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ СТОКГОЛЬМА.

(О бумагахъ шведскаго государств. архива по исторіи Малороссіи).

Съ охотой исполняю ваше желаніе—подѣлиться съ читателями „Кіев. Старины" нѣкоторыми свѣдѣніями о бумагахъ здѣшняго государственнаго архива. Объ устройствѣ и порядкахъ архива едва-ли слѣдуетъ распространяться послѣ обстоятельной статьи Ю. В. Готье (въ Трудахъ Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ., Древности, т. 1, вып. 1). Хотя нѣкоторые отдѣлы архива, наиболѣе интересные для русскаго архивиста, не вполнѣ его удовлетворили, но надо взять въ разсчетъ огромную массу актовъ этого хранилища, надо видѣть трудъ, который ежедневно посвященъ здѣсь его разборкѣ и описанію—чтобы умѣрить стороннія требованія. Конечно, жаль, что русскіе и польскіе старые акты еще мало изслѣдованы здѣшними учеными, но шведы, разумѣется, прежде всего заняты тѣми отдѣлами, которые наиболѣе важны для шведской исторіи.

Съ великимъ усердіемъ и любовью изучая свою исторію не только внѣшнюю, но и въ особенности внутреннюю, шведскіе ученые изъ года въ годъ даютъ рядъ цѣнныхъ спеціальныхъ монографій, а нерѣдко и обширныхъ трудовъ въ этой области, основанныхъ на внимательномъ изслѣдованіи преимущественно архивныхъ матеріаловъ, своихъ и иностранныхъ. Изданія историческихъ актовъ ведутся здѣсь систематически и

не безъ успѣха, но они далеко не удовлетворяютъ ученой любознательности. Требованія, предъявляемыя здѣсь къ историкамъ ученой критикой, довольно строги и придирчивы. Если имъ возможно удовлетворять, то это прежде всего объясняется сравнительнымъ благоустройствомъ и легкостью доступа къ государственнымъ и частнымъ архивамъ и коллекціямъ. Ссылки, напр., на бумаги госуд. архива въ историческихъ работахъ здѣсь столь-же часты, обычны и легко провѣряемы, какъ въ Кіевѣ ссылки на лѣтописи или изданія кіевской коммисіи. Эта легкость доступа къ главнымъ здѣшнимъ хранилищамъ имѣетъ свои выгоды, какъ въ отношеніи самаго объема разработки историческихъ сюжетовъ, такъ и потому, что сырые матеріалы не накопляются чрезмѣрно, безъ соотвѣтственной обработки, изслѣдованія.

Ранняя исторія здѣшняго госуд. архива, какъ извѣстно, довольно печальна. Правда, уже при Густавѣ II Адольфѣ знаменитый Аксель Оксеншерна думалъ было поставить архивъ на правильную дорогу и кое-чего достигъ, но времена и люди перемѣнились, и архивъ въ сущности находился въ запущенномъ видѣ, какъ тяжеловѣсный и громоздкій придатокъ къ королевской канцеляріи, до 70-хъ годовъ нын. вѣка. Съ этого недавняго времени сдѣлано очень много: главные отдѣлы приведены въ порядокъ, составлены инвентари, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подробныя описи. Теперь можно оріентироваться въ этомъ морѣ бумагъ и искать что нужно съ увѣренностью, а это уже большой успѣхъ. Видно, и риксдагъ цѣнитъ національное значеніе этого архива, если отпустилъ на постройку новаго зданія для него 575 тысячъ кронъ=805 т. франковъ, а на содержаніе штата и прочія нужды архива отпускаетъ ежегодно свыше 55 т. кронъ. Благодаря этой просвѣщенной щедрости (ибо общій modus vivendi здѣсь—экономія въ расходахъ до nec plus ultra), въ архивѣ, кромѣ госуд. архиваріуса, постоянно работаетъ цѣлая маленькая академія ученыхъ, нерѣдко извѣстныхъ многочисленными и серьезными историческими трудами: кромѣ шести штатныхъ архивистовъ, работаетъ столько-

же и больше сверштатныхъ, и работа ведется съ истинно шведской аккуратностью и усердіемъ. Во главѣ учрежденія стоитъ такая крупная ученая сила, какъ г. Класъ Теодоръ Однеръ (предшественникъ его—dr. P. M. Боваллiусъ). Нѣкоторые изъ г. г. архивистовъ знакомы, теоретически, конечно, съ русскимъ языкомъ (напр. каммергеръ К. Г. Сильверстольпе перевелъ часть „Мазепы" Костомарова; ссылки на русскую историческую литературу въ спеціальныхъ трудахъ шведскихъ историковъ попадаются нерѣдко). Предупредительность г.г. архивистовъ въ отношеніи иностранцевъ заслужила общее признаніе, и вполнѣ справедливо, въ чемъ я не разъ убѣдился при своихъ занятіяхъ теперь и въ началѣ 1898 г. Процедура доступа въ архивъ упрощена до послѣдней возможности: даже иностранецъ можетъ при первомъ появленіи въ архивѣ приступить къ занятіямъ черезъ 5, много если черезъ 10 минутъ! Ибо ни паспорта, ни другого какого-либо цертификата здѣсь у васъ не спрашиваютъ, и однако все идетъ благополучно, и о пропажѣ документовъ даже какъ-то странно подумать, а предустановленныхъ тайнъ для любознательныхъ шведскихъ историковъ вовсе не полагается,—онѣ не предусмотрѣны. Открытъ архивъ съ 10 до $2^1/_2$ ч., а въ маѣ—августѣ еще и послѣ обѣда съ 5 до 7 ч. Среднее число посѣщеній—до 6000 въ годъ.

Въ архивѣ всегда есть переписчицы для общеизвѣстныхъ языковъ. Такса съ листа—1 крона. Высылаются подлинники лишь своимъ оффиціальнымъ учрежденіямъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія короля.

Коллекціи архива состоятъ главнымъ образомъ изъ актовъ и бумагъ различныхъ министерствъ и упраздненныхъ учрежденій и коммисій. Изъ королевской канцеляріи переданъ драгоцѣнный матеріалъ — т. н. госуд. регистратура, содержащая копіи переписки королей. Тутъ-же собрано нѣсколько драгоцѣнныхъ частныхъ библіотекъ и фамильныхъ архивовъ: Оксенштерна, Де-ла-Гарди, Штегеборгъ, Бьельке, Тессинъ, гр. Браге, герцоговъ пфальцскихъ и цвейбрюккенскихъ. Въ залѣ для чтенія порядочная библіотека. Архивъ издаетъ сборникъ средне-

вѣковыхъ документовъ XIV в., документы по исторіи Швеціи, акты риксдага и свои „Извѣстія“ (вышло 22 вып.), гдѣ печатаются описи и инвентари, отчеты, матеріалы по исторіи архивнаго дѣла и пр. [1]).

Кромѣ гос. архива, множество актовъ и старыхъ рукописей находится въ богатой корол. библіотекѣ въ Стокгольмѣ, упсальской и лундской унив. библіотекахъ и въ частныхъ хранилищахъ, доступъ къ которымъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Архивное дѣло здѣсь не централизовано, хотя еще въ 1885 г. воспрещено уничтожать публичные акты безъ разрѣшенія короля и вѣдома гос. архиваріуса. Нынѣ въ этомъ отношеніи проведена серьезная реформа, о которой съ восторгомъ отзываются здѣшніе архивисты: по инициативѣ гос. архиваріуса, риксдагъ постановилъ устроить три главныхъ провинціальныхъ архива, гдѣ будутъ сосредоточены всѣ общественные архивы раіоновъ по 1801 г.: въ Упсалѣ, Вадстенѣ и Лундѣ. Отнынѣ сохранность публичныхъ актовъ будетъ обезпечена, завѣдываніе ими перейдетъ въ компетентныя руки, а доступъ къ актамъ все же будетъ легокъ. При незначительности здѣшнихъ пространствъ и отличныхъ сообщеніяхъ, эта мѣра не вызываетъ въ обществѣ возраженій.

Инвентари архива, донынѣ напечатанные, довольно кратки и конечно не могутъ замѣнить ни въ какомъ отношеніи изданія подлинныхъ актовъ. Подробныя описи нѣкоторыхъ коллекцій немногочисленны. Г.г. Якубовъ и Готье уже издали описи новгородскихъ и смоленскихъ актовъ XVII в.; въ 30-хъ годахъ нѣкоторые русскіе акты описаны проф. гельсингофорскаго унив. Соловьевымъ; усердно изучаетъ дѣла архива для исторіи балтійскаго вопроса г. Форстенъ (петерб. профессоръ), обѣщавшій (въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г.) издать нѣкоторые болѣе важные матеріалы о сношеніяхъ съ Москвой. Польскіе ученые посѣщали архивъ еще въ первой половинѣ вѣка (гр. Е. Тышкевичъ

---

[1]) Подробности см. напр. у г. Север. Берга (Bergh), Notice sur les archives de Suède (Revue intern. d. Archives, des Bibliothèques et des Musées за 1895 г. и отдѣльно—Paris, 1896).—Нѣсколько статей въ швед. Historisk tidskrift съ 1882 г.

и Ал. Яблоновскій дали нѣсколько случайныхъ указаній), а въ 1896 г. львовскій проф. Ал. Гиршбергъ напечаталъ инвентарь польскихъ дѣлъ архива [1]). Не всѣ акты и коллекціи, наиболѣе интересные для русской, польской и малорусской исторіи, разобраны, не говоря уже о подробномъ описаніи. Это понятнымъ станетъ, если просмотрѣть „Извѣстія" архива: разнообразіе и обширность дѣлъ огромны.

Если взять на выдержку отдѣлъ „*Muscovitica*", то найдемъ здѣсь болѣе 450 томовъ и связокъ для періода 1615—1811 г. Кромѣ собственно дипломатическаго матеріала, тутъ сосредоточено огромное количество бытовыхъ, статистическихъ и географическихъ данныхъ для московскаго и петербургскаго періодовъ русской исторіи. Разработка этого матеріала, можно сказать, едва начата, а между тѣмъ онъ неизбѣжно составитъ предметъ любознательности русскихъ ученыхъ на долгое время. Лишь для подлинныхъ трактатовъ издана опись г.г. бар. Таубе и С. Бергомъ. Шведскіе послы, резиденты, гонцы, агенты и корреспонденты XVII в. были большею частью люди весьма любознательные и не ограничивались строгими рамками служебныхъ порученій. Наступательная политика, торговая и военная, требовала и вызывала высокій подъемъ дипломатической службы, къ которой привлекались, кромѣ шведскаго дворянства и образованные иностранцы изъ Германіи, Польши, Голландіи. Этимъ объясняется, кромѣ обычной для дипломатіи XVII в. многорѣчивости и многописанія, также и содержательность работы, преслѣдовавшей весьма широкія цѣли и планы. Въ прочихъ коллекціяхъ архива можно тоже найти массу разнообразныхъ данныхъ для русской исторіи XVII и XVIII в.в.: рядъ описаній, атласовъ (знаменитѣйшій—Пальмквиста—изданъ въ 1898 г.), дневниковъ, хроникъ и разсужденій на разныя темы—историческія, военныя, камеральныя, статистическія. Думаю, что для русской исторической науки было-бы небезполезно заняться систематическимъ и подробнымъ описаніемъ всего этого богатаго матеріала,

---

[1]) Z wycieczki naukowej do Szwecyi (въ Kwart. hist. 96 г.), также отдѣльно. Подробности о русскихъ матеріалахъ архива см. въ „Опытѣ" В. С. Иконникова.

большая часть котораго еще не использована и лежитъ подъ спудомъ. Тоже самое нужно сказать и о польскихъ историческихъ матеріалахъ гос. архива. Сѣверныя области Польши были извѣстны шведамъ XVII в. лучше, нежели московская Русь, интересъ къ польскимъ дѣламъ отразился преимущественно въ дипломатической перепискѣ эпохи, но зато шведы во время неоднократныхъ польскихъ войнъ (особенно въ 50-хъ годахъ XVII в.) увезли къ себѣ множество польскихъ документовъ, старыхъ изданій и коллекцій. Упомяну, для примѣра, что даже часть семейныхъ подлинныхъ бумагъ кор. Владислава IV попала въ архивъ. Я не сомнѣваюсь, что этотъ матеріалъ можетъ пригодиться для польскихъ историковъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ бумаги архива, относящіяся непосредственно къ исторіи Украины и въ частности Запорожья. Эти далекія земли не представляли для шведовъ XVII и XVIII в.в. прямого интереса. Украина привлекала время отъ времени вниманіе шведской дипломатіи лишь, какъ одинъ изъ второстепенныхъ факторовъ въ политическихъ комбинаціяхъ эпохи войнъ въ Германіи, Польшѣ и Моск. государствѣ. Великодержавная политика шведскихъ королей съ Густава II Адольфа до Карла XII включительно, какъ извѣстно, испытывала постоянныя смѣны успѣховъ и неудачъ, сопровождалась энергическимъ завоевательнымъ натискомъ и промежутками видимаго бездѣйствія и утомленія, въ зависимости отъ внутреннихъ отношеній страны, борьбы сословій, истощенія казны и т. д. Германскія войны естественно привлекли вниманіе шведскихъ политиковъ къ дѣламъ далекаго юга; борьба съ Польшей и Москвой за приморскія области, широкіе планы раздѣла Польши при Карлѣ X Густавѣ, натискъ на Москву и Польшу при Карлѣ XII неизбѣжно вовлекали такъ или иначе и козачество въ эти комбинаціи европейской политики, въ эту дипломатическую игру, въ исходѣ которой былъ заинтересованъ почти весь западъ Европы, какъ протестантскій, такъ и католическій. Были моменты—и именно при Б. Хмельницкомъ—когда козачество повидимому могло играть значительную роль въ этой скрытой и явной

борьбѣ, когда попытки сыграть эту роль сдѣланы были весьма недвусмысленно со стороны представителей козачества, которые не могли относиться безучастно къ ожидаемому расчлененію Польши и тоже стремились урвать добрую часть добычи. Какъ извѣстно, добыча оказалась не такъ легка, какъ думалось сначала. Къ задуманнымъ результатамъ эти попытки не привели, какъ извѣстно, при Хмельницкомъ, а замыслы Мазепы и его преемника in partibus Филиппа Орлика, благодаря измѣнившемуся сценарію, получили въ глазахъ потомства характеръ политической авантюры, заранѣе обреченной на неудачу: судъ потомства о политическихъ неудачникахъ всегда суровъ, это—обычная черта психологіи массы.

Разъ Украина или, точнѣе выражаясь, козачество не представляли для Швеціи другого интереса, кромѣ чисто политическаго и военнаго, то конечно таковъ же и характеръ большей части оффиціальныхъ документовъ архива, относящихся непосредственно къ Малороссіи. Въ архивѣ эти документы сосредоточены въ особомъ отдѣлѣ „*Cosacica*“, составляющемъ прибавленіе къ дѣламъ московскимъ и польскимъ (Meddelanden, XIV, 422). Дѣлъ собственно „козацкихъ“ немного—нѣсколько связокъ въ двухъ отдѣлахъ, обнимаютъ они время 1654—1747 г., но лишь эпоха Хмельницкаго и личность Филиппа Орлика обрисовываются этими документами сколько нибудь связно,—прочіе акты случайно попали сюда. Конечно, наибольшій интересъ къ отдѣлѣ имѣютъ подлинныя письма Б. Хмельницкаго и И. Выговскаго, донесенія шведскихъ пословъ къ Хмельницкому Веллинга и Лилліекроны, инструкціи и письма агента обѣихъ сторонъ греческаго архимандрита Даніила, впослѣдствіи переименовавшагося въ Оливеберга и нобилитованнаго послѣ гадяцкихъ пактовъ. Нѣсколько переводовъ и подлинныхъ писемъ кошевыхъ атамановъ Гордіенка, Богуша, Кириленка, Малашевича, Ероѳеевича (за 1709—1721 г.) [1]) въ общемъ имѣютъ

[1]) Три письма кошевыхъ къ швед. королямъ напечатаны въ „Кіев. Стар.“, 1899 г. (январь).

второстепенное значеніе. Тутъ-же хранится обширная корреспонденція Филиппа Орлика и членовъ его семейства—письма, прошенія, политическія меморіи, историческія замѣтки, копіи современной дипломатической корреспонденціи. Хотя и отсюда могутъ быть извлечены нѣкоторыя цѣнныя черточки для малорусской исторіи, но главный интересъ этой корреспонденціи въ томъ, что она даетъ довольно полное понятіе о т. наз. мазепинцахъ, ихъ стремленіяхъ, симпатіяхъ, умственномъ и моральномъ уровнѣ. На мой взглядъ, эта корреспонденція заслуживаетъ вниманія историковъ эпохи. Вотъ и все существенное въ отдѣлѣ „*Cosacica*", и это вполнѣ понятно, такъ какъ „*Cosacica*"—коллекція добавочная, болѣе или менѣе случайная для гос. архива и потому эпизодическая: архивныя рубрики лишь отражаютъ ходъ политической исторіи.

Не стану подробно перечислять бумагъ этого отдѣла уже потому, что важнѣйшія изъ нихъ приготовлены мною къ изданію, которое, для эпохи Хмельницкаго и Выговскаго, уже начато благодаря любезному вниманію и содѣйствію кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ.

Но документами отдѣла „*Cosacica*" далеко не исчерпывается интересъ, который можетъ имѣтъ гос. архивъ для исторіи Малороссіи XVII и XVIII в. Данныя для этой исторіи, значительной цѣнности и объема, разбросаны и въ другихъ отдѣленіяхъ архива—въ дѣлахъ московскихъ, молдаво-валашскихъ, турецкихъ и особенно татарскихъ, трансильванскихъ и польскихъ. Кромѣ того, весьма важное значеніе имѣетъ и госуд. регистратура, это огромное собраніе корреспонденціи (конечно, въ копіяхъ) шведскихъ королей по всевозможнымъ вопросамъ жизни страны и конечно прежде всего по дѣламъ политическимъ. Для періода 1648—1660 г.г. въ регистратурѣ имѣется 48 томовъ, по 2000 и болѣе листовъ каждый. Подробныхъ описей регистратуры этого времени не издано, а между тѣмъ здѣсь можно нерѣдко найти матеріалы первостепенной важности, особенно для дипломатической исторіи. Между прочимъ, тамъ можно видѣть до 30 писемъ королей къ гетманамъ, инструкціи

шведскимъ посламъ въ Украину, акты, относящіеся къ корсунскому договору съ Выговскимъ (октябрь 1657 г.) и т. п. бумаги несомнѣннаго значенія для нашей исторіи.

Какъ уже упомянуто, вниманіе къ козакамъ шведскіе политики стали обнаруживать уже при Густавѣ II Адольфѣ. Бумаги Моск. гл. арх. мин. иностр. дѣлъ сообщаютъ о двухъ посольствахъ этого короля къ козакамъ, конечно, задуманныхъ канцлеромъ Акселемъ Оксенщерна: въ 1626 г.—Александра Рублецова и въ 1631 г.—капитана Ладмирала и прапорщика Дегрева. Эти послы направлялись чрезъ Москву, гдѣ имъ оказано содѣйствіе, такъ какъ цѣль посольства была—поднять козаковъ противъ Польши. Въ т. наз. Tidöo Samlingen гос. архива (бумаги Оксенщерна) можно видѣть письмо козацкаго „старшого“ Ивана Петринскаго изъ Канева, 18 сентября 1631 г., къ гетману коронному, находившемуся тогда въ Барѣ, о появленіи этихъ пословъ въ Каневѣ и о созывѣ рады для прочтенія писемъ короля шведскаго, а также донесеніе гетмана объ этомъ королю польскому отъ 28 сентября 1631 г.

Но еще раньше этого посольства, именно въ 1628 г., шведскій посолъ въ Трансильваніи и Турціи Павелъ Страсбургеръ собиралъ у Бетлена Габора свѣдѣнія о козакахъ, ихъ внутреннемъ бытѣ, отношеніяхъ къ Крыму, Молдавіи, Польшѣ и далъ прелюбопытный отчетъ о своихъ бесѣдахъ по этому поводу съ трансильванскимъ княземъ. Какъ видно изъ отчета Страсбургера, этотъ дальновидный князь отлично былъ знакомъ съ козацкими дѣлами и уже тогда думалъ натравить козаковъ на Польшу, упорядочить ихъ бытъ, организовать военную силу и образовать изъ нихъ особое господарство подъ „протекціей“ сосѣдей, т. е. конечно прежде всего трансильванскихъ князей. Въ планахъ войны противъ Турціи козаки тоже играли немаловажную роль, и князь, стараясь привлечь къ этому дѣлу Густава II Адольфа, настоятельно рекомендовалъ употребить вліяніе на религіозныхъ и суевѣрныхъ козаковъ константинопольскаго патріарха. Если религія не поможетъ, князь совѣтовалъ разжечь еще болѣе жажду мести, обратить вниманіе козаковъ на багатыя монастырскія имущества и панскія маетности.

Эти мотивы отлично усвоены были шведскими послами и резидентами послѣдующаго времени, что видно изъ ихъ донесеній; мотивы эти красной нитью проходятъ въ отношеніяхъ къ козакамъ шведскихъ политиковъ. Конечно, въ кровавую эпоху 30-лѣтней войны козаки для борющихся партій представлялись въ видѣ грубой военной силы, которую можно направить въ своихъ интересахъ, если употребить надлежащія средства, главнымъ образомъ противъ Польши,—отношеніе послѣдней къ козакамъ прекрасно было извѣстно, какъ въ Трансильваніи, такъ и въ Швеціи.

Съ этой точки зрѣнія бумаги шведскаго гос. архива представляютъ значительный интересъ, и притомъ не исключительно внѣшній. Традиціи политики въ отношеніи козаковъ, отразившейся въ рѣчахъ Бетлена Габора, сохранялись неизмѣнно вплоть до межибожской катастрофы 1657 г. Важные матеріалы госуд. архива, хранящіеся въ отд. *Transilvanica,* изданы венгерской акад. наукъ подъ редакціей г. А. Силадьи еще въ 1890—91 гг. и потому не буду ихъ здѣсь касаться. Что до Швеціи, то время королевы Христины, какъ извѣстно, было неблагопріятно для энергической политики въ духѣ рѣчей Бетлена Габора. Но это вовсе не значитъ, что козаки были забыты, какъ возможное орудіе въ борьбѣ съ Польшей: этого не могло быть ужъ и потому, что руководителемъ политики оставался тотъ же Аксель Оксенштерна. Интересъ этого канцляра къ козакамъ доходитъ до чрезвычайной степени. Съ самаго начала движенія Б. Хмельницкаго и до вторженія кор. Карла X Густава въ предѣлы Польши, въ Данцигѣ съ великимъ усердіемъ и нѣмецкой аккуратностью собираются всевозможныя свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ: два шведскихъ корреспондента—Пельсъ и Кокъ—еженедѣльно шлютъ въ Стокгольмъ подробныя реляціи, присылаютъ переводы оффиціальной и частной корреспонденціи, собираютъ слухи, слѣдятъ за настроеніемъ въ Польшѣ и Украинѣ. Изъ нѣскольких сотенъ донесеній этихъ агентовъ (1648 — 1656 гг.) въ рѣдкомъ не встрѣтишь извѣстій и слуховъ о козацкихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ. Конечно,

тутъ много и слуховъ фантастическихъ, столь распространенныхъ въ Польшѣ того времени. Мнѣ кажется, было-бы небезполезно составить подробную опись этихъ реляцій, потому что по своей обширности едва-ли онѣ будутъ изданы въ скоромъ времени.

Война съ Польшей 1655—60 г. подготовлялась шведами исподоволь. Кромѣ Трансильваніи, сношенія съ которой были завязаны давно, въ 1650 г. посланъ агентъ Іоаннъ Майеръ въ Крымъ, въ отвѣтъ на ханское посольство въ Стокгольмъ, вызванное, какъ полагаютъ нѣкоторые польскіе и русскіе историки, Б. Хмельницкимъ. Полугодовое свое путешествіе въ Крымъ и обратно чрезъ Польшу и Молдавію Майеръ подробно описалъ изо дня въ день, и обширные дневники его (въ *Tatarica*; отрывки въ *Polonica*) представляютъ цѣнный матеріалъ и для исторіи Малороссіи: здѣсь находимъ много свѣдѣній и наблюденій во всѣхъ областяхъ современнаго быта. Живой и умный наблюдатель, Майеръ не упускаетъ отмѣтить все, что можетъ пригодиться для шведской королевы; даже слухи, иногда неточные, тщательно заносятся въ дневники. Замѣтки его о пути вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, по Молдавіи, Галичинѣ, Волыни (куда онъ прибылъ передъ Берестечской битвой) полны живого интереса и значительно пополняютъ запасъ бытовыхъ данныхъ для исторіи эпохи. Его встрѣчи съ людьми, отмѣтки о торговлѣ рабынями и обращеніи съ ними, о враждебномъ отношеніи къ турецкому режиму грековъ и молдаванъ, о польско-козацкихъ отношеніяхъ, о печальномъ состояніи земель, чрезъ которыя проѣзжалъ и т. п., заслуживаютъ, на мой взглядъ, большого вниманія, тѣмъ болѣе, что самъ Майеръ, какъ польскій выходецъ—диссидентъ, могъ судить о дѣлахъ компетентно. Отмѣчу здѣсь и курьезный разсказъ его, имѣющій характеръ анекдота, но, кажется, достовѣрный, о казни, придуманной въ 1651 г. для Б. Хмельницкаго евреями (дневникъ, 11 іюня).

Для исторіи берестечской битвы въ бумагахъ архива также можно найти нѣсколько интересныхъ подробностей.

Въ 1652 г. на сцену шведско-козацкихъ отношеній выступаетъ извѣстный польскій подканцлеръ Іер. Радзѣевскій. Роль этого фатальнаго человѣка и типичнаго польскаго магната, какъ подстрекателя шведовъ противъ Яна-Казимира, довольно извѣстна, но мѣра его вліянія въ дѣлѣ привлеченія козаковъ къ шведско-польской борьбѣ полнѣе выясняется актами архива, куда попали его арестованныя бумаги и хранятся его письма къ Карлу X Густаву. Довольно сомнительная роль въ этомъ дѣлѣ греческаго аббата Даніила, впослѣдствіи нобилитованнаго въ Украинѣ подъ именемъ Оливеберга, этого дипломата на всѣ руки, тоже выясняется болѣе чѣмъ достаточно довольно обширной его корреспонденціей, которую можно видѣть въ разныхъ коллекціяхъ архива (*Cosacica*, *Polonica*, *Polska kriget*, *Tidöo Samlingen*, *Transilvanica*). Какъ кажется, его и Радзѣевскаго замыслу принадлежитъ редакція обширной для козацкой дипломаціи XVII в. итальянской инструкціи Хмельницкаго для переговоровъ съ Карломъ X Густавомъ (октябрь 1655 г.). Какъ типъ странствующаго дипломата эпохи, кишѣвшей авантюристами разнаго рода, аббатъ Даніилъ интересенъ уже потому, что онъ принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ гетманской заграничной политики. Письма его сухи, безграмотны, но безспорно свидѣтельствуютъ о реалистическомъ складѣ ума этого „субтельнаго“ греческаго монаха, съ изумительною быстротою вошедшаго въ сложные интересы европейской политики эпохи и пріобщившагося къ успѣхамъ современной европейской культуры. Что подобному господину Хмельницкій вынужденъ былъ ввѣрять важные свои политическіе интересы—достойно вниманія. Однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ Радзѣевскаго въ 1656 и 1657 г. въ его процессѣ, учиненномъ шведами, было выставлено то, что онъ побудилъ Хмельницкаго отступить отъ Львова осенью 1655 г., и главнымъ доносителемъ выступилъ тотъ-же Даніилъ, который, конечно, не предвидѣлъ, что сынъ Радзѣевскаго сыграетъ подобную отцовской роль при Карлѣ XII.

Отношенія Б. Хмельницкаго къ шведамъ при Карлѣ X Густавѣ характеризуются, вообще говоря, недовѣріемъ къ цѣлямъ

и замысламъ шведской политики, несмотря на безпрестанныя увѣренія въ дружбѣ, широкія обѣщанія, на которыя никогда не скупился знаменитый гетманъ, и т. д. Въ проектѣ раздѣла Польши, выработанномъ въ 1656 г. между Швеціей и Трансильваніей, козакамъ не было отведено того мѣста, на которое они считали себя вправѣ притязать,—отсюда всѣ колебанія козацко-шведской политики. Съ 1655 г. и до самой смерти Б. Хмельницкаго козацкая дипломатія безпрерывно торгуется съ шведской и трансильванской, среди безпрестаннаго опасенія передъ сосѣдями, при необходимости блюсти тайну въ виду запутанныхъ отношеній къ Москвѣ, Крыму и Турціи, считаться съ императоромъ германскимъ и одолѣвать глубокій разладъ среди козацкой старшины и поспольства. Какъ извѣстно, въ 1656 г. Хмельницкій рѣшилъ соединить свои интересы съ дѣломъ Юрія II Ракочи. Для выясненія этого шага гетмана и въ особенности для исторіи козацко-трансильванскаго нашествія на Польшу въ 1657 году архивъ также даетъ богатый и разнообразный матеріалъ, лишь частью изданный г. Силадьи. Въ то время, какъ союзныя войска громили и грабили Польшу и ссорились между собою, въ Чигиринѣ продолжались трудные и запутанные переговоры съ шведскими послами. Донесенія послѣднихъ о ходѣ этой дипломатической торговли изъ-за будущей добычи полны глубокаго интереса, ибо рисуютъ живыхъ людей и ихъ стремленія въ совершенно реальномъ духѣ, безъ прикрасъ и небылицъ, столь частыхъ у польскихъ современныхъ писателей. Отъ 28 іюля 1657 г. сохранилась реляція шведскаго посла Лилліекроны, по словамъ котораго смерть гетмана была прямымъ послѣдствіемъ межибожской катастрофы—этой первой Полтавы и Переволочны—и измѣны полковника Антона Ждановича. Гетманъ погибъ отъ апоплексіи, пролежавъ до смерти (27 іюля 1657 г.) пять дней безъ языка. Переговоры закончились уже при Выговскомъ корсунскимъ договоромъ 7 октября 1657 г., подписаннымъ Немиричемъ, Ковалевскимъ и Ѳедоровичемъ. Договоръ этотъ, съ дополнительными нератификованными статьями, былъ предвѣстникомъ гадяцкихъ пак-

товъ съ Польшей, выработанныхъ годъ спустя. Выговскій считалъ необходимымъ заручиться союзомъ со шведами на случай ихъ одолѣнія, которое, какъ извѣстно, не состоялось благодаря новому повороту московской, датской и австрійской политики.

Конечно, это лишь, такъ сказать, скелетъ отношеній, рисуемыхъ бумагами разныхъ отдѣловъ архива. Картина эта пріобрѣтаетъ новыя и болѣе живыя краски при чтеніи подлинныхъ документовъ, часть которыхъ вскорѣ будетъ издана. Мнѣ кажется, что отсутствіе въ научномъ обиходѣ этихъ документовъ, дающихъ твердую опору для сужденія хотя бы о замыслахъ Хмельницкаго въ этомъ частномъ вопросѣ, представляетъ досадный пробѣлъ.

Шведско-козацкія отношенія при Хмельницкомъ и Выговскомъ во многомъ напоминаютъ такія же отношенія при Мазепѣ, конечно, mutatis mutandis. Къ сожалѣнію для эпохи Мазепы архивъ даетъ очень мало: если не считать паспорта 1704 г., выданнаго Мазепою своему посланцу въ Польшу для какихъ то важныхъ дѣлъ, уже послѣ избранія Станислава Лещинскаго, то подлинной корреспонденціи Мазепы донынѣ не обнаружено. Въ обширной корреспонденціи Орлика можно видѣть переводъ (нѣмецкій) любопытнаго письма царя Петра I къ Мазепѣ 20 сентября 1707 г. изъ Тыкочина по поводу извѣстныхъ переговоровъ царя съ поляками объ уступкѣ имъ Украины: письмо это не въ весьма выгодномъ свѣтѣ рисуетъ царскую дипломатію и пожалуй не могло произвести выгоднаго впечатлѣнія на недовольнаго гетмана. Тутъ же найдемъ подробную реляцію объ истребленіи Карломъ XII трехтысячнаго козацкаго отряда въ Польшѣ (1704 г.), донесеніе объ обстоятельствахъ смерти Мазепы въ Бендерахъ, роли Войнаровскаго, назначеніи Орлика гетманомъ и нѣк. другія бумаги, относящіяся къ событіямъ эпохи.

Обширная корреспонденція Филиппа Орлика подробно рисуетъ судьбу его, какъ эмигранта въ Швеціи и затѣмъ въ Турціи. Она очень интересна для всесторонняго пониманія мазепинцевъ. Особенно любопытны письма на современномъ мало-

русскомъ языкѣ Нахимовскаго, носившаго титулъ булавничаго въ штатѣ Филиппа Орлика. Сынъ послѣдняго Петръ перешелъ во французскую службу и именовалъ себя графомъ д'Орликъ. Мнѣ приходилось слышать, что у наслѣдниковъ его во Франціи сохранились подлинные мемуары первой половины XVIII в., принадлежащіе перу отца или сына, но вѣренъ-ли этотъ слухъ, не знаю. Одинъ изъ здѣшнихъ архивистовъ собираетъ матеріалы для біографіи Филиппа Орлика и предполагаетъ посвятить ему особую монографію.

Въ заключеніе позвольте обратить ваше вниманіе на прекрасную статью г. Эрнста Карльсона: „Полтавскій бой и его военно-историческія предпосылки по современнымъ даннымъ", съ 4 картами (напечатана въ сборникѣ „Historiska studier", вышедшемъ въ 1897 г. къ юбилею историка К. Г. Мальмстрема). Кромѣ цѣннаго содержанія своего, обширная статья эта отлично показываетъ, какъ обрабатываютъ шведскіе историки сюжеты, касающіеся и нашей исторіи, и какая масса драгоцѣнныхъ для этой исторіи данныхъ хранится въ шведскихъ архивахъ, правительственныхъ и частныхъ.

Н. Молчановскій.

6/18 февраля 1899 г.
Stockholm, Arkivsgatan, 3.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831 ГОДА

въ Кіевщинѣ.

Въ концѣ марта 1831 года предводитель польскихъ мятежниковъ Дверницкій перешелъ р. Бугъ и вступилъ съ своимъ отрядомъ въ предѣлы Волыни. Это послужило сигналомъ для польской шляхты юго-западнаго края, и въ разныхъ мѣстахъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній стали организоваться мятежныя шайки и открыто выступать противъ русскихъ военныхъ отрядовъ. И если бы генералу Ридигеру не удалось удержать Дверницкаго близъ австрійской границы, то послѣдній, двинувшись вглубь Волыни или Подоліи, встрѣтилъ бы здѣсь сильную поддержку со стороны мѣтныхъ повстанцевъ. Въ эту тревожную минуту русское правительство, кромѣ военной силы, не могло опереться въ юго-западномъ краѣ ни на мѣстное дворянство, почти исключительно принадлежавшее къ польской національности и въ значительной своей части открыто сочувствовавшее возстанію, ни даже на мѣстное чиновничество, главный контингентъ котораго (въ среднихъ и низшихъ инстанціяхъ) состоялъ изъ той же польской шляхты, а чины судебнаго вѣдомства получали должности по выбору дворянства и состояли почти исключительно изъ поляковъ. Правда, въ краѣ жило свыше четырехъ милліоновъ коренного малорусскаго населенія, но это была безправная крестьянская масса. Закрѣпощен-

ное полякамъ-помѣщикамъ и крайне угнетаемое панами и ихъ управляющими, это населеніе питало непримиримую вражду къ своимъ притѣснителямъ—той самой шляхтѣ, которая въ то время выступала подъ знаменемъ мятежа. Несомнѣнно, что если бы правительство въ это время хотя косвенно дало понять народу, что не будетъ мѣшать и его содѣйствію въ усмиреніи мятежа, то народъ огульно пошелъ бы противъ своихъ притѣснителей, и югозападный край сдѣлался бы ареной такихъ же событій, какія произошли въ 1846 г. въ восточной Галиціи. Но правительство не могло рѣшиться на такую мѣру, такъ какъ этимъ самымъ должно было поколебаться крѣпостное право, а его трогать правительство тогда опасалось... Поэтому рѣшено было ограничиться лишь содѣйствіемъ со стороны сельскаго православнаго духовенства, которому вмѣнялось въ обязанность силою пастырскаго вліянія удерживать крестьянъ отъ участія въ мятежѣ, если бы ихъ привлекали къ тому помѣщики, и сверхъ того имѣть неослабное наблюденіе за поведеніемъ последнихъ, равно ихъ управителей, посессоровъ и другой шляхты, и о всякихъ подозрительныхъ, а тѣмъ болѣе явно преступныхъ дѣйствіяхъ ихъ тотчасъ доносить начальству. Съ самаго начала мятежа въ каждомъ уѣздномъ городѣ юго-западнаго края были учреждены особыя „комиссіи для точнѣйшаго приведенія въ извѣстность лицъ, принявшихъ участіе въ возникшемъ мятежѣ“ [1]), въ составѣ: мѣстнаго городничаго, исправника, стряпчаго, почтмейстера, депутата со стороны дворянства и военныхъ аудиторовъ въ лицѣ кавалерійскихъ офицеровъ. Эти комиссіи начали свои дѣйствія съ того, что обратились въ мѣстныя духовныя правленія съ конфиденціальными требованіями „дать секретныя повелѣнія всѣмъ сельскимъ священникамъ, дабы они, посредствомъ прихожанъ, старались какъ можно узнать о намѣреніяхъ помѣщиковъ и шляхты къ мятежу, о приготовленіи ими людей и оружія, и о выѣздѣ ихъ самихъ или съ людьми, и

[1]) Короче эти комиссіи титуловались „частными комиссіями (такого-то уѣзда) о мятежникахъ“, а въ Кіевѣ, Житомирѣ и Каменцѣ существовали такія же „губернскія комиссіи“.

когда гдѣ-нибудь извѣстно станетъ о таковомъ предпріятіи давали бы какъ можно исправнику секретнымъ образомъ знать, не опасаясь по сему какого изслѣдованія и оставались бы спокойными, только должны истинно развѣдывать". Духовныя правленія разослали такіе же указы благочиннымъ, чтобы они, созвавъ подвѣдомственныхъ имъ священниковъ, разъяснили, чего требуетъ отъ нихъ правительство, и чтобы требуемыя доношенія посылались ими одновременно въ мѣстное духовное правленіе и исправнику.

Изъ послѣдующаго видно, что сельское духовенство съ живѣйшею готовностью откликнулось на этотъ правительственный призывъ. Помимо служебнаго долга, имъ могло руководить въ этомъ случаѣ и естественное чувство мщенія за то приниженное положеніе, въ какомъ оно находилось главнымъ образомъ благодаря мѣстному владѣльческому классу. Въ то время сельское духовенство юго-западнаго края рѣшительно ничѣмъ не было обезпечено къ матеріальномъ отношеніи; оно не получало отъ казны никакого жалованья, не имѣло опредѣленныхъ ружныхъ земель и жило исключительно нищенскими крохами, собираемыми съ прихожанъ. Если священникъ оказывался человѣкомъ покорнымъ и умѣлъ низко кланяться, то помѣщикъ или его управляющій милостиво дозволялъ ему пользоваться полемъ, сѣнокосомъ, пастбищемъ, дровами изъ господскаго лѣса, безплатнымъ помоломъ на господской мельницѣ и другими благостынями, количество которыхъ находилось въ зависимости отъ степени его смиренія и угодливости. Но за то священникъ обязывался во всемъ сообразоваться съ волею пана, безропотно хоронить до смерти засѣченныхъ имъ людей, вѣнчать насильственно устраиваемые имъ браки и вообще сквозь пальцы смотрѣть на многое, вредное религіозно-нравственнымъ интересамъ своей паствы. А если случалось, что иной священникъ захочетъ остаться вѣрнымъ своему пастырскому долгу и вздумаетъ въ чемъ-либо заступиться за прихожанъ, то на него же донесутъ, какъ на возмутителя крестьянъ, и выданный мѣстными полицейскими властями въ русскомъ мундирѣ, но польской крови,

онъ нигдѣ не найдетъ защиты и въ самомъ счастливомъ случаѣ будетъ переведенъ на другой приходъ съ замѣчаніемъ быть впередъ умнѣе. Понятно, какія чувства должно было питать сельское духовенство по отношенію къ польскому дворянству и съ какою готовностью отозваться на призывъ правительства— взять на себя тайный надзоръ надъ высокомѣрнымъ панствомъ, столь презрительно относившимся къ „пбпу". Теперь этотъ „попъ", въ союзѣ съ такимъ же забитымъ и униженнымъ „хлопомъ", могъ прослѣдить каждый шагъ своего притѣснителя, угадать сокровеннѣйшіе его помыслы—и выдать его властямъ головою. Правду говоря, правительство не могло найти болѣе усердныхъ агентовъ. Это усердіе раньше другихъ оцѣнили ушедшіе въ мятежъ поляки: гдѣ только проходили банды повстанцевъ, тамъ они съ найбольшимъ озлобленіемъ набрасывались на православныхъ священниковъ. Такъ въ Брацлавскомъ у. священникъ с. Сокольца Міановскій, за доносъ на мятежниковъ, былъ схваченъ маршаломъ Жабокрицкимъ, брошенъ въ каменный погребъ и три недѣли содержался подъ арестомъ; села Рогозны священникъ Пясецкій потерпѣлъ подобныя же насилія; села Рубани священника Чернышевича мятежники намѣревались повѣсить, закинули и веревку на шею, били и бросили полумертваго; въ м. Зятковцахъ, Гайсинскаго уѣзда, священника Рыбицкаго искали убить, но, не найдя, разграбили его домъ; священникъ с. Межировки Чернышевичъ былъ въ плѣну у повстанцевъ въ теченіе двухъ дней, и т. п. [1]). Еще болѣе ожесточеннымъ—ибо они были повсемѣстны и систематичны—преслѣдованіямъ со стороны помѣщиковъ подверглось сельское духовенство (не говоримъ уже о крестьянахъ) за свое усердіе впослѣдствіи, по усмиреніи мятежа, когда одни изъ пановъ-владѣльцевъ вышли сухими изъ воды, другіе были прощены, третьи мстили за своихъ сосланныхъ родственниковъ

[1]) „О ревизіи прот. Скворцовымъ Подольской епархіи въ 1831 году", ст. Н. С. Гогоцкаго, помѣщенная въ Подольск. Епарх. Вѣдомостяхъ 1890 г. То, что было въ подольской губ., безъ сомнѣнія повторялось и въ другихъ мѣстностяхъ, охваченныхъ повстаньемъ.

и т. д. Но въ началѣ возстанія священники не могли предвидѣть будущихъ событій; къ тому же, имъ было обѣщано, что ихъ доношенія останутся въ ненарушимой тайнѣ и доносителей ни въ какомъ случаѣ не станутъ привлекать къ слѣдствіямъ. Полагаясь на это обѣщаніе, священники съ полною готовностью, какъ умѣли, старались помочь чинамъ уѣздныхъ слѣдственныхъ комиссій. Но мы видѣли уже, изъ какихъ мало надежныхъ элементовъ состояли эти комиссіи: тамъ засѣдали чины той самой уѣздной и земской полиціи, которая преспокойно проглядѣла процессъ подготовленія къ мятежу и допустила организоваться вооруженнымъ бандамъ; тамъ были депутаты отъ польскаго дворянства, которое одно и затѣяло повстанье; тамъ было наконецъ много чистокровныхъ поляковъ, которые едвали могли пылать особеннымъ рвеніемъ къ дѣлу, столь противному ихъ національному чувству. Неудивительно поэтому, что патріотическое усердіе православнаго духовенства и его прихожанъ далеко не всегда встрѣчало должную оцѣнку и поощреніе со стороны уѣздныхъ комиссій: иногда онѣ находили его чрезмѣрнымъ и не только выдавали доносителей на жертву мести лицъ, о дѣйствіяхъ коихъ они доносили, но и сами обуздывали ихъ довольно грубымъ способомъ, и въ такихъ случаяхъ положеніе простецовъ-священниковъ являлось по истинѣ трагическимъ. Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ мы и намѣрены разсказать по документамъ, хранящимся въ кіевскомъ Центральномъ архивѣ.

Въ южной части нынѣшняго Бердичевскаго, а тогда Махновскаго повѣта, въ м. Старой-Прилукѣ, приходскимъ священникомъ былъ Θома Врублевскій, занимавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность благочиннаго. Получивъ изъ консисторіи указъ о строгомъ наблюденіи за мятежниками, онъ, по его словамъ, „ревнуя по долгу вѣрноподданнической іерейской присяги своей и славу свою и самую жизнь вметая ни во что для общаго

блага", рѣшился оказать дѣятельное содѣйствіе правительству „въ пресѣченіи злоумышленности вѣроломныхъ поляковъ, дерзнувшихъ нарушить общее спокойствіе". И точно, когда 8-го мая 1831 года небольшая шайка мятежниковъ изъ Скалы прибыла въ м. Прилуку и остановилась для отдыха въ домѣ здѣшняго помѣщика Каллиста Гойжевскаго, то Врублевскій немедленно далъ знать объ этомъ въ Махновку, въ нижній земскій судъ, и не успѣли повстанцы встать изъ-за обѣденнаго стола, какъ оттуда появился военный отрядъ и разогналъ ихъ. Скоро послѣ того Врублевскій узналъ отъ дворовыхъ людей Гойжевскаго, что въ числѣ гостившихъ у него повстанцевъ былъ братъ его жены Корженіовскій, котораго Гойжевскіе снабдили платьемъ и деньгами, равно какъ и другихъ хорошо имъ знакомыхъ начальниковъ банды; что Гойжевскій еще до прихода повстанцевъ тайно готовился пристать къ нимъ и подговаривалъ къ тому же дворовыхъ своихъ людей и служившихъ въ его экономіи шляхтичей, изъ коихъ двое такъ и поступили, самъ же Гойжевскій не рѣшился послѣдовать за своимъ шуриномъ лишь потому, что въ то время къ Прилукѣ неожиданно подступилъ генералъ Ротъ съ отрядомъ солдатъ, и повстанцы, бросивъ обѣдъ, поспѣшно бѣжали въ лѣсъ; что и послѣ того Гойжевскій объѣхалъ многихъ помѣщиковъ—именно тѣхъ, у которыхъ останавливалась проходившая банда, и что затѣмъ эти помѣщики 21-го мая съѣхались къ Гойжевскому и ночевали у него, вопреки строжайшему воспрещенію правительства устраивать полякамъ какіе бы то ни было съѣзды; что хотя, при самомъ началѣ мятежа, велѣно было помѣщикамъ и шляхтѣ добровольно выдать полиціи все имѣвшееся у нихъ холодное и огнестрѣльное оружіе, порохъ, пули и т. под. припасы, подъ угрозою строжайшаго взысканія за утайку, тѣмъ не менѣе служащая у Гойжевскаго шляхта имѣетъ у себя ружья, а въ саду помѣщика работавшіе крестьяне случайно отрыли подъ кустомъ крыжовника мѣшечекъ съ пулями и отдали его священнику. Обо всемъ этомъ свящ. Врублевскій послалъ 22 мая донесеніе въ махновское духовное правленіе и вмѣстѣ махновскому зем-

скому исправнику Коломійцеву, только что смѣнившему прежняго исправника Піотровскаго, поляка. Доносъ возымѣлъ дѣйствіе: помѣщикъ Гойжевскій былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ Махновку, въ слѣдственную комиссію, и крестьяне были увѣрены, что ихъ панъ не вернется оттуда; но черезъ пять дней онъ возвратился и попрежнему вступилъ въ управленіе имѣніемъ. Какъ впослѣдствіи оправдывался исправникъ Коломійцевъ, онъ сразу же убѣдился въ невиновности Гойжевскаго и, не производя никакого слѣдствія, отпустилъ его съ миромъ, а священнику Врублевскому сдѣлалъ внушеніе „впредь лучше разузнавать о наводимомъ на Гойжевскаго подозрѣніи“.

Тѣмъ бы это дѣло и окончилось; но до свѣдѣнія тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Княжнина неизвѣстно какимъ путемъ дошли слухи о помѣщикѣ Гойжевскомъ, совершенно сходные съ донесеніемъ священника Врублевскаго, и онъ предписалъ (31 мая) исправнику Коломійцеву строжайше разслѣдовать это дѣло. Нечего было дѣлать, выѣхалъ исправникъ въ Прилуку, остановился въ еврейскомъ домѣ и приступилъ къ формальному слѣдствію—но не надъ помѣщикомъ Гойжевскимъ, а надъ священникомъ Врублевскимъ. Онъ вызвалъ послѣдняго къ себѣ и подвергъ допросу: какія онъ имѣетъ доказательства, что Гойжевскій мятежникъ? Намѣревался ли Гойжевскій присоединиться къ проходившей чрезъ м. Прилуку мятежнической шайкѣ, или хотѣлъ организовать собственную? Гдѣ и какое именно хранится у него оружіе? Приведенный въ смущеніе такимъ оборотомъ дѣла, священникъ отвѣчалъ, что, по точному смыслу объявленнаго ему правительственнаго указа, онъ не можетъ быть привлеченъ къ слѣдствію по поводу сдѣланнаго имъ доношенія, и не его дѣло доказывать, вполнѣ ли достовѣрны тѣ свѣдѣнія о Гойжевскомъ, какія секретно сообщены ему прихожанами; провѣрку ихъ нужно было сдѣлать по горячимъ слѣдамъ, въ отсутствіе помѣщика, а не теперь, когда онъ имѣлъ полную возможность эти слѣды уничтожить и застращать крестьянъ; что, привлекая его, священника, гласно къ

слѣдствію, исправникъ тѣмъ самымъ открываетъ тайну его доношенія и ставитъ его въ крайне тревожное и опасное положеніе.—Но когда въ эту минуту въ комнату вошелъ самъ Гойжевскій, исправникъ постѣснялся при немъ продолжать допросъ священнику, а спустя часъ или два уѣхалъ въ городъ. Но черезъ нѣсколько дней (10 іюня) Коломійцевъ снова прибылъ въ Прилуку и на этотъ разъ съ большею энергіею принялся допытывать все того же священника Врублевскаго. Онъ началъ съ того, что прислалъ ему слѣдующее предписаніе: „Въ дополненіе донесенія вашего превелебія отъ 22-го минувшаго мая, прошу васъ увѣдомить меня: 1) Кто именно тотъ достовѣрный человѣкъ, отъ коего вы узнали, что помѣщикъ Гойжевскій единомышленникъ съ прочими мятежниками? 2) Какіе вы имѣете виды, что сей послѣдній желаетъ пріобщиться къ мятежникамъ или вновь заводить шайку? Сами ли достовѣрно о семъ знаете, или отъ кого слышали? Также не извѣстны ли вы о каковыхъ либо приготовленіяхъ къ тому оружій огнестрѣльныхъ или сабель и пикъ? Кѣмъ послѣднія и гдѣ дѣлались и въ какомъ мѣстѣ сохранялись, и кто именно изъ шляхты или крестьянъ къ возмущенію приглашались? Каково свѣдѣніе съ описаніемъ всѣхъ подробностей имѣете доставить ко мнѣ завтрашній день, пояснивъ все то на сей бумагѣ". Священникъ Врублевскій удержалъ у себя подлинное предписаніе, а отвѣтъ написалъ отдѣльно. Онъ сознавалъ, что назвать дворовыхъ людей Гойжевскаго, со словъ которыхъ онъ писалъ доношеніе на него—значило бы выдать ихъ на жертву мщенію помѣщика, и потому отвѣтилъ исправнику, что не можетъ „поименовать онаго достовѣрнаго человѣка, поелику онъ мнѣ на духу сознался". Это не удовлетворило Коломійцева; въ тотъ же день онъ прислалъ ему вторичное требованіе такого содержанія: „Вы пишете, что не можете обнаружить лица, объявившаго вамъ о намѣреніяхъ Гойжевскаго, потому что оно сознАлось вамъ о томъ на исповѣди. Но неужели есть грѣхомъ одно знаніе о намѣреніи помѣщика Гойжевскаго присоединиться къ мятежникамъ, и сознаваться о семъ вамъ на духу? Развѣ сіе утаиваемое вами

лицо само причастно тому же преступленію? Впрочемъ, если и такъ, то по правиламъ о исповѣдяхъ заговоръ противъ государства обнаруживается и посредствомъ оныхъ, и потому не должны вы утаивать того лица, которое ежели знало только о намѣреніяхъ Гойжевскаго присоединиться къ мятежникамъ, то обязано было по долгу вѣрноподданнической присяги объявить о томъ мѣстному начальству, а не сознаваться вамъ на исповѣди". Въ заключеніе исправникъ снова настойчиво требовалъ открыть имя означеннаго лица, грозя „въ противномъ случаѣ принять рѣшительныя мѣры, какъ въ дѣлѣ, по настоящимъ обстоятельствамъ не терпящемъ промедленія".

Эта вторая бумага была доставлена священнику поздно, ночью, когда въ домѣ его всѣ уже спали. Посланный такъ громко стучалъ въ запертую ставню, что разбилъ стекло въ окнѣ. Перепуганный священникъ, въ домѣ котораго были опасно больные, выслалъ ночевавшаго у него дьячка узнать, кто такъ настойчиво ломится въ домъ. Оказалось—посланецъ исправника съ требованіемъ немедленнаго отвѣта. Священникъ долженъ былъ встать съ постели и сѣсть за писаніе. Въ одной съ нимъ комнатѣ находилась страдавшая нервнымъ разстройствомъ жена, а въ сосѣдней—корчился въ судорогахъ заболѣвшій холерой старикъ тесть, надъ которымъ рѣшено было утромъ совершить елеосвященіе. Удрученный домашнимъ горемъ и окончательно убѣдившійся въ томъ, что исправникъ дѣйствуетъ въ интересахъ помѣщика, священникъ Врублевскій коротко отвѣтилъ Коломійцеву: „Что вамъ отъ меня нужно—требуйте по моей командѣ, а впредь ко мнѣ не пишите и дайте мнѣ покой, ибо я безъ воли моей верховной власти и безъ участія духовнаго депутата не могу отвѣтствовать на ваши допросы".

Раннимъ утромъ 12-го іюня въ домѣ Врублевскаго собралось духовенство и приступили къ совершенію таинства надъ больнымъ его тестемъ, священникомъ Аѳанасіемъ Ящуржинскимъ. Хозяину докладываютъ, что за нимъ пришли люди отъ исправника. Вышелъ онъ изъ комнаты на дворъ и видитъ шляхтичей Зарицкаго и Маслякевича, служащихъ въ экономіи Гойжевскаго.

— А что скажете, панове?

— Насъ прислалъ исправникъ Коломійцевъ, дабы вы сейчасъ къ нему явились; а если вы насъ не послушаете, то онъ пришлетъ и десять человѣкъ, дабы васъ таки взять".

— Скажите господину исправнику, что я сейчасъ не могу отлучиться, а какъ окончится отправа, то я прійду.

Но исправникъ не умѣлъ ждать: четверть часа спустя онъ прислалъ за тѣмъ же засѣдателя нижняго земскаго суда Денбскаго, о которомъ свящ. Врублевскій писалъ въ своемъ доношеніи, что онъ „весьма пріятельски живетъ съ помѣщиками" и, по увѣренію прежняго исправника, зналъ всю подноготную о замыслахъ поляковъ и шляхты, но молчалъ и никуда не доносилъ; поэтому Врублевскій предупредительно просилъ Коломійцева утаить его доносъ отъ Денбскаго, дабы онъ его не выдалъ полякамъ. Теперь этотъ панскій угодникъ, видимо посвященный во всѣ подробности дѣла, былъ присланъ съ порученіемъ привести Врублевскаго къ исправнику. Его встрѣтила дочь хозяина и пригласила обождать въ другой горницѣ, пока окончится елеосвященіе. Черезъ нѣсколько минутъ служба была окончена, и въ горницу вошелъ хозяинъ и съ нимъ другіе священники, участвовавшіе въ совершеніи таинства.

— Ваше благородіе! обратился Врублевскій къ засѣдателю: вы болѣе меня знаете; скажите, чего хочетъ отъ меня молодой исправникъ? Насылаетъ ночью на домъ мой людей, которые стучать въ окошки, мало оныхъ не поразбивали,—дѣлаетъ мнѣ сильныя непріятности и хочетъ меня взять подъ арестъ, тогда какъ я ему въ команду не подлежу, а имѣю свое начальство.

— Я ничего совершенно не знаю,—отвѣчалъ Денбскій,— а только г. исправникъ требуетъ васъ къ себѣ на квартиру по касающемуся васъ дѣлу и проситъ, чтобы вы возвратили тѣ бумаги, какія къ вамъ отъ него вчера и позавчера посланы.

— Вы видите мое несчастное положеніе,—продолжалъ хозяинъ: тамъ тесть на холеру болѣетъ, а здѣсь жена моя спазмами или чорною болѣзнью страждетъ. Прошу васъ, посо-

вѣтуйте г. исправнику, пусть меня оставитъ спокойнымъ, а чего ему нужно отъ меня, то пусть требуетъ по моей командѣ, какъ я къ нему уже и писалъ. А явки къ нему я чинить не буду, хотя бы еще нѣсколько посланныхъ отъ него прибыло, и бумагъ не возвращу.

Тѣмъ временемъ поданъ былъ завтракъ. Хозяинъ и гости выпили по рюмкѣ водки и Денбскому поднесли. Во время закуски всѣ съ жаромъ осуждали поступокъ исправника. Засѣдатель не счелъ приличнымъ выслушивать (какъ онъ писалъ въ рапортѣ) „дерзостныя выраженія“ о своемъ начальникѣ и поспѣшилъ откланяться. Завтракъ продолжался.

Но ему не суждено было мирно окончиться. Зазвенѣли звонки и на крыльцѣ раздался грозный окрикъ исправника:

— Подлецы! пьяницы! Что же они лгутъ, будто окошки побиты? Окошки цѣлы!

Войдя въ комнату, Коломійцевъ „въ чрезвычайномъ азартѣ“ сразу же набросился на хозяина: какъ онъ смѣлъ его ослушаться—не явился по его двукратному требованію и не возвратилъ его предписаній?

— Я вамъ далъ отъ себя отзывъ... Я не подлежу вамъ въ команду, и вы не можете на меня кричать!.. защищался Врублевскій.

— А, такъ ты такъ? вскричалъ взбѣшенный исправникъ.— Отдай, с..... сынъ, мои отношенія, а не то я тебѣ бороду по волоску выщиплю...

При этихъ словахъ гости въ суматохѣ встали изъ-за стола, а въ сосѣдней комнатѣ послышалось истерическое рыданіе.

— Ваше высокоблагородіе! вскричалъ блѣдный какъ стѣна хозяинъ: пожалѣйте хотя больныхъ моихъ, а особливо жену, которая страждетъ чорною болѣзнью и отъ малѣйшаго случая можетъ лишиться жизни!..

Исправникъ нѣсколько притихъ, а Врублевскій продолжалъ:

— Я уже вамъ неоднократно и писалъ, и словесно объявлялъ: чего вамъ отъ меня нужно—требуйте по моей командѣ.

— Да что ты мнѣ указываешь, с..... сынъ! вспыхнулъ снова Коломійцевъ.—Я съ тобою что захочу, то и сдѣлаю. И кто у тебя таковая команда?

— Въ Махновкѣ—протоіерей, а въ Кіевѣ—митрополитъ,— отвѣчалъ Врублевскій.

— Да что мнѣ твой митрополитъ! Я имѣю особую отъ его высокопревосходительства довѣренность...

Тутъ уже не выдержали присутствующіе священники и вступили въ споръ. Послышались ироническія замѣчанія: „Ого, какой вы великій господинъ! Пожалуй, больше самого митрополита!

Это еще больше разозлило расходившагося исправника, и онъ сталъ бранить все духовенство, обзывая его членовъ пьяницами, подлецами, собаками и другими ругательными эпитетами. „Да что и говорить! заключилъ онъ: у всего духовенства махновскаго повѣта совѣсть есть не іерейская, а собачья“.

Тутъ подошелъ къ ругателю отецъ хозяина, престарѣлый священникъ и духовникъ Петръ Врублевскій и, желая ему что-то сказать, коснулся его руки и началъ: „Ваше благородіе“!.. Но тотъ грубо оттолкнулъ его, прикрикнувъ: „Да что ты, старая собако, пьянице, ко мнѣ вяжешься“!.. и снова принялся ругать хозяина и требовать возвращенія бумагъ. Наконецъ крикнулъ на него:

— Да что съ тобою долго толковать! Собирайся, я арестую тебя и возьму съ собою...

Священникъ Ѳома Врублевскій тотчасъ снялъ висѣвшую на стѣнкѣ рясу, одѣлъ ее на себя и, взявши въ руки шляпу, сказалъ:

— Ѣдьмо, г. исправникъ! Я готовъ...

Но въ эту минуту произошло нѣчто неожиданное: изъ сосѣдней комнаты донесся душу раздирающій крикъ, и оттуда, прямо съ постели, выбѣжала больная хозяйка и съ крикомъ: „Что вы дѣлаете, г. исправникъ! Куда берете моего мужа“?.. припала къ его плечу. Присутствующіе были потрясены этою сценою; они опасались за жизнь больной. Мужъ, успокаивая ее, сказалъ:

— Не бойся, другъ мой: г. исправникъ знаетъ, что меня беретъ, но не знаетъ, гдѣ меня дѣнетъ...

Зарвавшійся Коломійцевъ видимо не зналъ, какъ ему закончить затѣянную имъ нелѣпую сцену, и уходя крикнулъ Врублевскому:

— Я пришлю за тобою нарочныхъ: будь готовъ!

Но злоба душила его, и онъ, выйдя на крыльцо, еще два раза возвращался въ сѣни, продолжая бранить хозяина; наконецъ сѣлъ въ ожидавшій его экипажъ и уѣхалъ въ Махновку [1]).

На другой день Коломійцевъ послалъ подробный рапортъ генералъ-губернатору объ исполненіи его предписанія отъ 31 мая. Помѣщика Гойжевскаго онъ расписалъ бѣлѣе снѣга и невиннѣе агнца; доносъ свящ. Врублевскаго обозвалъ „ложнымъ" и совершенно ни на чемъ не основаннымъ. Самого Врублевскаго представилъ человѣкомъ „чрезвычайно упорнымъ, самонадѣяннымъ и дерзкимъ, не признающимъ никакого полицейскаго начальства". Онъ отказался явиться на его приглашеніе потому-де, что „занятъ былъ пьянствомъ съ гостями". Когда же самъ онъ, исправникъ, отправился въ домъ къ нему, то, не взирая на ранній часъ дня, засталъ хозяина и гостей уже пьяными. Его тоже хотѣли усадить „за круговой столъ"; когда же онъ отказался, пьяная компанія стала „наносить ему разныя грубости и оскорбленія", а подвыпившій хозяинъ „готовился даже нарушить спокойствіе (?)". Вообще, по его наблюденію, разсчеты правительства на содѣйствіе духовенства въ дѣлѣ прекращенія мятежа оказались ошибочными. „Духовенство махновскаго повѣта (писалъ далѣе Коломійцевъ) часто затрудняетъ меня бездоказательными, основанными на однихъ догадкахъ, донесеніями; напримѣръ, села Свитинецъ свящ. Е. Крижановскій доносилъ, что у мѣстнаго посессора хранится оружіе. Съѣзжалъ я на мѣсто, и за всѣми мѣрами разслѣдованія доне-

---

[1]) Кто изъ читателей усомнился бы, точно ли воспроизведена нами эта дикая сцена, того мы можемъ увѣрить, что не прибавили ни одной черты, ни одного лишняго эпитета къ тому, что находится въ присяжныхъ показаніяхъ очевидцевъ: двухъ священниковъ, дьячка и двухъ крестьянъ.

сеніе оказалось ложнымъ. Другой священникъ доносилъ, что м. Бѣлиловки настоятель римско-католич. костела сказывалъ на духу людямъ, что лучше пойти въ тотъ хлѣвъ, гдѣ свиньи лежатъ, нежели перейти въ грекороссійскую вѣру. Когда я спрашивалъ доносителя: какія онъ имѣетъ на то доказательства, когда и кому было сіе говорено? то священникъ увѣрялъ, что назадъ тому два года какая-то женщина, уже умершая, ему о семъ сказывала, и просилъ только вѣрить его іерейской совѣсти, которой, какъ бездоказательной, я вѣрить не могъ. Вслѣдствіе чего, дабы не затрудняло меня духовенство подобными неосновательными донесеніями, по которымъ изслѣдованія остаются безполезными и отнимающими напрасно время, я отнесся вмѣстѣ съ симъ къ махновскому протоіерею о сдѣланіи со стороны его въ загражденіе того надлежащаго распоряженія".

Не знаемъ, имѣлъ ли исправникъ полномочіе чинить такое „загражденіе", но изъ послѣдующаго видимъ, что донесенія со стороны духовенства продолжались, и Княжнинъ требовалъ, чтобы уѣздныя слѣдственныя комиссіи дѣлали по нимъ дознанія.

Между тѣмъ священникъ Ѳома Врублевскій, не ожидая присылки за нимъ нарочныхъ и оставивъ на произволъ судьбы больную жену и умирающаго тестя, почти вслѣдъ за исправникомъ отправился въ Махновку и явился въ духовное правленіе. Изложивъ въ рапортѣ всѣ обстоятельства дѣла и яркими чертами изобразивъ нанесенныя ему исправникомъ обиды и оскорбленія, онъ горько жаловался на то невыносимое положеніе, въ какомъ неожиданно очутился онъ и другіе изъ духовенства, подобно ему изъ чувства вѣрноподданническаго долга старавшіеся по мѣрѣ силъ исполнить правительственное требованіе. „Уличенные уже и уличаемые въ мятежничествѣ и всему духовенству извѣстные помѣщики и шляхта находятся на свободѣ, а доносители и свидѣтели преслѣдуются открыто разысканіемъ, какъ и я невинно гонимъ земскою полиціею и преслѣдуемъ

помѣщиками за доносъ, по сущей справедливости учиненный". Члены духовнаго правленія отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ невинно потерпѣвшему собрату и только въ одномъ не одобрили его дѣйствія: они нашли, что, въ виду настойчивыхъ требованій исправника назвать имена дворовыхъ людей Гойжевскаго, уличавшихъ его въ соучастіи въ мятежѣ, Врублевскій долженъ былъ исполнить это требованіе, такъ какъ безъ того слѣдственная комиссія лишена была возможности произвести нужное разслѣдованіе. Врублевскій въ тотъ же день исправилъ это упущеніе, пославъ въ комиссію требуемое объясненіе. А духовное правленіе постановило представить подлинный рапортъ священника Врублевскаго кіевскому митрополиту вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, обращало его вниманіе на то, что „подобныя открытыя розысканія со стороны полиціи и суда не только обидны для духовенства, по долгу вѣрноподданнической присяги немедленными донесеніями своими о зачинщикахъ мятежникахъ и даже открытіями тайно сокрываемаго оружія оказавшаго немалую услугу для правительства, но и отъ помѣщиковъ духовенство начинаетъ быть преслѣдуемо болѣе прежняго и обижаемо всѣми мѣрами, съ явнымъ поношеніемъ, и нѣкоторыми уже уличенными въ винѣ помѣщиками, кои на свободѣ, произносятся нахвалки и на самую даже жизнь духовенства, какъ явствуетъ, напримѣръ, изъ донесенія благочиннаго Павла Баккалинскаго отъ 20 мая, что тамошній посессоръ сказалъ: „я въ арештѣ не пропаду, но ежели выйду, то попу отблагодарю"! Поэтому, „для предохраненія духовенства отъ таковыхъ опасныхъ обстоятельствъ", духовное правленіе „всесмиреннѣйше" испрашивало у митрополита „защиты и покровительства".

Въ то время кіевскимъ митрополитомъ былъ извѣстный Евгеній Болховитиновъ. Изъ многочисленныхъ его резолюцій и отписокъ по дѣламъ того времени, какія намъ приходилось просматривать, видно, что онъ сердцемъ болѣлъ по поводу безправнаго и униженнаго положенія приходскаго духовенства, всѣми мѣрами защищалъ его отъ порабощенія со стороны все-

властнаго иновѣрнаго дворянства и былъ невысокаго мнѣнія о служебномъ усердіи, честности и безпристрастіи тогдашняго чиновничества; поэтому и къ настоящему дѣлу онъ не могъ отнестись безучастно. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не сохранилось его представленія, при которомъ онъ велѣлъ консисторіи препроводить генералъ-губернатору копіи рапорта махновскаго духовнаго правленія и жалобы священника Врублевскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что это преставленіе не было лишь соблюденіемъ одной формальности. За то генералъ-губернаторъ Княжнинъ отнесся къ дѣлу чисто формально: не дѣлая никакихъ общихъ распоряженій относительно того, какъ полицейскія и судебныя власти должны относиться къ политическимъ доносамъ, поступающимъ отъ сельскаго духовенства, онъ ограничился лишь предписаніемъ (30 іюня) махновской уѣздной слѣдственной комиссіи разсмотрѣть жалобу священника Врублевскаго „о учиненіи яко бы ему обидъ земскимъ исправникомъ и по разсмотрѣніи сдѣлать законное распоряженіе къ открытію истины и поступленію по законамъ". Столь же безучастно отнеслась и комиссія къ генералъ-губернаторскому предписанію: лишь 20 іюля она удосужилась его „заслушать" и постановила опредѣленіе: „предложить присутствующему въ сей же комиссіи г. земскому исправнику Коломійцеву дать противу жалобы объясненіе". А Коломійцевъ на это отписался: „по предписанію г. генералъ-губернатора отъ 31 мая, я произвожу изслѣдованіе по извѣту свящ. Врублевскаго на помѣщика Гойжевскаго въ намѣреніи его присоединиться къ мятежнической шайкѣ, по окончаніи коего оно представлено будетъ на разсмотрѣніе въ оную же комиссію, которая тогда можетъ увидѣть, какія со стороны моей были дѣйствія въ отношеніи священника Врублевскаго и сколь несправедливо онъ обжаловалъ меня предъ начальствомъ". Комиссія удовлетворилась этимъ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ и даже не сочла нужнымъ рапортовать генералъ-губернатору объ исполненіи его приказанія.

А Коломійцевъ дѣйствительно принялся за слѣдствіе, но не надъ помѣщикомъ Гойжевскимъ, а надъ его дворовымъ че-

ловѣкомъ, поваромъ Яковомъ Значковскимъ, оказавшимся именно тѣмъ „достовѣрнымъ человѣкомъ“, со словъ котораго главнымъ образомъ священникъ Врублевскій доносилъ на Гойжевскаго. Узнавъ наконецъ его имя, исправникъ прибылъ въ Прилуку и подвергъ его допросу. Несмотря на явно пристрастный характеръ допроса, крѣпостной человѣкъ безбоязненно подтвердилъ все то, что раньше говорилъ священнику, и смѣло уличалъ своего господина въ соучастіи съ мятежниками и въ подговорѣ дворовыхъ людей и служившей у него шляхты присоединиться къ повстанцамъ. Чтобы его образумить, на него надѣли двойныя деревянныя колодки и посадили на нѣсколько сутокъ подъ арестъ, а затѣмъ допрошены были другіе дворовые люди, на которыхъ поваръ ссылался; конечно, они не подтвердили этой ссылки. Но колодки не образумили упорнаго Якова. Тогда его подвергли разнымъ истязаніямъ, отставили отъ поварской должности и повернули въ полевыя работы, для него совершенно непривычныя, изнуряли его непосильнымъ трудомъ, запретили его скоту пастись на господскомъ выгонѣ и оставаться въ господской „оборѣ“ и почти ежедневно подвергали его и даже его жену нещадному сѣченію. Яковъ ожесточился, но не сдавался; помѣщикъ бьетъ его по щекамъ, а онъ, не смѣя ничего сказать, злобно глядитъ на мучителя и укоризненно мотаетъ головой; барыня посылаетъ его косить, а онъ „дерзко“ объясняется съ ней, что умѣетъ управляться съ кастрюлями, но не съ косой. „Мнѣ все равно пропадать!“ жаловался онъ крестьянамъ: „ужъ лучше бы въ Сибирь сослали!“ Эти слова были перетолкованы въ томъ смыслѣ, будто Яковъ злоумышлялъ на жизнь своихъ господъ: его оковали въ кандалы и подъ конвоемъ отправили въ махновскую тюрьму. Но нижній земскій судъ не нашелъ возможнымъ долго держать его въ заключеніи, а сдалъ на поруки и снова отправилъ къ владѣльцу. Тотъ рѣшительно не зналъ уже, что дѣлать съ упрямымъ поваромъ: сдать его въ рекруты—долго ждать набора, а оставлять его въ экономіи опасно, такъ какъ Яковъ открыто хвалился, что онъ „обиженъ и изнуренъ за правду“, что „пан-

скіе родичи въ Махновкѣ всячески прельщали его, чтобы онъ объявилъ начальству, будто прежнее донесеніе на своего господина онъ произвелъ спьяна, понапрасну, но что онъ, по привычкѣ своей къ долгу христіанскому, на то не соглашается". Мало того, онъ всенародно упрекалъ дворовыхъ людей за то, что они покрыли-де преступленіе господъ, и увѣрялъ, что еслибъ начальство убрало хоть на время пана да допросило дворовыхъ подъ присягою, такъ они показали бы другое. Исправникъ нѣсколько разъ навѣдывался въ Прилуку, но Яковъ не внималъ и его „вразумленіямъ" и когда бывалъ „въ хмелю" (а это случалось съ нимъ довольно часто), то и съ начальствомъ объяснялся недостаточно почтительно. Тогда Коломійцевъ посовѣтовалъ Гойжевскому припрятать подальше этого „развратнаго" человѣка, и въ концѣ іюля Яковъ съ семействомъ очутился въ Липовецкомъ у., въ имѣніи тестя Гойжевскаго, въ качествѣ кандидата въ рекруты при первомъ наборѣ. Въ Прилукѣ точно не знали, куда онъ исчезъ, и между крестьянами распространились толки, будто Якова „спровадили на Сибирь".

Такъ прошло лѣто и большая часть осени. Въ сентябрѣ генералъ-губернаторъ вторично запросилъ махновскую слѣдственную комиссію, въ какомъ положеніи находится дѣло свящ. Врублевскаго, но комиссія и на этотъ разъ отмолчалась, а исправникъ Коломійцевъ по прежнему тянулъ слѣдствіе о Гойжевскомъ. Вдругъ въ исходѣ октября генералъ-губернаторомъ получено было какое-то высочайшее повелѣніе, касавшееся дѣла Врублевскаго и Коломійцева. Въ чемъ именно состояло это повелѣніе и чѣмъ оно было вызвано—въ дѣлѣ нѣтъ указаній. Видно лишь, что въ октябрѣ свящ. Врублевскій посылалъ въ кіевское губернское правленіе прошеніе на высочайшее имя съ жалобою на Коломійцева, но эта жалоба, конечно, не могла имѣть столь важныхъ послѣдствій. Гораздо правдоподобнѣе другое объясненіе, приводимое самимъ Врублевскимъ въ одномъ изъ имѣющихся въ дѣлѣ его отзывовъ: „Видя (писалъ онъ), что исправникъ Коломійцевъ, вмѣсто разысканія по горячимъ слѣдамъ по моему доношенію и вмѣсто огражденія меня бе-

зопасностью и закрытіемъ имени и прозванія моего, причинилъ мнѣ жестокія обиды, а равно и донесшаго мнѣ о злоумышленности помѣщика Гойжевскаго Якова кухара, оковавъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму безъ всякой вины, а послѣ уже началъ испытывать, безъ приведенія къ присягѣ, дворовыхъ людей и нѣкоторыхъ крестьянъ о мятежническихъ дѣйствіяхъ ихъ господина,—я жаловался своему епархіальному начальству, которое довело о таковомъ безобразномъ изслѣдованіи и о моей обидѣ до свѣдѣнія пекущагося о благѣ общества всемилостивѣйшаго Монарха". Какъ бы то ни было, но съ этого момента дѣло Врублевскаго приняло иное теченіе. Генералъ-губернаторъ Княжнинъ прислалъ (1 ноября) членамъ махновской слѣдственной комиссіи строгій выговоръ, наложилъ на нихъ денежный штрафъ за нерадѣніе и предписалъ окончить слѣдствіе по этому дѣлу въ самоскорѣйшее время. Вслѣдъ за тѣмъ исправникъ Коломійцевъ былъ вытребованъ въ Кіевъ и отрѣшенъ отъ должности. Передъ отъѣздомъ онъ подсылалъ къ священнику Врублевскому посессора м. Старой-Прилуки, доктора медицины Альберта Блюменталя (лѣчившаго жену Врублевскаго) съ предложеніемъ мировой, но оно не было принято обиженной стороной. Носились слухи, что Коломійцевъ въ Кіевѣ попалъ подъ арестъ и былъ вынужденъ возвратить полученные отъ помѣщиковъ разнаго рода подарки.

По случаю тяжкой болѣзни священника Врублевскаго слѣдствіе по его дѣлу началось лишь въ январѣ 1832 года. Его производили члены уѣздной слѣдственной комиссіи: подполковникъ Борейша, новый исправникъ Шепелевъ и стряпчій Долинскій, при участіи духовнаго депутата. Всѣ свидѣтели, указанные потерпѣвшимъ, были допрошены подъ присягою, не исключая и духовныхъ лицъ. Такимъ способомъ выяснены были подробности дѣла, переданныя въ нашемъ разсказѣ. Не ограничиваясь разслѣдованіемъ дѣйствій Коломійцева по отношенію къ свящ. Врублевскому, слѣдственная комиссія должна была провѣрить и тѣ факты, которые послужили Врублевскому основаніемъ для его доношенія о политической неблагонадеж-

ности Гойжевскаго. Это значительно усложняло ея задачу, но на этомъ очень настаивалъ свящ. Врублевскій, такъ какъ для него являлось необходимостью доказать, что онъ не клеветникъ и не опрометчивый человѣкъ, какимъ его представилъ въ своихъ рапортахъ начальству Коломійцевъ, и что, донося на Гойжевскаго, онъ имѣлъ на то фактическія основанія и руководствовался чистыми побужденіями. Комиссія указывала, что о дѣйствіяхъ Гойжевскаго уже имѣется особое дознаніе, произведенное бывшимъ исправникомъ Коломійцевымъ; но Врублевскій возражалъ, что этому дознанію нельзя придавать никакого значенія, такъ какъ оно производилось Коломійцевымъ беззаконно во всѣхъ отношеніяхъ, безъ приведенія свидѣтелей къ присягѣ и съ явнымъ пристрастіемъ къ обвиняемому. Послѣ нѣкотораго колебанія комиссія постановила: такъ какъ передопросъ подъ присягою свидѣтелей, уже допрошенныхъ безъ присяги, воспрещенъ 6-ю статью 1-й главы 2-й части Воинскаго процесса, то спрашивать подъ присягою лишь новыхъ свидѣтелей, какіе будутъ представлены сторонами, а изъ прежнихъ лишь по такимъ обстоятельствамъ, о коихъ они не были спрашиваемы при первомъ дознаніи. Врублевскій долженъ былъ волей-неволей подчиниться такому, для него мало благопріятному постановленію, и съ своей стороны какъ на главнаго свидѣтеля указалъ на повара Якова Значковскаго. Еще до начала слѣдствія онъ настоятельно ходатайствовалъ, чтобы Яковъ былъ возвращенъ изъ заточенія въ Прилуку, такъ какъ (писалъ онъ) „сей толико усердствующій въ пользу отечества человѣкъ не только необходимо нуженъ къ доказательству по сему дѣлу, но, по человѣколюбивому о таковыхъ состраданію Монарха нашего, законами даже отъ таковаго неправосудія оправданъ быть довлѣетъ“. Этотъ Яковъ и послѣ полугодичнаго пребыванія у тестя Гойжевскаго остался такимъ же неустрашимымъ обличителемъ своего господина, какимъ былъ и прежде. Въ своихъ показаніяхъ онъ нарисовалъ знакомую уже намъ картину истязаній и притѣсненій, какія пришлось вытерпѣть ему за это обличеніе со стороны помѣщика и бывшаго исправника; въ доказатель-

ство же преступныхъ намѣреній Гойжевскаго онъ повторилъ тѣ же улики, какія первоначально сообщилъ священнику Врублевскому и затѣмъ подтвердилъ при слѣдствіи исправнику Коломійцеву, а именно: 1) Гойжевскій подговаривалъ служившихъ въ его экономіи шляхтичей пристать вмѣстѣ съ нимъ къ мятежникамъ; 2) его жена не разъ говорила дворовымъ людямъ: „кто пойдетъ съ ея мужемъ въ мятежники, той будетъ усчастливленый"; 3) наканунѣ прохода черезъ Прилуку повстанцевъ Гойжевскій посылалъ имъ на встрѣчу, къ с. Турбову, своего эконома Рондзицкаго, затѣмъ угощалъ ихъ въ своемъ домѣ, и начальниковъ банды, своихъ родственниковъ, снабдилъ одеждой и деньгами; 4) наканунѣ того же дня посылалъ ковать лучшую верховую лошадь, намѣреваясь уѣхать на ней вмѣстѣ съ повстанцами; и 5) объѣзжалъ и собиралъ въ своемъ домѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, впослѣдствіи ушедшихъ въ повстанье. При этомъ Яковъ указалъ цѣлый рядъ свидѣтелей—шляхтичей и дворовыхъ крестьянъ, которые, если ихъ спросятъ подъ присягою, должны подтвердить вышесказанное; но онъ ошибся: шляхтичи отговорились невѣдѣніемъ, а дворовые подтвердили лишь нѣкоторые пункты обвиненія, но и то не въ видѣ безспорныхъ фактовъ, а лишь въ видѣ ходившихъ слуховъ. Спрошенъ былъ и самъ Гойжевскій; онъ призналъ лишь одно, что 8 мая въ его домѣ останавливались проходившіе повстанцы, ѣли, пили и насильно брали, что хотѣли, и что не явись въ скорости, по ихъ слѣдамъ, генералъ Ротъ, „они бы и меня захватили, и я, при всей моей преданности россійскому престолу, остался бы на вѣки несчастливымъ". Когда же спросили Гойжевскаго: кто именно изъ его родственниковъ былъ въ этой шайкѣ? то онъ отвѣтилъ: „я не только не знаю, кто въ той толпѣ находился, но отъ испугу не зналъ, былъ ли я тогда живымъ, или въ числѣ мертвыхъ, и лишь впослѣдствіи слышалъ отъ жены, что тамъ были ея родственники Корженевскіе". Изъ другихъ обстоятельствъ, выясненныхъ слѣдствіемъ, любопытна одна подробность, характеризующая отношеніе бывшаго исправника Коломійцева къ Гойжевскому: послѣ того,

какъ, при началѣ возстанія, у всѣхъ жителей повсемѣстно было отобрано оружіе подъ угрозою суроваго взысканія за его утайку, служившіе у Гойжевскаго шляхтичи преспокойно, на виду у всѣхъ, разъѣзжали съ ружьями; когда же, при слѣдствіи, одного изъ нихъ спросили, откуда онъ добылъ ружье, то онъ отвѣтилъ, что оно на время дано было Гойжевскому бывшимъ исправникомъ Коломійцевымъ.

Вообще говоря, слѣдствіе открыло, что въ началѣ возстанія въ экономіи Гойжевскаго происходило какое-то броженіе; что среди служившей здѣсь польской шляхты возникали какія-то странныя опасенія, выражавшіяся въ такихъ загадочныхъ фразахъ (о которыхъ упоминали многіе свидѣтели изъ крестьянъ): „какъ имѣемъ сидя на мѣстѣ пропадать, то лучше идти за прочими“, или: „доведется идти въ мятежники, въ коихъ, можетъ быть, чего дослужишься, а дома сидя, при нашествіи войска, можно пострадать съ женою и дѣтьми“; что между крестьянами была полная увѣренность въ намѣреніи Гойжевскаго пристать къ мятежу, и они въ каждомъ его дѣйствіи (наприм., въ ковкѣ лошади) видѣли приготовленіе къ тому; что священникъ Врублевскій имѣлъ вполнѣ достаточное основаніе къ тому, чтобы, исполняя извѣстный правительственный указъ, донести на Гойжевскаго, и что, наконецъ, у него не было къ тому никакихъ недостойныхъ побужденій, такъ какъ въ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, нѣтъ и намека на существованіе какихъ-либо личныхъ счетовъ у него съ помѣщикомъ. Безтактность или предательство исправника неожиданно поставили его въ трудное положеніе, изъ котораго онъ вышелъ съ честью лишь благодаря удивительной стойкости двороваго человѣка Якова Значковскаго, съ геройскимъ равнодушіемъ переносившаго всякія истязанія и все-таки безбоязненно продолжавшаго обличать своего господина въ измѣнѣ. Будь иначе, т. е. откажись онъ отъ этихъ обличеній, какъ его склоняли къ тому и муками, и прельщеніями,—священнику Врублевскому не миновать бы позора, справедливо постигающаго клеветниковъ, особенно въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему. Впрочемъ, мы выска-

зываемъ о Врублевскомъ наше личное мнѣніе; тогдашній оффиціальный судъ иначе оцѣнилъ его дѣйствія.

Но пока судъ произнесъ свой приговоръ, прошло еще полтора года, и этотъ срокъ нельзя считать особенно длиннымъ, если принять во вниманіе обычную медленность тогдашняго судопроизводства. Вѣдь сколько ненужныхъ инстанцій должно было пройти хотя бы и настоящее дѣло! Оконченное слѣдствіемъ въ генварѣ 1832 г., оно поступило изъ махновской слѣдственной комиссіи о мятежникахъ въ таковую же кіевскую губернскую комиссію. Тамъ оно пролежало съ полгода и, какъ дѣло „гражданское", а не „политическое", передано было кіевскому гражданскому губернатору „для зависящаго распоряженія". Отъ губернатора оно поступило въ губернское правленіе да тамъ и застряло. О высочайшемъ повелѣніи, касавшемся настоящаго дѣла, видимо позабыли. Напомнить было некому, такъ какъ генералъ-губернаторъ Княжнинъ, получившій это повелѣніе, сошелъ со сцены. Самъ виновникъ дѣла, бывшій исправникъ Коломійцевъ, состоялъ уже на службѣ въ Петербургѣ, въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства и, конечно, забылъ и думать о своихъ подвигахъ въ махновскомъ повѣтѣ. Но объ нихъ вспомнилъ новый генералъ-губернаторъ Левашовъ (тогда еще не имѣвшій графскаго титула) и въ ноябрѣ 1832 года поинтересовался узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла по жалобамъ свящ. Врублевскаго и двухъ другихъ духовныхъ лицъ на бывшаго махновскаго исправника Коломійцева. Тогда только губернское правленіе поспѣшило передать эти дѣла въ кіевскую уголовную палату. Несмотря на неоднократныя генералъ-губернаторскія предписанія „озаботиться скорѣйшимъ ихъ окончаніемъ", палата семь мѣсяцевъ медлила съ приговоромъ. Приступивъ наконецъ къ разсмотрѣнію дѣла объ оскорбленіи Коломійцевымъ свящ. Врублевскаго, палата нашла нужнымъ справиться „для соображенія", какъ рѣшено въ кіевской губернской комиссіи о мятежникахъ дѣло о помѣщикѣ Гойжевскомъ. Оказалось,

что дѣло это было разсмотрѣно въ комиссіи по даннымъ, разслѣдованнымъ единолично бывшимъ исправникомъ Коломійцевымъ, а то дополнительное слѣдствіе о Гойжевскомъ, какое производилось особой комиссіей по настоянію свящ. Врублевскаго, не было вовсе принято къ соображеніе. Не удивительно, что губернская комиссія постановила такое рѣшеніе: „Хотя свящ. Врублевскій донесъ, что Гойжевскій желаетъ пріобщиться или вновь заводить шайку мятежниковъ и что къ нему въ маѣ мѣсяцѣ заѣзжало 12 человѣкъ мятежниковъ, кои у него завтракали, и онъ далъ имъ одежду и деньги и самъ намѣревался ѣхать съ ними, и что за таковой доносъ Гойжевскій дѣлалъ притѣсненія и побои Значковскому; но какъ всего сего спрошенные при слѣдствіи не подтвердили, самъ же Гойжевскій въ участіи въ мятежѣ не сознается и въ томъ по имѣющимся въ губернской комиссіи свѣдѣніямъ не изобличается: то, освободивъ его, Гойжевскаго, отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, обязать не мстить доносителю, крестьянину Значковскому, за сдѣланный доносъ, а имѣніе, если взято въ казенный секвестръ, ему возвратить". Кіевская уголовная палата, хотя и сдѣлала подробную выписку изъ дополнительнаго слѣдственнаго дѣла, но въ своемъ опредѣленіи буквально повторила декретъ губернской комиссіи о Гойжевскомъ, а къ нему лишь добавила: „да и при производствѣ по изъясненному предмету слѣдствія махновскій исправникъ Коломійцевъ оговоренъ священникомъ Врублевскимъ въ преклонности на сторону Гойжевскаго неправильно, ибо сего самъ не доказалъ и обстоятельствами дѣла не обнаружено; напротивъ, тотъ же Врублевскій не только отказалъ исправнику въ поясненіи своего доноса на Гойжевскаго, но завелъ переписку, что онъ помимо духовной власти требуемаго доказательства ему, исправнику, не дастъ и о лицѣ, которое объ умыслѣ Гойжевскаго на исповѣди яко-бы ему изъявило, не объявитъ, изъ-за чего Коломійцевъ поѣхалъ къ Врублевскому въ домъ и нанесъ ему и отцу его Петру Врублевскому ругательствомъ и толканіемъ обиды; а посему палата полагаетъ: бывшаго исправника Коломійцева за неприличное при произ-

водствѣ слѣдствія обращеніе съ духовными особами (на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича главы 10, пункта 85) оштрафовать на удовлетвореніе священниковъ Петра и Ѳомы Врублевскихъ пятьюдесятью рублями и сверхъ того обязать подпискою, дабы впредь на подобные поступки не рѣшался. Какъ же и священникъ Ѳома Врублевскій обнаруживается по дѣлу сему виновнымъ въ недачѣ по требованію исправника Коломійцева къ доносу его на помѣщика Гойжевскаго надлежащаго доказательства и тѣмъ въ оказаніи какъ-бы пренебреженія къ его законному требованію, съ поставленіемъ еще, напротивъ, себѣ за обиду представлять таковыя доказательства, то о семъ разсмотрѣніе представить кіевской духовной консисторіи". Этотъ приговоръ, состоявшійся 20 іюля 1833 года, былъ утвержденъ тогдашнимъ кіев. гражд. губернаторомъ Лашкаревымъ.

Увѣдомляя генералъ-губернатора объ этомъ приговорѣ, кіевская уголовная палата одновременно сообщила ему о своихъ рѣшеніяхъ по двумъ другимъ однороднымъ дѣламъ. Діаконъ Чарпинскій жаловался на того же бывшаго махновскаго исправника Коломійцева „о причиненныхъ ему Коломійцевымъ обидахъ и о слабомъ его дѣйствіи въ открытіи мятежниковъ". Подробности дѣла не извѣстны, но можно съ увѣренностью полагать, что это былъ варіантъ исторіи со свящ. Врублевскимъ. Приговоръ послѣдовалъ такой: «Коломійцева, яко оказавшагося по оному дѣлу ни въ чемъ невиновнымъ, отъ взысканія оставить свободнымъ, а о поступкѣ діакона Чарпинскаго за неправильный доносъ и утружденіе тѣмъ правительства какъ духовнаго, такъ и гражданскаго, предоставить разсмотрѣнію духовной власти съ тѣмъ, дабы, кромѣ сего, взыскано было съ него за негербовую бумагу, употребленную на производство сего дѣла въ количествѣ 80-ти листовъ, всего 50 рублей въ доходъ казны». — Для бѣдняка-діакона эта значительная сумма могла казаться замаскированнымъ штрафомъ за непрошенное содѣйствіе.

Другое дѣло нѣсколько въ иномъ родѣ. Священникъ села Ботвиновки, уманскаго уѣзда, Колтуновскій доносилъ на помѣщицу Теклю Каменецкую, что она въ присутствіи крестьянъ дерзко поносила высшее правительство. Доносъ оправдался; но помѣщица, узнавъ, что доносителемъ былъ мѣстный священникъ, подвергла его разнымъ притѣсненіямъ, въ глаза безчестила самыми неприличными словами, строго воспретила своимъ крестьянамъ ходить къ нему на работу и оказывать малѣйшую услугу, а непослушныхъ подвергала, совмѣстно съ экономомъ, жестокимъ истязаніямъ, воспретила крестьянину Вѣстюку становиться въ церкви на клиросѣ и помогать дьячку, и сверхъ того въ истребованномъ отъ нея, при слѣдствіи, объясненіи взвела да священника и дьячка какіе-то „поступки". Кіевская уголовная палата такъ рѣшила это дѣло: „помѣщицу Каменецкую, за произнесеніе предъ простолюдинами нелѣпыхъ словъ и тѣмъ обнаруженную ея дерзость, равно разсужденіе о несвойственныхъ и не относящихся къ ней дѣлахъ, выдержать при уманской городской полиціи на собственномъ ея содержаніи двѣ недѣли; затѣмъ, съ уваженія на ея женскій полъ и незнаніе законовъ, оставить свободной со взятіемъ подписки, дабы впредь на подобныя преступленія не рѣшалась; а за причиненную священнику Колтуновскому неприличными словами обиду взыскать съ нея въ пользу его безчестья 25 рублей асигнаціями и подтвердить ей, дабы крестьянамъ своимъ въ свободные отъ повинностей дни заниматься работами у священника Колтуновскаго не воспрещала и крестьянъ за неповиновеніе умѣренно наказывала; эконома Потельскаго, исполнявшаго приказаніе своей госпожи, отъ дѣла и взысканія уволить, а о наведенныхъ помѣщицею Каменецкою на священника Колтуновскаго и дьячка Гвоздіевскаго поступкахъ произвесть особо слѣдствіе, для чего копію объясненія оной Каменецкой отослать въ надлежащее судебное мѣсто; а о дозволеніи крестьянину Вѣстюку находиться въ исправленіи должности дьячка, какъ онъ состоитъ во власти владѣлицы, предоставить сіе ея распоряженію".

Конечно, помѣщица едва-ли послушалась отеческихъ внушеній суда и сугубо отплатила священнику и свидѣтельствовавшимъ противъ нея крестьянамъ за двухнедѣльное пребываніе при городской полиціи.

Такъ платилось духовенство и крестьяне за содѣйствіе правительству, и эта расплата продолжалась въ юго-западномъ краѣ до конца крѣпостного права.

О. Левицкій.

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XXXV.

Въ четвергъ, какъ было условлено, „титка Горпына“ съ мужемъ и Хведько съ „дядыною Катрею“ зашли къ Полькѣ и оттуда всѣ вмѣстѣ отправились къ Тесленкамъ. Мужа Польки не было дома,—онъ гдѣ-то допахивалъ свое поле; но ему оставленъ наказъ прійти тоже къ сватамъ, когда возвратится домой. Вся родня Машки шла вмѣстѣ „зъ повагомъ“, не спѣша.

Всѣ мѣстные уличане знали, куда и зачѣмъ они идутъ. Мужчины, отвѣтивъ на привѣтъ, продолжали свое дѣло, а женщины провожали ихъ глазами, а если были вдвоемъ или втроемъ, то непремѣнно одна другой сообщали:

— Оце жъ до Тесливъ идуть сваты на печоглядыны... Це не маты, а титка дивкы, бо вона сырота, и т. п.

Гостей за воротами встрѣтилъ женихъ, а на присинкахъ его отецъ. Какъ тотъ, такъ и другой, пригласили войти въ хату. Но гости не сразу сдались на приглашеніе, а вошедши въ ка-

---

*) См. Кіевск. Стар., 1899 г., мартъ.

литку и поздоровавшись, съ нескрываемымъ любопытствомъ осматривали дворъ. Хозяинъ, вполнѣ признавая законность этого любопытства, прямо сказалъ:

— Дывиться, сваты, дывиться! Ни зъ чимъ не потаюемось... усе на выдноти... Якъ Господь дававъ, такъ и встроивалыся и хозяйнувалы на батькивщыни. Де-що одъ родытеливъ,—царство небесне имъ, вичный покой,—досталося, а де-що и сами прыдбалы по своїй спроможности.

Сразу видно было, что дворъ Тесленкивъ старый, зажиточный, сооруженный во всѣхъ его частяхъ годами. Толстыя дубовыя плахи коморъ своимъ темносѣрымъ цвѣтомъ доказывали, что они не вчера построены, а еще тогда, когда можно было добывать такой лѣсъ; о томъ-же свидѣтельствовали и крыши изъ почти истлѣвшей соломы, кое-гдѣ позаросшей бурьяномъ и лишаями. Коморы, котухи, хлѣвы и повѣти свидѣтельствовали о зажиточности цѣлаго поколѣнія жившихъ здѣсь домохозяевъ.

Сватъ просилъ гостей посмотрѣть все; провелъ ихъ на задворки, гдѣ они увидѣли обору, съ которой очевидно весною выбранъ былъ навозъ на кизяки, аккуратно сложенные въ особый буртъ. Дальше за небольшимъ вишневымъ садикомъ, въ которомъ замѣтно высились двѣ старыя груши, видны были стожки хлѣба „и торишни и сёгоришни", а изъ-за нихъ выказывалась просторная „клуня" съ пристроеннымъ „половныкомъ".

— Дывиться, сваточкы! Всёго надбалы зъ Божою помичью. Буде чимъ невистку прогодуваты,—сказалъ сватъ не безъ гордости гостямъ.

— Та слава Тоби Господы! Есть що йисты, то есть коло чого поробыться... отвѣтила „титка Горпына", намекая этими словами на то, что будущей невѣсткѣ не мало прійдется и поработать на свекровомъ хозяйствѣ.

— Це вже таке—возразилъ сватъ, понявъ намекъ.—Якъ то кажуть: „робы небоже, то й Богъ поможе... Просю, дороги гости, вступыты до господы, у родытельскый домъ—добавилъ онъ, отстраняя этимъ приглашеніемъ всякія возможныя прере-

канія, и пошелъ впередъ, по направленію къ дому. Женихъ шелъ сзади всей компаніи, какимъ-то прутикомъ угрожая кудластому псу, порывавшемуся залаять на чужихъ для него людей.

Сваха Теслыха встрѣтила пропущенныхъ мужемъ ея въ сѣни гостей въ открытыхъ настежъ дверяхъ чистой половины хаты. Она была одѣта въ кубоваго ситцу „пару“ [1]) и въ повязанномъ большимъ, тоже темнымъ, платкомъ очипкѣ на головѣ.

Гости крестились на образа, обвѣшанные рушникомъ, и степенно здоровались съ хозяевами, усаживавшими ихъ за столъ. „Титка Горпына“ подала изъ развернутаго платка свату хлѣбъ, который онъ, поцѣловавъ, положилъ на столъ. „Титку Горпыну“ усадили на „самый покуть“ въ виду того, что она собою замѣняла мать невѣсты, а рядомъ съ ней помѣстили ея мужа, а послѣ ужъ „дядыну Катрю“, Польку и, наконецъ, Хведька. Послѣднему было не по себѣ, неловко. Какъ парубокъ, онъ не зналъ, какъ себя держать.

Усѣвшихся гостей подчивали водкой, просили закусить „накрошеною“ на деревянной тарелкѣ вареной бараниной, солеными огурцами... При подчиваніи шли обычныя причитанія пожеланій, отказыванія, упрашиванія. Какъ гости, такъ и хозяева, „прынадержувалися“ пить водку, такъ какъ обѣ стороны имѣли въ виду еще переговоры относительно свадьбы и всего касающагося ея. Сватъ послѣ закуски самъ началъ рѣчь объ этомъ.

— Що-жъ, сваты наши люби та мыли, треба жъ намъ, якъ то кажуть, почате зъ Божого прызволенія дило до кинця доводыты... Спасыби вамъ, що вы нашого хлиба-солы не оццуралыся, слово подалы, волю нашу вволяете, оддаете дивку,—нашого сына не поганьбылы... Якъ же и колы намъ дитей до купы звесты, усьому ладъ зробыть?...

Все это онъ говорилъ, стоя, оперпись одною рукою объ столъ. Жена его присѣла на лавкѣ и внимательно слушала. Хведько потупился, а „титка Горпына“ запышалася, собрала въ сборку губы и наморщила лобъ, готовясь дать отвѣтъ.

---

[1]) „Пара“—юбка и кофточка.

— Це вже дило таке! Звисно... отвѣтилъ мужъ „титки Горпыны,“ очевидно ради только того, чтобы чтó-нибудь сказать, поддержать свой престижъ мужчины, старшаго между гостями.

— „Колы“... сказала „титка Горпына“. Оце то й саме те „колы“. Правду сказано: якъ сироти женыться,—чы то, пакъ, усе йидно—замижъ иты, то й день малый. Мы що жъ,—зъ дорогою душею, та тилькы, якъ ото мы й старостамъ казалы, недостаткы наши, за справкою дило...

— Що тамъ, справка! Абы було дило, та добра воля до нёго—все тее злаштуется. Правду кажучы, воно бъ то й не слидъ у велыке забываться. Воно тилькы ото турботы тіеи багато; попросту було бъ краще...

— Та все, сваточку, якъ попросту не стягатымемось, а все-таки и дивци де-чого незбутно треба додбаты, тай такъ-то туды, то сюды... ажъ воно й не обійдется абы-чымъ. Усе жъ бы то хотилося, мовлявъ той—хоть не такъ якъ у людей, такъ хоть такъ, якъ побиля людей водытся. Не намы це заведено, не намъ його й одминяты...

— Та це, що й казать!—вмѣшалась Теслыха. Його й не выдно наче, а якъ пощытаешъ.

— Отожъ то й то, свашечко! Якъ бы то въ неи, въ дивкы, булы батько-маты, воно все-бъ завчасу було прыдбано,—колы те, колы инше... а то сами бачыте... Де його такъ зразу всёго добуть? Оце почнуть бурякы копаты, може бъ вона, Богъ дасть, де що й заробыла бъ; та такы й обгорнулася бъ, якъ слидъ; кожухъ бы прыдбала,—дѣловито мотивировала „титка Горпына“, зная, что Теслямъ именно хотѣлось бы до начала копки имѣть невѣстку въ домѣ...

— Оце, свахо! вы у велыке время одкладаете. Це такъ и до заговынъ дотягнуты можна... Тутъ отъ такъ, щобъ заразъ же при Божій помощи писля Здвыження й дило закиньчыты... Воно й вамъ одразу позбутыся клопоту, тай намъ воно у цю пору найзручнійше—сказалъ сватъ.

Послѣ этихъ, такъ сказать, вступительныхъ рѣчей, порѣшили такъ, что сватъ на подмогу дастъ 15 рублей и 4 пуда

пшеничной муки, а также возьметъ на себя „выправку“ метрики. Опредѣлено было количество подарковъ взаимныхъ, какъ со стороны невѣсты, у которой и роду то всего было въ наличности „титка Горпына“ съ мужемъ, „дядына Катря“, Полька и братъ,—такъ и со стороны жениха—не много больше. „Вечорыны“ 1) не дѣлать вовсе, а только погулять передъ днемъ вѣнчанія, которое назначалось въ первое воскресенье послѣ „Здвыження“, такъ какъ на ярмаркѣ на „Здвыження“ прійдется коечто прикупить для невѣсты. Теслями выговорено было, чтобы невѣста имѣла непремѣнно кожухъ, а въ остальномъ предоставлялось доброй волѣ родни ея.

Къ концу переговоровъ надошли мужъ Польки и одинъ изъ старостъ. Бесѣда затянулась; чарка чаще обходила гостей и опорожнялась съ меньшею церемонностію. Сватъ и самъ уже хватилъ лишнюю и успѣлъ подпоить мужа „титкы Горпыны“ и скоро подогналъ подъ общій уровень и пришедшаго старосту. „Титка Горпына“ уже вышла изъ-за стола и въ сторонѣ толковала со свахой и съ „дядыной Катрею“; мужъ Польки и Хведько хоть и выпили порядочно, но помалкивали, давая волю наговориться старшимъ. Полька, менѣе всѣхъ пившая, сидѣла одиноко. Женихъ и не показывался... Подвыпившій сватъ собирался было затянуть какую то пѣсню, но не находя поддержки, ничего не спѣлъ... Наконецъ онъ, какъ бы соображая что-то, всмотрѣлся въ Польку и, подсѣвъ къ ней, сказалъ:

А! Молода сваха! Ось де воно! Отъ зъ кымъ я заспиваю. Нумо, свашечко, оціеи, якъ, пакъ, іи... Чы я вплыла, чы я вбрела...

Полька, улыбаясь, отстранялась отъ присѣвшаго къ ней свата, но онъ ее обнялъ одною рукою, а другою взмахивалъ въ тактъ запѣваемой пѣсни.

— Аже вміешъ, свахо молода?—Спивай, ну! Не поглядай на стару,—вона не свархтыметься... И на нёго не дывысь. Нумо!—Старухи смѣялись и себѣ сказали:

---

1) *Вечорыны*—дѣвичникъ.

— Почынай, почынай, молода свахо! Ты жъ свашкуватымешъ, тоби й прыводъ давать.—

Полька отстранила пристававшаго свата, кивнула головою мужу, приглашая его присѣсть ближе, подперла рукою щеку, облокотившись на столъ, и чистымъ молодымъ голосомъ затянула.

„Ой чы я вплыла, чы я вбрела,
Чы мене пидлыто?
Чы самъ козакъ любыть не ставъ,
Чы його одбыто"...—

При началѣ пѣсни сватъ привсталъ, замоталъ головою и подтягивалъ хриплымъ басомъ; всѣ замолкли и слушали. Послѣ перваго куплета сватъ сказалъ:

— Отъ такъ свашка. Отъ люблю! Пошаную!—и опять хотѣлъ было обнять Польку, но она опять отстранила его и словами: „що жъ не поможешъ"?—пригласила мужа вторить ей.

Стройно полилась пѣсня. Старая сваха махнула на мужа, чтобы онъ не мѣшалъ, и только два голоса вели отчетливо мелодію. Всѣмъ очевидно понравилось пѣніе этой молодой пары, всѣ затаили дыханіе, внимали пѣснѣ и кой когда въ болѣе выразительныхъ мѣстахъ покачивали головами. При словахъ пѣсни:

Въ мене свекоръ, якъ батенько,
Въ мене свекруха, якъ матинка,—

сватъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Вона въ мене буде наче ридна дытына...

Хведько глазъ не отрывалъ отъ поющихъ; онъ не слышалъ словъ, а мелодія уносила его куда-то, проникала въ сердце, разжалобливала...

Общее молчаніе послѣ послѣдней вытянутой ноты пѣсни, какъ бы ожиданіе продолженія этого пріятнаго ощущенія, ясно доказывало, что пѣснею увлеклись всѣ.....

Молча стоявшій сватъ, какъ бы очнувшись, взмотнулъ головою и воскликнулъ:

— Отъ такъ сваха! Ридна моя свашко! Отъ такъ заспивала. Якъ тоби й дякувать... Выпьемо, сваты мои ридни, люби

та мыли! вдарымо лыхомъ объ землю. Нехай воно нашимъ ворогамъ снытся. И принялся подчивать гостей, выпивъ духомъ первую чарку...

До полуночи затянулась „бесида“; упросили Польку еще спѣть—„Сосонку“, послѣ пробовали еще кой-что пѣть хоромъ, но ничто ужъ не производило такой экспрессіи, какъ первая пѣсня.

Съ тяжелою, охмѣлѣвшею отъ выпитой водки головою, шелъ Хведько по плотинѣ, разставшись съ „титкою Горпыною“, поддерживающею своего совсѣмъ пьянаго мужа. Стлавшійся по рѣкѣ туманъ проникалъ до тѣла, знобилъ его, и ему хотѣлось прилечь и заснуть. Гдѣ-то недалеко прокричали гуси, и отъ завода послышался стукъ колотушки ночного сторожа: самая глухая ночь. Прошелъ онъ плотину, послѣдній мостъ и повернулъ въ свою улицу. Тихо и глухо было, никого нигдѣ не видно. Нужно будетъ стучаться, будить Машку, у которой, какъ извѣстно было ему, ночуютъ теперь ея двѣ подруги, взявшіяся кой-что пошить ей... А вотъ и Сохвына хата; дуется она на него, виноватъ онъ передъ нею; никакъ вотъ не придумаетъ, какъ ей передать деньги Машкѣ на справу.

Все это онъ раздумывалъ, стоя противъ хаты Сохвы, и вдругъ повернулъ прямо къ ней. На несмѣлый стукъ въ окно Сохва отозвалась и отсунула засовъ дверей.

— Це ты? Иды жъ, чы що, а то у ногы холодно, я боса...

Хведько вошелъ въ хату и сталъ около порога..

— Проходь! чого жъ стоишъ? сказала Сохва.

— Сидай, я засвичу...

— Ни, не свиты, я такъ; трохы погріюсь, тай пиду...

— Ну, розсказуй поночи. Якъ улаштувалыся?—спросила Сохва и стала противъ сѣвшаго Хведька. Онъ разсказалъ ей сущность дѣла и замолкъ. Свѣтъ отъ окна, противъ котораго стояла Сохва, не смотря на темноту ночи, позволилъ разсмотрѣть ему, что она была только въ „спидныци“ и въ кой какъ прикрывавшемъ голову платкѣ, но выраженія ея лица ему нельзя

было видѣть, а, слѣдовательно, и рѣшить, все ли еще она дуется на него. Оба они молчали

— Ну, оце й все, за чимъ и розбудывъ мене? спросила Сохва, стоя чуть не вплотную къ нему. Хведько молчалъ...

— Може ще що надумався? Кажы—я сама ночую, никого нема... Що жъ мовчышъ? Соромъ мабуть и розсказуваты? Га!— И она положила руку ему на плечо, какъ бы пробуждая его отъ задумчивости,

— Що жъ я тоби скажу, якъ розсказуватыму все?... какъ то неестественно вскрикнулъ Хведько и припалъ головою къ ея высокой груди, обхвативъ ее за талію.

Она обѣими руками стала гладить его волосы, но вдругъ оторвалась отъ него и всхлипывая сказала:—

— Иды, иды соби! Просю тебе, иды!... завтра побалакаемо. Иды!... и кинулась въ валькиръ, гдѣ, упавъ на постель, истерически зарыдала...

Хведько началъ было что-то говорить, но на повторенное „иды соби!“ потупился, ощупью нашелъ свою шапку на лавкѣ и пошелъ изъ хаты.

Долго, судорожно вздрагивая, рыдала молодица, не давая себѣ отчета, пока благодѣтельный сонъ не угомонилъ ее.

Утромъ, при выходѣ изъ хаты, увидавъ незасунутыя двери, она вспомнила ночную сцену, и ей самой передъ собою стало стыдно, стыдно встрѣчаться съ Хведькомъ, который по причинѣ охмѣлѣнія не понялъ да и мало помнилъ все происшедшее.

XXXVI.

Сохва все время была скучная и неразговорчивая. Она видимо избѣгала говорить съ Хведькомъ и, встрѣчаясь, не смотрѣла на него, хотя и не переставала участливо относиться къ дѣлу затѣянной свадьбы. Не смотря на то, что еще не совсѣмъ поуправились съ возовицей хлѣба, и что шла уборка

огородовъ, Полька и „титка Горпына" обѣщали побывать у Машки и заняться пересмотромъ ея приданаго.

Хведько ночью сходилъ таки на кардонъ, исполнилъ наказъ Йосыпа и затѣмъ притаился у себя за сапожничаньемъ, такъ какъ пронырливая Сохва узнала откуда-то, что на Бемовкѣ становой арестовалъ Шкавра и еще кого-то ей неизвѣстнаго, все по дѣлу объ уводѣ лошадей у Бобчанскаго пана. Онъ очень былъ доволенъ, что на судъ въ волостное правленіе пошли сестры съ нарочно прибывшею для этой цѣли „титкою Горпыною". Ему очень не хотѣлось показываться на глаза кому бы то ни было изъ начальства. Поэтому, а также вслѣдствіе разсказовъ Сохвы, онъ и на базаръ въ пятницу не пошелъ. Уже послѣ полудня въ субботу пришли Полька и Машка изъ волости, гдѣ имъ все-таки удалось сдѣлать дѣло: хоть въ части Сугыба сдался на уговоры судей и рѣзкія требованія „титки Горпыны", отдалъ тридцать рублей и остальные обѣщалъ „отдаты икъ Казанськiй" (22 октября). Писарь сказалъ, что такъ и записано въ книгу, а ужъ что записано, то ужъ и будетъ вѣрно. „Титка Горпына" не захотѣла и заходить на Красноселовку, а пошла прямо на мостъ, такъ какъ сегодня суббота, и дома еще много „порання". Изъ полученныхъ денегъ пришлось на бутылку водки дать дядьку Ивану, который и остался почастуваты судей.

Наскоро закусивъ кой чего, Полька также поспѣшила домой въ виду того же субботняго „порання".

Пособравъ со стола, Машка принялась и себѣ за приборку и подмазку, такъ что Хведьку пришлось убраться со своимъ мастерствомъ въ сѣни, а послѣ и совсѣмъ зашабашить, такъ какъ и въ сѣняхъ скоро появилась Машка во всеоружіи— съ разведенной въ черепкѣ глиной и со щеткой. Поприбравъ свой струментъ, онъ накинулъ на себя черкеску и пошелъ въ садъ. Осень уже вступала въ свои права: въ густой листвѣ вишняка кой гдѣ попадались краснѣющіе листья, трава пожелтѣла, побурѣла осока по берегу, на огородѣ торчали стебли подсолнуха и кукурузы; кой-гдѣ виднѣлись желтыя тыквы на совершенно сухой огудинѣ; только капуста пышалась на гря-

дахъ роскошными кочанами, да между ней кой-гдѣ торчали оранжевыя маковки „гвоздыкивъ". Лѣто прошло, наставала осень, а Хведько ничего не сдѣлалъ: ни денегъ не добылъ, ни устроился на своемъ хозяйствѣ. То его Сугыба водилъ съ отдачею денегъ, то эта вся исторія въ волостномъ правленіи... такъ и осень подошла. Горькое чувство охватило его; онъ сидѣлъ задумавшись на берегу рѣки, свѣсилъ голову и ломалъ попавшуюся въ руки былинку. Заблаговѣстили къ вечернѣ сначала на Бемовкѣ, а послѣ и въ Андреевкѣ.

— Ой чы ты, Иване, рыбу ловышъ,

Ой чы ты людей перевозышъ?—

послышался возгласъ съ того берега. Хведько взглянулъ и узналъ Цюпу съ какимъ-то узелкомъ за спиною. Ширина рѣки дозволяла свободно распознать и видѣть стоящаго на другомъ берегу.

— Що-жъ не одзываешься? Ты бъ мене, братець, перевизъ; онде пидъ кущамы човенъ... все-такы блыжче чвалать буде, чимъ ажъ на мистъ... Перевезы; Хряпко не гриматыме, винъ же мени по матери дядько...

Хведько побѣжалъ во дворъ, взялъ лопату и, отвязавъ лодку, поплылъ за Цюпою.

Недалеко отъ того мѣста, съ какимъ то сверткомъ бѣлья на рукѣ разогналась было къ рѣкѣ на кладки Сохва, но, увидавъ Хведька, плывущаго на тотъ берегъ, пріостановилась въ чащѣ вишняка и стала какъ будто подсматривать, а затѣмъ, сложивъ мокрый свертокъ на вѣтку дерева, скрылась въ кустахъ. Она хорошо узнала Цюпу и, спрятавшись, успѣла подслушать, какъ онъ объяснилъ Хведьку, что отошелъ отъ хозяина, не „схотивъ жыть", что теперь думаетъ подаваться въ городъ, гдѣ ему обѣщали найти мѣсто у кого-то изъ бахшевниковъ. Подслушала она между прочимъ и то, что Цюпа удивлялся тому, какъ Хведько не „запозывалъ" Сугыбу за „бой„ что онъ, Цюпа, слыхалъ, какъ его хозяинъ разговаривалъ съ „нимцемъ" по этому поводу и какъ они оба рѣшили, что онъ, Хведько, что захочетъ, то и сдеретъ съ Сугыби за „бой", что, наконецъ, тогда только

ему нельзя будетъ судиться, когда онъ сознается самъ въ кражѣ лошади у Сугыбы. Сохва все время стояла за кустами и слушала, какъ „бубонилы“ Цюпа съ Хведькомъ, и въ мысляхъ вполнѣ соглашалась съ Цюпою, хотя съ другой стороны и сознавала, что ея прежнее мнѣніе о „безвинно-напрасномъ“ страданіи Хведька у нея сильно пошатнулось.

Проводивъ Цюпу, Хведько опять вернулся въ садъ и оттуда увидѣлъ Сохву, полоскавшую что-то на кладкѣ. Она сама его окликнула, подозвала къ себѣ и сказала, чтобы онъ вечеромъ надошелъ къ ней,—нужно-де кой о чемъ поговорить...

—

Такъ и не пришлось Хведьку приняться за работу. Когда стало темно, онъ пошелъ къ Сохвѣ, которая только что прибралась въ хатѣ, засвѣтила „каганець“ и ожидала его.

— Ну, сидай, та й будемо говорыты, якъ на свити жыты— сказала Сохва, усаживаясь по другую сторону стола...

— Я чула, що тоби говорывъ оттой Цюпенко. И незативайся! Оце, бачъ, воно трохы заметушылось, такъ зновъ почынаты не слидъ. Якъ бы жъ ты бувъ такый вже ни въ чому не повынный, а то самъ ты за собою грихъ знаешъ. Я ще тоди запрымитыла, якъ ото ты лежавъ вбытый, та ото хтось грошы передавъ Машцы. Вже воно це не даромъ... Не хочешъ ты мени усёго по правди казаты, Богъ зъ тобою! А я все-такы казатыму тоби... залышы ты все це, розiйдысь зо своимы знакомцямы, воны тебе до добра не доведуть... Ты отъ краще подумай про те, що ты робытымешъ, якъ ото Машку оддасте, а бондари до тебе переберутся. А ты жъ якъ и де жытымешъ? Думавъ ты про це? Гадавъ?..

Тихо и ровно говорила Сохва, кой когда только взглядывая на Хведька, сидѣвшаго „край стола“ съ опущенною головою. Не могъ онъ не сознавать всей резонности сказаннаго Сохвою, но въ то-же время ничего не могъ придумать, какъ быть, что дѣлать.

— Отъ объ чимъ подумай, а не судыться. Оце жъ „дивчата“ зъ Сугыбы справылы 30 руб., сватъ дасть 15—зъ выданнямъ Машкы якось, Богъ дасть, управытеся, а дали якъ?

— Що жъ, прыйдется десь найматысь... уже не що.

— То то-не що... а самому колы-жъ на свое хазяйство збиратыся? Якъ бы батько бувъ, то винъ бы тебе оце оженывъ, тай... А може й самъ надумаешься оженыться? Гляды, ще не кожна погордуе... Шо жъ мовчишъ?

— А що мени казаты—сама добре та гораздъ знаешъ... Про це й говорыты ничого. Отъ якъ бы було роздобувся якою шкапою, якъ тоди ото думавъ, а теперъ... не що, якъ тилькы найматься.

— Найматься такъ найматься, та тилькы де ще й у кого нанятыся... Ото чы не будуть найматы на Лыповому хутори до машыны на молотьбу, а то вже не инакше, якъ на заводъ. Денебудь треба встрять у дило. Хто тоби буде йисты варыть, хто обмые, пооблатуе?.. А, може, здоліешъ шевцюваты? Воно й це дило здобутне... тилькы, що отъ бондаривъ до васъ пущено. До шевства тежъ треба грошей...

Та въ мене на це гроши йе.

— Йе? И багато грошей? спросила Сохва и посмотрѣла на него.—А ну, покажъ...

Хведько вынулъ изъ кармана кожаный гаманокъ и тогда только спохватился, но было уже поздно. Сохва моментально взяла его въ руки, отстебнула пуговку и, увидавъ красную 10-ти рублевую бумажку и еще бумажку зеленую и мелочь, вскочила съ мѣста и въ изумленіи не нашлась даже что сказать...

Хведько покраснѣлъ и потупился.

— Я жъ и кажу! Еге! Ось що воно!—какъ-то безсвязно бормотала она, не зная съ чего начать. Хотя и порѣшила она, что Хведько не чуждъ какихъ-то, сомнительнаго свойства, похожденій, но такихъ ясныхъ доказательствъ его причастности къ оглашенному по слухамъ уводу лошадей и инымъ продѣлкамъ, какъ наличность у него такого количества денегъ, она еще не имѣла. Ей сразу стало ясно, что онъ водится съ ворами, что не безучастенъ онъ въ кражѣ лошади у Сугыбы, что на ярмарку въ городъ онъ не за чѣмъ другимъ ходилъ, какъ только по какимъ-то воровскимъ дѣламъ. Все это моментально про·

мелькнуло въ ея мысляхъ, какъ равно и то, что всему этому начало дало тюремное заключеніе и, слѣдовательно, и знакомство съ такими людьми. И страшно за него, и жалко его ей стало, и въ то же время что то новое, удалое въ немъ обрисовывалось въ ея пониманіи. Но тѣмъ не менѣе общее всѣмъ крестьянамъ осужденіе этого занятія, конокрадства, сознаніе, что этотъ милый ей человѣкъ сходитъ на эту стезю, ужасно ошеломляло ее.

— Ну, хлопче! Теперъ же розсказуй все, все до чыста— сказала Сохва сконфуженному окончательно парню и изъ опасенія, чтобы кто случайно не увидалъ этихъ денегъ, прикрыла ихъ концомъ скатерти.

— Кажы, сповидайся!—наступала она на него.

— Що-жъ я казатыму? адже сама знаешъ и бачышъ... мрачно отвѣтилъ Хведько.

— Що-жъ я бачу? одне тильки те, що въ тебе оце якись гроши, а якъ воны зароблени, хто тоби ихъ давъ, за вищо—отъ що ты мени розсказуй...

Хведько молчалъ и затѣмъ склонился головою совершенно на столъ. Сохва стояла надъ нимъ и боялась прикоснуться къ нему, тронуть его. Ей памятна была вчерашняя исторія, когда она не съумѣла совладать съ собою и разрыдалась истерически...

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ приподнялся отъ стола; физіономія его была сурова, брови сдвинуты. И онъ началъ:

— Що жъ мени казаты? Якъ я тоби, жинци, стану усе одкрываты, тулыты и тебе у ціи дила. Ти, зъ кымъ я знаюсь, хто мене устромывъ у це дило, ти тильки одни мене не цураются, не называють потюремщыкомъ, запомогу дають мени и на-дальше даватымуть. Якъ мени ихъ выявляты?... Такъ оце й знай. Хочъ заразъ иды доказуй на мене, нехай мене зновъ сажають у тюрягу, а я ничого бильше не скажу—и всталъ съ лавки.

Молодица стояла изумленная; она не ожидала такого твердаго, рѣшительнаго отказа въ исполненіи ея желанія повѣдать

ей всю правду, со стороны Хведька, ею опекаемаго и наставляемаго и, какъ ей казалось, припертаго, что называется, въ данный моментъ къ стѣнѣ случайнымъ обнаруженіемъ явныхъ уликъ его нечистыхъ похожденій. Но такъ онъ хорошъ былъ въ эту минуту противленія ея желанію съ этимъ грознымъ выраженіемъ лица, столько самостоятельности обрисовалось въ немъ, что она положительно была побѣждена, восхищена имъ и не могла собраться съ мыслями, не нашлась что сказать, а только протянула руку, какъ бы не давая ему уйти..

— Сядь—сказала она. Чого ты зхопывся?....

Онъ опустился опять на лавку и сидѣлъ все такой же суровый, не смотря на смущенную молодицу.

Мало по малу вспыхнувшая энергія стала остывать.—Отъ-таке-то!—сказалъ онъ.

— Та же бачу яке. Якъ його розибраты? Що й робыты зъ тобою? Ты, бачъ, усе не довиряешъ мени, я все чужа зовсимъ за для тебе, така, що отъ-отъ заразъ схоплюся, тай побижу доказуваты на тебе—медленно, какъ бы обдумывая каждое слово, говорила Сохва, отошедшая на другой конецъ стола и сѣвшая на прежнее мѣсто.

— Що жъ, дило твое; може кого й щырійшого знайдешъ, такъ тій й розскажешъ усе.—Хведько понялъ этотъ намекъ.

— Никому ничого я не скажу, хочъ бы ридна маты була-и ій бы не сказавъ... Ты не сердься на мене, Сохво: сама розбираешъ, що мени не можно розсказуваты, хочъ я тоби вирю, и отъ-якъ вирю, а тильки цёго не скажу, це не жиноцьке дило... сказалъ Хведько.. И ій не скажу—добавилъ онъ, отвѣчая вполнѣ на сдѣланный намекъ...

— Ну що жъ, не скажешъ и не кажы—сказала Сохва, какъ бы отряхнувъ какую-то думу: а скажы, що жъ ты робытымешъ зъ грошыма?..

— Зъ грошыма? Я оце вже думавъ-гадавъ, якъ ихъ оддаты Машци на справку, та ніякъ не прыдумаю.. Беры ихъ; якъ сама знаешъ, такъ и робы.. Ты потрапышъ ихъ передаты..

— Чы такъ, той такъ —сказала Сохва, подумавъ немного. Воно й безпечнійше, а то ще хто пидглядыть ихъ въ тебе, такъ щобъ не було якои халепы.

— Скильки ихъ тутъ?.. О! Та тутъ ще одна зелена, и це ще й серебро и мидь. Я визьму отци бумажкы.

— Беры все, мени тильки гаманъ отдай. Тамъ, якъ знаешъ передай Машци. А я, може ще... и замолкъ.

— Що ще?..

— Та ничого.. це я такъ...

— Ну, якъ знаешъ. Давай розиходыться, бо вже не рано, а завтра побалакаемо ще. „Утро вечера мудряе", якъ казавъ той вашъ бондарь—закончила Сохва, и Хведько пошелъ домой.

XXXVII.

Машка, пораньше упоравшись съ хлѣбомъ и „варывомъ", принарадилась и отправилась къ обѣднѣ, такъ какъ Сохва пообѣщала прійти и повынимать посаженный въ печь хлѣбъ, который временно былъ порученъ Хведьку. Онъ въ чистой рубахѣ съ большимъ отвороченнымъ комиромъ сидѣлъ въ хатѣ и думалъ думы, не оставлявшія его со вчерашняго разговора съ Сохвою. Помимо обдумыванія своего положенія, соображеній о томъ, какъ устроиться по выдачѣ сестры замужъ, у него не выходило изъ головы и вчера какъ-то сразу сформулировавшееся мнѣніе о его отношеніяхъ къ Шляховому и К° и ихъ промыслу. Онъ теперь твердо стоялъ на томъ, что изо всѣхъ окружающихъ, за исключеніемъ Сохвы, эти только люди, а особенно Шляховой, были къ нему добры, смотрѣли на него безо всякаго укора. Всѣ остальные, начиная съ тѣхъ, кто около церкви не могъ иначе опредѣлить его какъ словомъ „потюремщыкъ", и оканчивая начальствомъ, такъ жестоко посадившимъ его въ тюрьму и чуть не убившимъ его съ цѣлою толпою— все это были его недруги, враги. При воспоминаніи всѣхъ этихъ перипетій, брови его сдвигались и пальцы мимовольно сжима-

лись въ кулакъ. Такъ бы и растрощилъ онъ этими пальцами все это начальство, этого ненавистнаго Сугыбу... Не то его лошадь,—онъ увелъ бы всегда съ удовольствіемъ, въ отместку, жену его, его самого онъ запроторилъ-бы куда-нибудь... Не бери этихъ денегъ этотъ проклятый Сугыба, отдай онъ ихъ ему по чести въ пору—онъ бы теперь работалъ на своемъ хозяйствѣ, не думалъ бы о томъ, куда дѣваться, гдѣ ютиться зимою. А не имѣй онъ этого знакомства со Шляховымъ, кто его знаетъ, имѣлъ ли бы онъ чѣмъ и питаться, пролежавъ рабочую пору больной, продержавъ при себѣ сестру въ безработицѣ. Только Сохва да эти знакомцы оказали ему помощь. Сохва—вотъ еще добрая, хорошая „людына" и такъ искренне, родственно относящаяся къ нему. А вѣдь она настаиваетъ, чтобы онъ раззнакомился съ „прыятелями", отшатнулся отъ этого прибыльнаго дѣла. Она, эта Сохва, только не знаетъ Денисовича, этого степеннаго, ласковаго человѣка, всегда готоваго помочь другому, посочувствовать чужому горю, а то бы и она иначе смотрѣла на него, не считала бы его недругомъ.

Все это онъ передумывалъ, отъ времени до времени пріотврывая заслонку и заглядывая въ печь. Готовъ ли былъ уже хлѣбъ, онъ не понималъ, какъ равно не зналъ, что дѣлать, если-бы даже и признать его ужъ испекшимся. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ зазираній въ печь, изъ которой пахнуло кислымъ тѣстомъ, вошла въ хату Сохва.

— Хозяйнуешъ!?—шутя сказала она. Здрастуй! Зъ недилею будь здоровъ! А ну, лышень, пусты мене, ось я заразъ,—и она прошла въ валькиръ, запялась, какъ фартухомъ, какимъ-то старымъ платкомъ, чтобы не запачкать бывшей на ней новой „пары", и, посмотрѣвъ въ печь, сразу порѣшила, что пора вынимать хлѣбъ. Ловко шло у ней это дѣло: лопатой подхватывала она хлѣбъ съ печнаго поду, вынутый обводила по поверхности обмоченною въ налитую миску воду рукою и клала на лавкѣ, предварительно сметенной. Все это сдѣлано ею вразъ:—и зола въ печи подгребена, и заслонка опять закрыта, и „припечокъ" подметенъ, и хлѣбъ прикрытъ скатерью. Сняла она запястье и самодовольно усѣлась со словами:

— Отъ такъ вчысь робыть...

— Хиба жъ це наше мужыцьке дило—отвѣтилъ Хведько.

— Ваше не ваше, а ты вчысь... Якъ ото забралы мого Илька, то я бачыла, якъ салдаты справляются: сами и вчыняють, и мисять, и печуть хлибъ—усе сами. Отъ якъ оддамо Машку, такъ хто тоди тоби пектыме хлибъ?...

— Я вже думавъ про це... ничого й не выдумаю.

— Ото-тожъ то „думавъ"! и я думала, а це ще не одне: а варыты, а обстыраты, а хату прыбраты?.. Вже не що, а треба оженыться, хозяйку браты.

Хведько молчалъ и, задумавшись, опустилъ голову. Мелашка вспомнилась, опять тоска-кручина пала на сердце...

Сохва съ участіемъ и соболѣзнованіемъ, молча, смотрѣла на него; она хорошо понимала его, догадалась, о комъ онъ вспомнилъ въ эту минуту сознанія своего одиночества...

— Не журысь, парень, все Господь управыть! Ну, я жъ пійду, а ты, якъ що Машка скоро не прыйде, такъ, якъ хлибъ простыне, пообрывай лыстья зъизподу, чотыри хлиба положы на полыцю, а пьятый на стилъ, та прыкрый його скатиртью—дѣловито добавила она и вышла изъ хаты.

Опять остался онъ со своими думами да гадками, опять съ тѣми же неразрѣшенными вопросами. О женитьбѣ и рѣчи быть не могло, такъ какъ онъ никого не любилъ, кромѣ Мелашки, и былъ увѣренъ, что никто и не выйдетъ за него, опороченнаго, разстроившагося въ своемъ хозяйствѣ. Да и вообще думать объ этомъ нечего, такъ какъ средствъ на это никакихъ нѣтъ, да и въ домъ пущены на зиму квартиранты. Какъ ему быть, какъ устроиться? Развѣ къ Сохвѣ попроситься. Вотъ съ кѣмъ бы жить можно; эта бы могла устроить его... Жену такую развѣ бы поискать... мелькнуло у него на мгновеніе. И вспомнилось ему, что въ охмѣленіи онъ какъ будто посягалъ на нее, какъ то нескромно держалъ себя съ нею. Ясно вдругъ припомнилось, что послѣ „печоглядынъ", когда онъ, возвращаясь отъ сватовъ, немного пьяный, ночью зашелъ къ ней, она его прогнала. Этотъ эпизодъ какъ-то прошелъ незамѣтнымъ въ его сознаніи, а те-

перь только все это отчетливо стало предъ нимъ, и совѣстно ему сдѣлалось. Вотъ она и солдатка, а никто никогда ничего худого сказать про нее не можетъ. И такая она добрая, родственная, а ужъ умница какая—и сказать нельзя. Да и красивая она... стройная!.. Мелашка тоже вотъ красивая, а не такая стройная и не такая смышленая. Но за то она его любитъ и отдается вся ему... И онъ весь отдался мыслямъ, мечтамъ о ней, забывъ все прочее. Этими мечтами о Мелашкѣ, которую онъ давно уже не видѣлъ, онъ увлекся на столько, что не слыхалъ, какъ во дворъ вошла съ тремя подругами Машка, неожиданно введшая ихъ въ хату.

— Здрастуйте! Ночувалы соби!... повторяли дивчата, входя за разряженною Машкою въ хату.

— Здрастуйте! Слава Богу! якъ вы соби!—отвѣчалъ вставшій со скамьи Хведько и пошелъ въ сѣни, какъ бы сознавая себя лишнимъ въ этой компаніи.

Не долго пробыли у Машки ея подруги: что-то осмотрѣли, о чемъ то переговаривали и сейчасъ же вышли, провожаемыя хозяйкою, успѣвшею снять съ головы «вывъязаный платокъ зъ квиткамы".

— Що жъ, управывъ все? шутливо спросила Машка Хведька, опять усѣвшагося на лавкѣ.—А хлибъ, бачъ, и не прыбравъ—добавила она, увидѣвъ остывшіе уже хлѣбы на лавкѣ.

Пообѣдали. Машка поприбирала и стала наряжаться, такъ какъ уговорилась пойти куда то съ подругами. Хведьку нечего было дѣлать, и онъ располагалъ сейчасъ же послѣ ухода сестры улечься и заснуть. Но Машка ушла не скоро; собравшіяся ея подруги долго пробыли у нихъ въ хатѣ и на „прысинкахъ". Онѣ то разсматривали что-то въ валькирѣ изъ Машкиныхъ работъ, то выходили въ сѣнцы, перешептывались, шутили, смѣялись. Нѣкоторыя, очевидно, кокетничали, рисовались передъ Хведькомъ своею развязностію и остроуміемъ, и одна даже осмѣлилась спросить его, почему онъ не выходитъ на „юлыцю". Когда наконецъ вся эта компанія пестрымъ букетомъ, посреди

котораго красовалась Машка въ вѣнкѣ, вышла со двора на улицу, то у Хведька прошла уже охота заснуть, и онъ усѣлся около наружнаго окна и, безучастно смотря на проходящихъ мимо двора и на играющихъ подъ противоположнымъ плетнемъ дѣтей, опять отдался заботливымъ думамъ о себѣ, о своей жизни; опять вспомнилась ему Мелашка, которой онъ уже давно не видѣлъ; опять потянуло его къ ней всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями; опять явилось страстное желаніе повидаться съ нею. Но какъ это сдѣлать? Очень можетъ быть, что теперь вернулся ея мужъ, котораго она ожидала, какъ говорила при послѣднемъ свиданіи. Злое чувство ревности стало разливаться въ немъ при этой мысли... Но вотъ со стороны кузницы закраснѣла какая-то нарядная женщина; присмотрѣвшись, онъ узналъ въ ней Мелашку, идущую рядомъ съ какимъ то молодымъ мужчиной. Мужчина этотъ походилъ больше на подростка—мальчика безъ усовъ; но по манерѣ, съ какой онъ шелъ, выступая немного впередъ Мелашки, по степенности всей его фигуры, Хведько безошибочно опредѣлилъ, что это ея мужъ, вернувшійся „зъ дорогы", съ которымъ она идетъ „до своихъ въ гости". Вотъ они обое кому то изъ сидѣвшихъ за воротами степенно кланяются—онъ, приподымая рукою малахай, а она только наклономъ головы; въ рукахъ у нея въ платкѣ завернутый хлѣбъ... Вотъ они поравнялись съ его хатою; Мелашка искоса глянула сюда, замѣтила Хведька и отвернулась, чтобы не подать виду.

— Вотъ „онъ", хозяинъ, богачъ, онъ съ нею, а я голякъ, одинокій, разоренный—„потюремщыкъ"—подумалъ Хведько въ безсильной злобѣ...

XXXVIII.

Съ улицы послышался протяжный окликъ:—Горшкы! Горшкивъ минять!

Этимъ окликомъ разъѣзжающіе по селамъ въ этотъ сезонъ торговцы горшками и иной черепичной посудой сзываютъ покупателей.

Хведько выглянулъ въ окно и какъ разъ противъ своего двора ўвидѣлъ возъ съ горшками, съ запряженной плохенькой лошаденкой, около котораго уже пестрѣло нѣсколько женскихъ фигуръ.

Шла торговля; пріобрѣтались горшки и на готовыя деньги, и вымѣнивались на зерновой хлѣбъ. Бабы выбирали посуду, постукивали въ бока и дно косточками пальцевъ, прислушивались къ извлекаемому звуку, по которому можно судить, нѣтъ ли гдѣ трещины. Шли обычныя при торгѣ пререканія и споры. Мужчины не трогались со своихъ мѣстъ, считая это дѣло спеціально женскимъ, и только полушутя, полусерьезно противились требованіямъ насыпки зерномъ пріобрѣтаемой посуды.

Смотрѣвшій на всю эту сутолку, сквозь отсунутую половинку окна, Хведько увидѣлъ Сохву, несущую къ нему во дворъ цѣлыхъ три горшка.

Онъ вышелъ ей пособить—пріотворить двери и калитку.

— Ось на, хозяинъ! Машка, ще зъ церквы йдучи, побачыла за заводомъ його, такъ казала, що треба купыть, а то въ васъ и нема такои посуды про случай. Я ще пійду пошукаю макитерку, та покрышокъ. Поставъ тамъ де-небудь...

Хведько отнесъ въ хату посуду и опять вышелъ на улицу за калитку. Въ горшечникѣ-продавцѣ онъ узналъ того самаго Кленоваго, на котораго обратилъ его вниманіе Шляховой въ ярмарочномъ трактирѣ въ городѣ.

Сохва скоро вернулась, нагруженная двумя разныхъ размѣровъ „макитерками и покрышками". Въ хатѣ она осмотрѣла покупку, отнесла кой что въ чуланъ, оставивъ одну макитру и три покрышки, какъ купленныя для себя, и, присѣвъ на лавкѣ, сказала:

— Що-жъ, бачывъ?—Хведько понялъ, о комъ та говорила, но молчалъ.

— Хорошый? Прыдывывся? Наче отта гныда! Выскрасте,— ни вуса, ни бровей; гыдко й скыбкамы узять!—А його жъ то треба любыты, мыловаты, говорила она какъ бы сама съ собою.

Хведько понялъ опять, о комъ идетъ рѣчь, но молчалъ, не отзывался, печально опустивъ голову. Онъ понималъ, что Сохва говорила о прошедшей раньше по улицѣ Мелашкѣ съ мужемъ.

Взглянула на него молодица, и жалко ей стало его, моментально сопоставленнаго съ тою „гныдою“—

—, Э, не журысь, хлопче! Божа воля! Щожъ робыть?!— сказала она вставая. Пійдужъ я! въ мене й хата не заперта— и пошла.

Хведько, присѣвъ опять къ окну, увидалъ, что горшечникъ, очевидно, расположился кормить лошадь. Онъ отъѣхалъ подъ плетень на ту сторону улицы и съ мальчикомъ распрягалъ свою „шкапу“. Бабы и дѣти послѣдовали за нимъ, и торгъ еще продолжался.

Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ безучастно на всю эту сцену и опять мимовольно мыслями вернулся къ своему горькому положенію. Опять неразрѣшимые вопросы объ устроеніи себя, о своемъ одиночествѣ, о причинахъ всего съ нимъ происшедшаго... Онъ и не замѣтилъ, какъ юрба женщинъ около гончаря разошлась, и только увидалъ, что гончарь съ хлопцемъ сидятъ около воза и полуднуютъ. Ему показалось, что гончарь посматривалъ на его дворъ. Пополуднали они. Кленовый, отвязавъ цыбарку, послалъ хлопца, очевидно къ рѣчкѣ, поить лошадь, а самъ увязалъ возъ и направился прямо къ нему въ дворъ.

Хведько засуетился. Этотъ визитъ посреди бѣлаго дня, въ такое время, когда на улицѣ было много людей, вовсе ему не нравился.

— Здрастуй, хозяинъ! Будь здоровъ зъ недилею! Чы нема въ тебе сокыры та хоть якого-небудь ухналя чы що, въ мене тамъ пидисокъ одирвався—сказалъ Кленовой, войдя въ хату и озирая ее быстрыми глазами.

Хведько успокоился и со словами „ось пошукаю“ досталъ изъ-подъ лавки ящикъ со всякою мелочью.

— Шамро-мамро—сказалъ вдругъ Кленовой, очевидно осмотрѣвшійся, что въ избѣ ихъ только двое.

Хведько, нагнувшійся было надъ ящикомъ, выпрямился и повернулся къ гостю.

— Шляховой наказуе тоби, щобъ ты завтра ничью, такъ якъ улягома, бувъ небезпреминно у Плахоти на кордони. Небезпреминне! Гляды жъ! Ну, теперъ шукай ухналя, тай пійдемо, поможешъ мени справыться—воно никому й не-впрымиту буде.

Нашли два старыхъ „ухналя".[1]) Хведько взялъ топоръ и они пошли къ возу. Кленовый „важныцею" [2]), при помощи Хведька поднялъ возъ, снялъ колесо и, нарочно пріотворивъ „подосокъ", прибилъ его выровнянымъ на ободѣ ухналемъ.

Самымъ спокойнымъ голосомъ послѣ этого онъ поблагодарилъ Хведька, приподнявъ даже немного на головѣ свою шапку.

— Ну, спасыби тоби, добрый чоловиче, що ты мене порятувавъ у прыгоди!—и онъ подалъ ему топоръ, послѣ чего началъ подмазывать оси.

Хведько пошелъ спокойно домой. Онъ понялъ всю ловкость пріема Кленоваго: и въ голову не могло прійти никому, что между ними что либо было иное, кромѣ обыкновеннаго обращенія за помощью къ хозяину ближайшей хаты.

Долго еще сидѣлъ въ задумчивости онъ, но теперь его уже не пугало предстоящее возобновленіе отношеній къ Шляховому и компаніи; напротивъ—его влекла къ нимъ какая то особая потребность дѣятельности, ему хотѣлось самому участвовать въ этихъ опасныхъ дѣлахъ, сулящихъ возможность, какъ сказалъ ему когда-то Денысовычъ, „чоловикомъ статы". Припомнились ему многіе, слышанные имъ въ острогѣ разсказы объ удалыхъ похожденіяхъ разныхъ дѣльцовъ этой воровской жизни, героевъ тюрьмы и преступности... Въ немъ заговорилъ избытокъ силъ, не употребляемыхъ на иное какое либо дѣло. Въ неясныхъ, туманныхъ образахъ, рисуемыхъ его воображеніемъ на фонѣ припомнившихся ему разговоровъ, онъ представлялъ себя однимъ

---

[1]) Ухналь—сплющенный гвоздь, употребляемый для прикрѣпленія подковъ къ копытамъ лошади при ковкѣ и для подосковъ къ оси.

[2]) Важныця—по русски „вага"—приспособленіе поднимать возъ.

[3]) Пидиеокъ или подосокъ — желѣзная пластинка, подбиваемая подъ деревянную ось.

изъ этихъ героевъ, увертывающихся отъ преслѣдованія, ловко умѣвшимъ обмануть бдительность сторожей, богатѣющимъ, разживавшимся отъ удачной добычи. Мечты унесли его даже въ тѣ же тюремныя камеры, изъ которыхъ онъ при своемъ умѣніи и силѣ легко уходилъ. Онъ припомнилъ разсказъ про извѣстнаго въ той мѣстности Реву, который среди бѣлаго дня въ то время, когда часовой—тогда еще тюрьма состояла подъ охраною солдатъ—зазѣвался на шарманщика съ обезьяной, выломалъ рѣшетку окна въ своей камерѣ и ушелъ безслѣдно. Вспоминался ему разсказъ про то, какъ пробравшійся въ корридорную тюрьму черезъ выломанную печь другой арестантъ придушилъ руками часового и въ его платьѣ и вооруженіи вышелъ послѣ смѣны съ часовъ изъ тюрьмы. Замечтавшись, онъ и не слышалъ, какъ проблаговѣстили къ вечернѣ, не замѣтилъ, какъ уѣхалъ горшечникъ Кленовый, какъ мало по малу опустѣла улица, и только опомнился, когда увидалъ шедшихъ уже изъ гостей Мелашку съ ея мужемъ. Опять также она шла немного сзади съ нимъ, съ этимъ „выскрастымъ", съ этою „гныдою". Такъ-же искоса глянула она на его хату. Такъ и кинулся бы онъ къ этой парѣ; схватилъ бы за одну ногу, наступилъ другою и разорвалъ бы на двое—казалось ему—этого поганаго „мужика". Кулаки сжались, сознаніе силы заговорило въ немъ—хруснули пальцы, жаръ вступилъ въ голову...

Послышался стукъ калиточнаго кольца, и во дворѣ появилась Машка съ двумя подругами. Гдѣ-то за ними на улицѣ зарипѣла гармонія.

Вошедшая Машка съ подругами пошла въ валькиръ, гдѣ наскоро переодѣлась и сняла вѣнокъ.

Хведько молча взялъ шапку, накинулъ черкеску и пошелъ изъ избы на крыльцо, а тамъ и на улицу.

Около сосѣдняго двора стояла кучка парней, изъ которыхъ одинъ игралъ на гармоніи, и тутъ-же стояли, ожидая выхода Машки съ подругами, трое дивчатъ. Вдали, уже почти около моста на рѣкѣ, за заводомъ еще алѣла уходившая съ мужемъ Мелашка.

Дивчата, чего то смѣявшіяся, умолкли, гармонистъ сталъ играть тише. Очевидно, его конфузились: онъ былъ для нихъ не свой. Вскорѣ вышла Машка съ подругами, и всѣ—и дивчата, и парни—потянулись особыми одна за другой группами вдоль по улицѣ въ сторону Богатыревой мельницы. Провожая ихъ глазами, Хведько увидалъ Сохву, шедшую откуда-то навстрѣчу молодежи. Она на минутку пріостановилась было съ дивчатами и шла къ нему.

— Провожаты выйшовъ?—спросила она его. Пишлы на свою „Деревню"... Я постояла зъ нею трохы, де що побалакалы. продолжала она въ-полголоса, какъ бы боясь, чтобы кто не подслушалъ.

— Вона бачъ що каже: заваготнила, каже—продолжала Сохва, лукаво вглядываясь въ покраснѣвшаго до ушей парня.

— Батько!!—протянула она улыбаясь.

Хведько еще больше покраснѣлъ, сконфузился и, моментально повернувшись, пошелъ не въ хату, а въ садокъ.

Сохва поняла, что поступила нетактично; постояла немного, посмотрѣла вслѣдъ ему и пошла къ своему двору.

Такъ они и не видѣлись въ тотъ день.

XXXIX.

Уже близко было къ полночи, когда Хведько подходилъ къ кордону. На лай собакъ вышелъ къ воротамъ Плахотя съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ безъ опроса подошелъ, отгоняя собакъ, къ Хведьку, узналъ его и повелъ по дорогѣ въ лѣсъ. Дома онъ сказалъ, что идетъ въ обходъ.

Тихо и темно было въ лѣсу, хотя ночь была ясная, небо звѣздное. Хведько въ первый разъ былъ въ лѣсу ночью, и потому темнота и своеобразный шумъ верхушекъ деревьевъ казались ему страшными. Шли они молча, почти беззвучно ступая по мягкой дорогѣ. Но вотъ Плахотя шепнулъ: „Иды сюды"—и свернулъ въ сторону съ дороги по какой то тропѣ,

усыпанной шелестящими подъ ногами листьями. Прошедши немного, онъ слегка присвистнулъ. Въ отвѣтъ послышался совсѣмъ близко тоже свистъ, и передъ ними встала какая-то фигура...

— Зъявывся?—сказала эта фигура, въ которой Хведько сейчасъ же узналъ Шляхового.

— Якъ же теперъ будемо? — обратился Шляховой къ Плахоти.

— Дило ваше; до парни́ васъ доведу, а тамъ, якъ знаете,— тилькы къ свиту щобъ убралысь, бо тутъ у мене на кордони буде лиснычый, обходытыме участокъ, такъ щобъ чого не лучылось... Ходимъ!

Онъ, какъ и Шляховой, говорили въ-полголоса. Шли они долго вслѣдъ за Плахотею молча. Шелестѣли сухіе листья подъ ногами, да по прежнему въ вершинахъ деревъ слышенъ былъ какой-то шумъ. Жутко было Хведьку; онъ радъ бы держаться за полу шедшаго впереди его Денысовыча, но въ то же время въ немъ развивалась какая-то готовность къ борьбѣ: сжимались пальцы въ кулаки, которыми онъ, казалось, готовъ былъ отъ самаго чорта отбиться, раздвинуть эту стѣну деревъ, чащу, сгущающую темноту ночи.

Впереди засвѣтлѣло; они вышли изъ чащи высокихъ деревъ и очутились въ болѣе низкой поросли. Это былъ срубленный лѣтъ пять-шесть тому назадъ, успѣвшій уже обкуститься, участокъ лѣса. Здѣсь было не такъ темно: видно было усѣянное звѣздами небо, глухой шумъ вершинъ стараго лѣса остался сзади нихъ. Но за-то теперь имъ пришлось продираться черезъ густую заросль кустовъ, безъ всякой тропинки, и при томъ внизъ съ какого-то косогора.

Впереди что-то зашелестѣло кустами, и Хведько явственно увидалъ какой-то блескъ въ сторонѣ удалявшагося шороха. Плахотя что-то сказалъ Шляховому, изъ чего слышно было только: „пидбиралыся ироды!“. Плахотя слегда присвиснулъ разъ, другой; послышался отвѣтный свистъ и вскорѣ за тѣмъ явственный шорохъ кустовъ, раздвигаемыхъ кѣмъ-то идущимъ

навстрѣчу. Показался какой-то человѣкъ. Это былъ неизвѣстный Хведьку москаль, судя по говору. Онъ сейчасъ, хотя и въ полголоса, началъ ругаться.

— Черти проклятые! Голодомъ заморили! Хлѣбушка ни крохи вотъ ужъ два дня... Тутъ бирюки... отбою нѣтъ, такъ и шмыгаютъ—хриплымъ басомъ говорилъ москаль. Какъ бы въ подтвержденіе этого невдалекѣ послышался заунывный вой, сначала въ одинъ голосъ, а послѣ подхваченный цѣлымъ хоромъ.

— Не поены ужъ другой день, какъ онадысь попоилъ такъ и по сю пору. Черти!

— Та цыть! Хай тоби лыхо! Наче вперше... На, ось де шматокъ хлиба—сказалъ Шляховой.

— Ну, выводьте-жъ по ярузи зъ лису, а я пійду впередъ... Якъ що таке, такъ стрельну зъ рушныци—сказалъ Плахотя и пошелъ.

„Парня́"—мѣсто, гдѣ раздѣлывающіе купленный на срубъ лѣсъ изготовляютъ ободья и полозья. Въ косогорѣ сдѣлана была выемка, гдѣ была самая печь, въ которой распаривалось сырое дерево. Теперь все это было убрано, а въ выемкѣ, какъ оказалось, припрятана была тройка лошадей. Москаль оставленъ былъ для охраны коней отъ волковъ. Онъ же, какъ послѣ разсказали Хведьку, прикармливалъ ихъ нарванною травою и молодыми вѣтками. Шляховой уговорилъ москаля помочь имъ вывести лошадей изъ лѣса, а то онъ хотѣлъ сейчасъ же оставить ихъ. Разобрали накиданныя вѣтви и жерди и, взявъ по одной лошади за поводья, спустились въ яръ и повели по тропкѣ. Не доходя до конца лѣса, Шляховой остановился, передалъ веденную имъ лошадь Хведьку и тогда отправился на опушку, приказавъ идти на свистъ, а безъ этого не двигаться впередъ.

Послышавъ свистъ, Хведько съ москалемъ повели коней и скоро вышли на опушку, гдѣ ихъ ожидалъ Шляховой. Москаля отпустили, при чемъ Денысовычъ далъ ему сколько-то денегъ.

— Ну, давай я тебе пидсажу, тай съ Богомъ, бо до свита треба убраться съ товаромъ—сказалъ Шляховой.

Сѣли и поѣхали по яру, но куда, въ какую даже сторону—Хведько никакъ не могъ сообразить. Вскачь неслись они по какимъ-то жнивьямъ, при чемъ Шляховой подгонялъ прирученную Хведьку третью лошадь. Болѣе получаса скакали они, пока не обозначились передъ ними какія-то высокія вербы, а затѣмъ заблестѣло широкое плесо воды. Когда они попридержали лошадей, то впереди между вербами послышался шумъ мельничныхъ колесъ и лай собаки.

— Ну, отъ и Крипачанська мельныця. Теперъ намъ треба отъ-сюды—шепнулъ Шляховой, сворачивая вправо понадъ порослью лозы.

— Тутъ заразъ буде бродокъ, напоимо коней тай зъ Богомъ дали.—

Скоро черезъ жидкую зарость въѣхали они въ рѣчку, напоили лошадей, и тогда Хведько сообразилъ, что они были какъ разъ противъ хутора Крипаки, верстахъ въ трехъ отъ того конца Бемовки, гдѣ жилъ Стрибуль.

Вскачь опять пробѣжали они это небольшое пространство и своротили съ дороги къ протекающей здѣсь рѣчкѣ Данилкѣ, перебраться черезъ которую можно было только по мосту на большой дорогѣ. Загерготали испуганные ими гуси, и закахкали утки на водѣ... Восточный край неба сталъ уже проясняться. Шляховой оставилъ Хведька съ лошадьми надъ рѣчкой, а самъ пошелъ на мостъ, приказавъ не трогаться съ мѣста.

Долго его не было. Наконецъ по мосту послышался стукъ ѣдущей телѣги. Кто то ѣхалъ къ нему... Онъ оробѣлъ, хотѣлъ бросить лошадей и кинуться въ рѣчку, которую разсчитывалъ переплыть. Еще моментъ—и онъ сдѣлалъ-бы это, но, присмотрѣвшись, увидѣлъ, что къ нему подвигается тарантасъ, а не телѣга, везомый тремя человѣками. Это были Шляховой, Йосыпъ и солдатъ Гандзя. Моментально тройка была запряжена; хомуты и вся прочая сбруя оказались на тарантасѣ. Йосыпъ надѣлъ на себя какой-то чекмень и кучерскую шляпу; солдатъ Гандзя оказался въ военной фуражкѣ. Йосыпъ сѣлъ на козлы,—Гандзя умостился на мѣсто барина, и тройка тронулась.

— Эхъ-ти! Забыла, какъ ходыла! — Послышался крикъ Йосыпа.

— Иды-жъ прямо по слободи на Богатыреву греблю, а въ пьятныцю выходь на базаръ—сказалъ Шляховой Хведьку, тыкая въ руку ему какую-то бумажку, и моментально пошелъ на мостъ.

Все исчезло, какъ сонъ.

Онъ стоялъ въ недоумѣніи надъ рѣчкой.—Кахъ, кахъ, кахъ!—кахкали уплывающія подъ другой берегъ утки. Во дворѣ Стрибуля запѣлъ пѣтухъ, слышно было даже было хлопанье крыльевъ его; въ оставшихся сзади Крипакахъ засвѣтился гдѣ-то огонь; занималась заря; на Бемовкѣ грохотали ѣдущія по мосту телѣги. Скомканную бумажку Хведько спряталъ въ карманъ и пошелъ къ мосту, переждавъ, пока проѣдетъ обозъ.

Рано вошедшая черезъ незапертыя двери въ хату Машка постояла надъ безчувственно спящимъ Хведькомъ, подивилась тому, что онъ и „не раззувався", и принялась „пораться"— топить печь.

Еле разбудила она его уже „въ обидню пору".

Умываясь надъ „помыйныцею", Хведько обратилъ вниманіе на свои штаны, запачканные лошадинымъ потомъ и шерстью. На черкескѣ видны были такіе же слѣды ночной скачки. Вышедши въ сѣни, онъ по возможности вытеръ все это какимъ-то мѣшкомъ. Измятая бумажка оказалась десятирублевкой.

Послѣ обѣда Машка, поприбиравъ все, усѣлась около окна что-то шить, а Хведько пошелъ огородами къ Сохвѣ, которую засталъ тоже за какимъ-то шитвомъ.

— Выспався?—спросила Сохва, пристально вглядываясь въ него.

Хведько молча вынулъ изъ кармана десятирублевую бумажку и подалъ ей.

— Це що таке?—

— Визьмы й сховай Машци на справу...

— Все такы свое! Самъ дывысь!—сказала Сохва, взявъ деньги и пряча ихъ всѣ въ лядунку.

— Це-жъ вже твоихъ грошей въ мене двадцать шисть рублывъ—ты знаешъ?—

— Нехай воны въ тебе—отвѣтилъ Хведько и поникъ головою.

Молодица поняла, что выпытать у него, какъ эти деньги попали къ нему, ей не удастся, и пошла къ стоявшей у перегородки, отдѣляющей „валькиръ", „скрынѣ", отперла ее висѣвшимъ на поясѣ ключемъ и спрятала туда деньги.

— Не журысь, хлопче! Ось дождемо ярмарку—повыдаешся: казала, що забижыть до мене—стала она утѣшать его. Но онъ сидѣлъ мрачный, задумчивый и не подымалъ опущенной головы.

— Що-жъ, шевцюешъ?—Посправлявъ Машци чоботы? Ось ще й мени треба де-що полататы, а то якъ почнется копка, такъ ни въ чому буде. На, обдывысь!—сказала она, доставая старые сапоги и желая хоть чѣмъ нибудь развѣять его мрачное настроеніе.

— Машка ото забигала, якъ ты спавъ, такъ казала, що позавчора побиля росправы одъ Лыповськаго пана выклыкалы на машыну, та сояшныкы молотыть. Дають до сояшныкивъ по 30 коп., а на машыни мужыкамъ по 7 рубливъ въ мисяць, а жинкамъ по чотыри зъ половыною, на ихъ харчахъ. Ото тоби-бъ и наняться, та тилькы оце зъ Машкою якъ? Ій вже не лычыть найматыся; одно те, що й самій де-що треба попошыты, бо тамъ у свекра николы буде, а вдруге те, що й жоныхъ ходытыме... Вже-жъ имъ не у васъ въ хати ночуваты однимъ, а хату ніякъ кыдаты—говорила спокойнымъ тономъ Сохва, выговаривая каждое слово тихо и плавно.

Что-то успокоительное слышалось въ ея рѣчахъ. Сказывалась ея обдуманная заботливость объ ихъ дѣлахъ, устанавливалось то, что они—Хведько и Машка—въ лицѣ этой доброй и смышленой молодицы, имѣютъ распорядителя ихъ дѣлами, совѣтчика и покровителя.

— Дивку треба обмыслыты—продолжала она. Не знаю, якъ тамъ обрадятся ваши... Машка казала, що прыйдется въ пятныцю йты на Бемовку на базарь, щобъ тамъ переговорыты зъ вашою титкою, та може й Полька выйде. Мени, бачъ, ніяково

встрявать самій; ще гляды, титка звягуватыме—хиба що дивчата прохатымуть... Такъ и то треба такъ зробыты, що наче ты зъ Машкою все робытымешъ, а я вже вамъ буду дораджуваты. Я не знаю, чы пійду на базаръ, чы ни, а ты пійды... Отъ-отъ незабаромъ и ярмарокъ, вже крамари будуются. На ярмарку можно буде усимъ скупыться, чого треба, а найпаче кожухъ... Попрыйиздять и Лоснивци и Билгоряне... Тай ты, якъ думаешъ?—Въ тебе есть яка кожушына на зиму? Пообдывыться треба, може прыйдется якый лынтварь купыты, пидлататы покойного твого батька полушубокъ, такъ и перезимуешъ—не унималась добрая „порадныця“ Сохва.

— Щось не чуть, колы саме бондари прыйидуть. Саме якъ стукнутся у той часъ, якъ зъ весиллямъ зативатымутся... що тоди робыты?—обдумывала Сохва и съ этой стороны обстоятельство жизни Хведька, а онъ все молчалъ понурившись. Мысль его то и дѣло отдалялась отъ темы разсужденій Сохвы и неслась то къ Мелашкѣ, врядъ ли теперь доступной для него, то вслѣдъ за умчавшимися на тройкѣ Йосыпомъ и Гандзею, то во мракъ и глушь лѣса, по которому его водили прошлую ночь, то въ захватывающую духъ бѣшенную скачку на добромъ конѣ...

— Такъ таке то!—закончила Сохва свои семейно-хозяйственныя соображенія.—Ще що казатымешъ?—спросила она его, какъ будто не она сама, а онъ все время велъ рѣчь.

— Що-жъ мени ще казать?—ты все сама розскажешъ.—Пійду я, може, пошевцюю трохы, сказалъ Хведько и, вставъ съ лавки, пошелъ изъ хаты.

У себя на крыльцѣ онъ остановился, не желая мѣшать Машкѣ пѣть пѣсню, очевидно только что начатую ею.

Выйду за ворота,
Та не бере охота,...
Выйду за новыи—
Ажъ трава зеленіе...
Та трава зеленіе,
А мое серденько мліе...

Мліе—зомливае,
Що мылого дома не мае...

Хведько присѣлъ на скамейкѣ крыльца и наслаждался знакомымъ мотивомъ пѣсни, хорошо и хорошимъ голосомъ пѣтой Машкою, которая словами пѣсни тосковала за своимъ милымъ, суженымъ.

Пѣніе прекратилось, и Машка съ кѣмъ-то очевидно черезъ окно заговорила. Это оказались двѣ ея подруги, пришедшія къ ней пособить въ шитьѣ. Но онѣ не вошли даже во дворъ, а звали Машку къ Сохвѣ. Она не заставила себя ожидать и вышла, собираясь запереть избу.

— А! ты тутъ?—сказала она, увидавъ брата, и отдала ему замокъ.

Едва только устроился онъ со своимъ „струментомъ", какъ пришелъ Цюпа.

— Што братэць? за шевство узявся—сказалъ онъ, садясь на лавку и доставая изъ кармана кисетъ съ табакомъ. Онъ ловко скрутилъ цыгарку и закурилъ добытою въ томъ-же кисетѣ спичкою.

Долго болталъ Цюпа, разсказывая о своихъ похожденіяхъ, по преимуществу ловеласническихъ, но Хведько почти не перебивалъ его, продолжая свою работу и очень нетерпѣливо выжидая окончанія этого визита. Наконецъ, гость удалился, давъ возможность Хведьву предаться своимъ невеселымъ думамъ.

XL.

Въ пятницу и Хведько, и Машка порознь пошли на базаръ. Встрѣтившіяся имъ тамъ „титка Горпына" и Полька забрали Машку и пошли къ какимъ-то „черныцямъ" 1) покупать „подушкы" 2), оставшіяся послѣ какой то ихъ товарки. Полька

1) „Черныци" особо отъ семьи живущія дѣвушки, „пидстаркуватн".

2) „Подушкы" или „подушкы"—мягкая постель, б. ч. состоящая изъ двухъ перинъ, изъ коихъ одна стелется подъ боки а другая въ изголовье.

какъ то объ этомъ провѣдала и не упустила случая пополнить этою покупкою приданое Машки.

Хведько купилъ какого-то ременя и не зналъ, что съ собой дѣлать: ожидать ли своихъ на базарѣ, или идти домой, и стоялъ среди снующихъ базарянъ.

Тучи, затянувшія еще съ ночи небо, начинали разрѣжаться мелкимъ дождемъ. Базаряне прикрывались чѣмъ кто могъ; „седухи"-торговки укрывали свои „возыкы", продавцы кожевеннаго товара укрывали возы „шкурами". Базаръ разстроивался. Кто могъ, поспѣшалъ домой; многіе прятались подъ навѣсы лавокъ; „трахтырь" Вовка былъ тоже полонъ.

Къ Хведьку подошла какая-то неизвѣстная ему женщина, накрытая отъ дождя рядномъ, произнесла знакомое „шамро-мамро" и не смотря на него сказала:

— Иды оподаликъ за мною!—и пошла съ базара въ улицу

Мгновеніе онъ было поколебался и затѣмъ пошелъ слѣдомъ за незнакомкой, уже успѣвшей отойти отъ него саженей на тридцать.

Не оглядываясь, шла молодица по улицѣ; повернула въ переулокъ, вышла на выгонъ и затѣмъ пошла по-надъ задворками и огородами. Нѣсколько „витряковъ" на выгонѣ были въ полномъ ходу, но людей не видно было: и мирошники, и помольщики попрятались отъ дождя внутрь мельницы. Кончались уже недалеко впереди огороды, и начиналось поле. Проводникъ женщина вдругъ повернула на одинъ изъ огородовъ, къ краю котораго прилегалъ густой вишневый садъ. Въ этомъ саду Хведько натолкнулся на поджидавшую его молодицу.

— Отъ тутъ побудь трохы; я пійду скажу, що ты вже тутъ.

Немного погодя его нашелъ въ саду незнакомый крестьянинъ и повелъ въ какую-то ригу. Тамъ оказался Шляховой, поднявшійся съ прикрытаго рядномъ сѣна. Очевидно, онъ или ночевалъ въ этой ригѣ, или валялся съ самаго утра, такъ какъ мѣсто лежки было умято.

Денысовычъ поздоровался и, обратясь къ приведшему Хведька человѣку, сказалъ:

— Ты вже сюды прынесы чого небудь закусыть, та й пляшку не забудь—и когда тотъ вышелъ, обратился къ Хведьку дѣловымъ тономъ.

— Ото тройку мы спровадылы, а теперъ треба четвертого збуть. Воны мене не послухалы: я казавъ попрыдержаты у лиси, а воны и повелы—накынулы слидъ на Шкавра, а його й заарештовано. Такъ ото й треба, щобъ ты у вечери, якъ зовсимъ зсутеніе, надійшовъ сюды; визьмешъ коня, тай одведешъ ажъ у городъ до Гандзи, тилькы не до дому, а не дойиздючы до города, супротывъ витряка подасыся до лизокъ,—тамъ тебе дожыдатымуть. Цього здасы, а на другого пересидлаешъ сидло и щобъ до свита назадъ сюды. Аже потрапышъ на сидли йихаты, чы може такъ по просту?

— Я на сидли не вмію.

— Ну, такъ и безъ сидла: тилько, гляды дуже розибьешся: це туды пятнатцать да назадъ... це верстовъ трыдцять...

— Якъ небудь пройиду.—

— Ну, твое дило.—Визьмешъ коня не тутъ, а на Таракановци—знаешъ? Саме де ото стари гамазеи—туды тоди тоби його выведуть... Винъ тутъ, ось дывысь сюды!—и Денысовычъ подвелъ его къ одной изъ плетневыхъ стѣнъ «клуни».

— Дывысь ось сюды скризь плетинь.

Хведько посмотрѣлъ и увидѣлъ въ очень узкомъ межъ двумя плетнями помѣщеніи лошадь. Отдѣлявшій это помѣщеніе отъ всей клуни плетень былъ ничто иное, какъ только двойная стѣнка, очень искусно приставленная. Трудно было догадаться, что это не наружная стѣна риги.

Пришелъ посланный за закуской и пляшкой, очевидно хозяинъ двора, и заявилъ, что дождь усиливается.

— Ажъ шкварчыть! — сказалъ онъ, вынимая изъ-подъ полы завернутый въ старую скатерть хлѣбъ и порѣзанную большую селедку; затѣмъ онъ изъ угла клуни взялъ какую-то мѣрку, опрокинулъ ее вверхъ дномъ, положилъ закуску и поставилъ вынутую изъ кармана черкески бутылку и стаканчикъ. Устроивъ все это, онъ удалился, затворивъ ворота.

Шляховой сѣлъ самъ на сѣно и пригласилъ сѣсть Хведька, снялъ шапку и, перекрестившись, налилъ стаканчикъ, поздоровался и выпилъ; послѣ поднесъ Хведьку и закусилъ.

— Ше одну тоби пиднесу, а бильше не дамъ: вона тоби не пайдыть.

— Колы жъ саме у васъ свадьба?—спросилъ онъ, обирая звенко селедки.

— Та ото въ ту недилю, писля Здвыження зативаются.

— Ну слухай, що я тоби казатыму. Треба тоби у волости билетъ узять. Дадуть? Якъ думаешъ? Сходы до пысаря, поспытай. Такъ мы бъ зъ тобою поййихалы у другу краину. Тильки ты мене слухай—я зъ тебе чоловика зроблю. Якъ зустринемося на ярмарку, такъ и скажешъ мени, чы дадуть тоби билетъ, чы ни. Якъ що таке, такъ можно буде яку рублевку дать пысареви, а то й у подати що небудь дасы, абы тильки одпустылы...

— Закусюй! На! ще одну выный, закусы тай иды зъ Богомъ. Підешъ не по улыци, а зновъ выйдешъ на выгонъ, тай підешь скризь по Тараканивци и повзъ гамазеи, а йдучы прымичай, щобъ у вечери не заблудыться. Итымешъ такъ: зъ гребли повернешъ по шляху-вулыци, або хоть и по-за городамы; якъ ото саме шляхъ выходе зъ слободы, такъ и верны собъ по надъ глыныщемъ и, не доходячы гамазеи, прысядь и дожыдай—а тоди вже рушай прямо на шляхъ и на городъ. Якъ що хто по шляху стриватымется, такъ обьизжай стороною. Никого нема—й побижы, а запрымитышъ кого по шляху, зупыны коня и йидь пройиздомъ, щобъ невпрымиту було. Якъ дойидешъ до городського витряка, такъ заразъ круто поверны на лозы, заведы туды коня, прывьяжы зновъ дожыдай. Тамъ тебе знайдуть; почуешъ тилько хтось свысне, ты и соби тыхо прысвысны. Назадъ также само де пройиздомъ, а де й пробижышъ... Дойидешъ до гамазеивъ, легенько свысны и прыслухайся. Такъ треба, щобъ за ничъ управытыся.— Подожды, отъ я выгляну, чы нема кого. Ну, теперъ иды зъ Богомъ! Та не забудь про билетъ—на ярмарку скажешъ.

Когда возвратился Хведько домой, Машка уже давно была дома и не знала, обѣдать ли ей самой, или поджидать исчезнувшаго на базарѣ брата.

Ему пришлось переодѣваться и развѣшивать въ сѣняхъ на жердяхъ намокшее платье. Отъ Машки онъ узналъ, что подушки

приторговали за 3 р. 50 к., но только съ тѣмъ, чтобы ихъ пересыпать и перебрать перо въ новые наволочки, что рано утромъ на ярмарокъ, къ нимъ надойдутъ „титка Горпына" и Полька, чтобы отправиться вмѣстѣ въ „крамныци" скупить что нужно къ свадьбѣ, что дождь перебилъ имъ сегодняшній базаръ.

Пообѣдавши, Машка ушла къ Сохвѣ, а Хведько усѣлся шевцювать, при чемъ никто не мѣшалъ ему думы думать и мечтать о дальней поѣздкѣ съ Шляховымъ куда-то на сторону, гдѣ онъ найдетъ для себя дѣло, пристроится къ чему либо. Въ хату пуститъ бондарей; Машку выдастъ замужъ. Что ему дома дѣлать?—На сторонѣ лучше: никто его тамъ не знаетъ, ничѣмъ не попрекнетъ, не назоветъ потюремщикомъ. Мелашка?!—все равно ее теперь не увидишь, доступу къ ней нѣтъ. Сохвѣ нужно будетъ сказать о своемъ намѣреніи убраться на сторону,—безъ этого нельзя; только онъ не скажетъ, разумѣется, съ кѣмъ и какъ отправится.

Онъ такъ замечтался объ этой поѣздкѣ, что даже забылъ было о необходимости ночью сгонять въ городъ и обратно. Когда однакоже онъ вспомнилъ, то дѣло это ему уже не было ни страшнымъ, ни противнымъ, какъ прежде. Напротивъ, что-то лихое, удалое видѣлось ему въ этой ночной экспедиціи; онъ готовъ бы хоть сейчасъ взгромоздиться на коня и мчаться въ пространство.

Сумерки, сгущенные пасмурною погодою, застали его за работой и въ этихъ мечтахъ о предстоящихъ похожденіяхъ.

Прибравши струментъ, онъ сидѣлъ въ хатѣ, обдумывая, какъ сказать Машкѣ, куда онъ пойдетъ.

Легка на поминѣ, она пришла домой съ чѣмъ-то завязаннымъ въ платкѣ, при чемъ сказала, что дождь пересталъ идти, а поднялся вѣтеръ,—и пошла въ валькиръ.

Когда совсѣмъ стемнѣло и Машка засвѣтила каганецъ, Хведько вышелъ въ сѣни, розыскавъ какой-то старый халатъ, подпоясался, захватилъ кіёкъ и, сказавъ въ пріотворенныя двери „я жъ иду зъ дому",—пошелъ изъ хаты.

Б. Познанскій.

(Продолженіе будетъ)

Картина изъ временъ крѣпостного права.

(Къ рисунку).

Въ Древнехранилищѣ Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета въ Каменцѣ-Подольскомъ есть двѣ картины, изображающія горе мужика-крѣпака. Картины эти, писанныя масляннымм красками не особенно художественно, представляютъ интересъ съ историко-этнографической стороны. Хотя обѣ онѣ поступили въ Древнехранилище изъ разныхъ мѣстъ, но по сюжету и по содержанію подписанныхъ подъ изображеніями стиховъ—малорусскихъ и польскихъ—картины почти одинаковы: здѣсь изображена тяжелая участь крестьянина во время крѣпостного права.

На первой картинѣ изображенъ сидящій подъ деревомъ крестьянинъ, въ глубокой думѣ склонившій голову на руку. Во многихъ мѣстахъ его одежды видны прорѣхи. Возлѣ него стоитъ пара тощихъ воловъ, запряженныхъ въ ярмо и рало. Дальше по полю идетъ женщина—поселянка, несущая въ одной рукѣ „блызнята", въ которыхъ обыкновенно выносятъ на поле работникамъ обѣдъ—горячую пищу; другой рукой она придерживаетъ на плечахъ мѣшочекъ съ чѣмъ-то. Вдали виднѣется панскій палацъ. Подъ картиной подписаны слѣдующіе стихи:

Охъ, доле, доле ты моя!
Колы диждуся щастя я?
Колы на тимъ кровавимъ поли
Зобачуся въ щаслывій доли?

Уже-мъ зчорнивъ, якъ головня,
Видъ паньскои биды що-дня.
Таку, якъ й панъ мій, маю душу,
А вразъ зъ воломъ тягнуты мушу.
Ще навить бильше, якъ и вилъ,
Бо хоць въ ночи спокійный винъ,
А я якъ день—за плугомъ ходжу,
Ничь прыйде—йду я на сторожу.
И такъ ажъ лито все мыне,
Женуть на панщыну мене.
Чы йивъ що, чы ни—не пытають,
Дитей и жинку выганяють,
И скилько въ хати буде всихъ,
Никого не мынуть на-смихъ.
Царя, ни Бога не боятця,
Що-дня, що-свята такъ глумлятся.
Ажъ вже настане и зима—
Хлибъ въ пана е, въ Грыцька нема,
И панъ о тимъ якбы не знае,
Черезъ що бидный Грыцъ хлиба не мае.
Якъ йиде часомъ безъ [1]) село,
Не дывитця и не спытае,
Чы бидный въ свити Грыцъ що мае;
Абы у него все було.
По три дни хлиба я не бачу,
Не разъ зъ Марыною заплачу:
Що въ него псамъ его хлибъ е,
А въ мене дитямъ не стае.
Але, щобъ раментъ видбуваты,
Винъ каже гарци виддаваты
На бидни рукы вже дитей,
Або хто буде по смерты!

Сочинение свящ. и кавалера **М. Орловскаго.**

---

[1]) Мѣстный подольскій говоръ: *безъ*=чрезъ.

Авторъ этихъ стиховъ былъ священникомъ (впослѣдствіи протоіереемъ) с. Глядокъ, Проскуровскаго уѣзда, Подольской губерній, скончался въ глубокой старости десять лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ замѣчательный любитель мѣстной старины, помѣщавшій въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ свои весьма цѣнные труды по описанію разныхъ городовъ и мѣстечекъ Подоліи, имѣлъ большую библіотеку историческихъ сочиненій (болѣе цѣнныя книги переданы имъ еще при жизни въ библіотеку Подольской дух. семинаріи). Въ томъ же Каменецкомъ Древнехранилищѣ, гдѣ находится вышеописанная картина, есть принадлежавшая покойному Орловскому тетрадь разныхъ стиховъ и выписокъ изъ книгъ, большею частью на малорусскомъ языкѣ; среди этихъ стиховъ есть и вышеприведенные стихи, озаглавленные въ тетради такъ: „*До нещастя*“, а подъ стихами подписано: „1837 года, 13 декабря“.

На другой находящейся въ Древнехранилищѣ картинѣ изображенъ селянинъ такъ же, какъ и въ первой картинѣ: сидитъ подъ деревомъ въ позѣ глубокаго раздумья, а возлѣ него пара воловъ, запряженныхъ въ рало. Жены и панскаго палаца на этой второй картинѣ нѣтъ. Внизу слѣдующая подпись:

O Nieba! kiedyż, kiedyż te przykrości miną,
W których moie lata, dnie y godziny giną?
Pracuię, a nigdy nieznam pracy moiey końca,
Od wschodu ranney pory do zachodu słońca.
Czyliż się wyrok smutku dla mie nie odmienia,
Bym doznał w mem życiu choć moment ulżenia?
Dzwigam iarzmo niewoli, aż mie sił niestaie,
Co włożyli oddawna przemocy obyczaie.

Эта картина древнѣе первой. Кѣмъ составлены подписанные подъ нею стихи,—неизвѣстно.

Сообщ. свящ. **Е. Сѣцинскій**.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи „Основы“. Въ память только что умершаго бывшаго редактора «Основы», помѣщаемъ здѣсь три его записки къ Д. С. Камѣнецкому, завѣдывавшему типографіею Кулиша, при чемъ двѣ изъ записокъ относятся, повидимому, къ концу 1860 г., когда В. М. Бѣлозерскій готовился приступить къ изданію уже разрѣшенной ему «Основы». Третья записка писана весною 1861 г., такъ какъ статья Костомарова — *Воспоминаніе о двухъ малярахъ*, о которой въ этой запискѣ говорится, напечатана въ апрѣльской книгѣ «Основы» 1861 года.

1. «Весьма благодаренъ Вамъ, Даніилъ Семеновичъ, за присылку. Но такъ какъ произведеніе назначалось для сборника, то мнѣ необходимо знать, былъ-ли согласенъ Пантелеймонъ Ал. [1]) на передачу мнѣ онаго произведенія.

Не теряю надежды вскорѣ съ Вами увидѣться. Было бы очень для меня полезно, если бъ Вы потрудились: 1) привести хоть въ приблизительную извѣстность, сколько книгъ «О винокуреніи» продано и доставить мнѣ для отправки деньги; 2) привести въ точную извѣстность, сколько взято мною изъ денегъ, должныхъ Пантелеймономъ Ал. Н. Н. Катенину [2]) и могутъ-ли быть возвращены теперь остальныя; 3) показать мнѣ печатные листы разныхъ форматовъ и шрифтовъ изъ Вашей типографіи съ назначеніемъ цѣны; 4) пока-

---

1) Кулишъ.

2) Сколько приходилось слыхать, отъ этого Катенина получены были деньги на изданіе „Основы“, при чемъ указывается и цыфра ихъ—20 т. р. *Ред.*

зать образцы хорошей печатной бумаги (какъ въ Искрѣ, Арх. Вѣстникѣ, Volumina legum) и опредѣлить ихъ цѣну.

Мнѣ необходимо напечатать 600 экз. объявленій на большихъ почтовыхъ листахъ. Нѣтъ ли у Васъ въ виду и такой бумаги, которая была бы не дорога и не пропускала.

Вашъ В. Бѣлозерскій».

2. «Очень жаль, что мы это время не видѣлись. Я такъ былъ занятъ, что рѣшительно не имѣлъ возможности забѣжать къ Вамъ. Завтра уѣзжаю въ Москву и ворочусь черезъ недѣлю, въ понедѣльникъ. Отъ души радуюсь за П. Ал. Мнѣ извѣстно, что онъ ѣздилъ къ Ригельману, который живетъ подъ Черниговомъ.

Прошу Васъ собрать мнѣ, къ пріѣзду, побольше адрессовъ и вручить посылаемый пакетъ въ Стрѣльнѣ.

Вашъ В. Б.

Мнѣ уже отвѣчають кіевскіе профессора. Одинъ профессоръ даже прислалъ пѣсню «Чумакъ» на малороссійскомъ языкѣ!

Нельзя ли помѣстить объявленіе объ «Основѣ» въ *Нар. Чтеніи* (хоть краткое)».

3. «Посылаю Вамъ, Даніилъ Семеновичъ, цензорскіе листы. Обратите вниманіе на *Двухъ Маляривъ*: они напечатаны въ противность цензорскому замѣчанію, за что́ я получилъ замѣчаніе и предостереженіе. Вамъ извѣстно, что я не держалъ корректуры этой статьи; поэтому не трудно рѣшить, кто оказалъ такую опасную услугу и мнѣ, и П. А., и Костомарову. Если Вы сравните корректуры стиховъ и проч., то также убѣдитесь въ основательности моего негодованія.

Въ цензурномъ комитетѣ удержали билетъ за неполученіемъ книгъ изъ типографіи. Почему Вы не послали въ комитетъ и главн. правленіе? Это обязанность типографіи. По сдѣланному въ четвергъ еще распоряженію, переплетчикъ долженъ былъ доставить 8 экземпляровъ.

Прошу Васъ прислать мнѣ конецъ (набранный, но не сверстанный) Выговскаго [1]) и извѣстите, что у Васъ еще набрано и что́ Вы согласны изъ того отпечатать. Потрудитесь привести это въ ясность.

---

[1]) Статья Костомарова *Гетманство Выговскаго* напечатана въ апрѣльской и майской книгахъ „Основы" 1861 г.

За школу весьма благодаренъ. Если Вамъ будетъ угодно, то позаботьтесь о доставленіи статьи объ изданіи Вашихъ пѣсенъ-брошюръ. Пантелеймонъ Ал. не попроситъ ли Николая Ив. о Хмельнищинѣ?

Вашъ покорный слуга В. Бѣлозерскій».

Письмо П. А. Кулиша въ Буковину, 1861 года. Печатаемое здѣсь письмо найдено въ бумагахъ Д. С. Каменецкаго [1]), въ подлинникѣ, изъ чего видно, что оно не было отправлено по адресу; но это не мѣшаетъ интересу, представляемому этимъ посланіемъ для характеристики общественной дѣятельности Кулиша.

«Чесни панове! Дякую Вамъ зъ души за ваши гарни лысты. Шкода велыка, що въ Васъ мижъ письменнимы людьми таки ростыркы, а ще гирша шкода, що не вси письменни люде шанують, такъ якъ вы, мову народню. Думы вашого поэта Федьковича дуже вподобавъ я. Трохи, чы не первый се ще въ васъ поэтъ! Треба вамъ, прытьмомъ треба зъ нашою словесностью бильшъ обзнаватысь, щобъ одна була поэзія и въ васъ, и въ насъ. Федьковичъ прыслухавсь до народнихъ писень, тимъ винъ и риднійшый намъ одъ усихъ иншихъ вашихъ поэтивъ. Народня писня була взоромъ и нашому Шевченкови. Вже жъ прошу вашои ласкы, не одризнайтесь одъ насъ. Нехай соби львивське *Слово*, якъ хотя мудруе, а вы йдить однию зъ намы дорогою.

Коліи въ мене не скинчени, и не знаю, колы скинчу, а то бъ я заразъ уволйвъ вашу волю и выславъ бы вамъ рукопись. Не одно въ мене дило: я пышу й московською мовою, повертаючы на добру дорогу тихъ, що нашои ридноп мовы не розуміють. Праведно вы, панове, постерегли, що литература въ насъ не циль, а способъ. Намъ аби люде сталысь людьмы. Тымъ-то мы опричъ книжо́къ, ще заводымо й школы таки, щобъ зъ нихъ выходылы *люде*. Ото жъ намъ и не до смаку таки утворы, що тилько нижать серце та морочать солодкимъ о́дуромъ голову, а духу народнёго, праведно людського не пидиймають угору. Журналъ нашъ *Основа* не дуже розбирае, чого що́ стоить и шкодыть чистому смаку мовы народнёи, а

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., май, 222.

тимъ часомъ псуе й здоровый розумъ крытыкы народнёи. На той дикъ, може, зачнемо выдаваты газету таку, щобъ держаты нашихъ земляквивъ на добрій дорози. А поки що выпиджаю я оце погуляты по Европи, та покупатысь у мори, щобъ набраты сылы до новои праци. Визьму зъ собою кныжокъ, чы не знайду способу переслаты ихъ вамъ изъ Берлина або-що. Прожыватыму на первыхъ часахъ у Ныцци. Пишите до мене туды poste restante, колы ваша ласка, та й сповистить, чы дойшлы до васъ мои кныжкы.

Щыропрыхыльный до васъ обохъ, мои кохани панове, П. Кулишъ. Р. Б. 1861, квытня 9. С.-Петербургъ.

Пренумерантивъ у насъ на вашъ часописъ не знайдетця. Уже одно те, що не кырылыцею, панове, друкуете, оджахне одъ ёго. Треба бъ уже однаково намъ пысаты всимъ. Мы свій *ёрз* (ъ) тилько дочасно ставымо, поки побильшае нашои пысьменнои громады. А то знаете, прывыклы на церковныхъ та на московськыхъ кныжкахъ, то й спотыкаютця; усе здаетця, що слово не допысане».

Надпись. W. Pan Kobylański, g. n. u. teolog 4 r. *Czernowitz* (*Bukowina*).

Изъ семейныхъ отношеній нач. XVIII вѣка. Печатаемое здѣсь (по подлиннику) письмо пишетъ дочь нѣжинскаго полковника Степана Забѣлы, Настасья, бывшая замужемъ за внукомъ переяславскаго полковника Дмитрашка-Райча Алексѣемъ Марковичемъ[1]), къ своему «свату», бывш. лубенскому полк. есаулу Андрею Петровскому. Содержаніе письма не требуетъ объясненій. Интересенъ вопросъ—кѣмъ писано письмо: самою ли «Алексѣевою Думитрашковою» или кѣмъ другимъ, по ея порученію. Почеркъ письма не писарскій, но несомнѣнно, что письмо писано не самою «сватовою», которая, хотя и была дочерью богача-полковника, но писать не умѣла, какъ и всѣ тогдашнія малорусскія женщины; послѣднія писать научились лишь во втор. полов. XVIII вѣка.

А. Л.

«Благородний мосцѣ пане Андрей Петровский, ласкавый намъ приятелю и пане свату.

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., II, 405.

Листъ писанный отъ вашмосцѣ пана получила 10 генвара, въ которомъ прописалъ вашмосць, что сынова ваша, а моя дочеръ Іуліяна сщаста збираючи к себѣ якъ не потребно жонокъ, и съ ними гуляніе справляетъ, а о господарствѣ и дѣтяхъ, якъ описуешъ вашмосць, не дбаетъ нѣ мало, что я тому ея гулянню нѣмало не благодарна; вашмосць же, якъ отецъ ей и дѣтемъ, всячески силенъ возбранить и запретить, да и наказать, дабы она того вовся поперестала. А худобу, которая імѣется, в себе изволте до зросту дѣтей содержать, перстенки и прочія вещи пожалуйте, пожалуйте (*sic*) в себе удержать, и ей нѣмало не дать, бо и я рада б вседуш (sic) отвѣдатися и розговоръ имѣти с вами, тилко жъ, якъ видите и сами, непостоянная дорога; ежели ж Господь подастъ хотя мало дорога полѣпша, то и сама обѣщаюсь повидѣтись с вами. При семъ зостаю вашмосцѣ пану всего добра зичливая сватова Анастасія Забѣловна, Алексѣева Думитрашкова.

З Березани. 1738 год, генваря 6 д.

P. S. Прошу вашмосцѣ пана сей листъ, котораго посилаемъ до пана асаула полкового лубенского хотя своимъ козакомъ одослать и вручить кому надлежитъ».

Надпись. «Благородному его милости пану Андрею Петровскому, ласкавому намъ пріятелю и пану свату належитъ. В Городищи.

Пѣсня изъ крѣпостнаго быта „про галаганцивъ“. Запись малорусскихъ пѣсенъ изъ крѣпостной жизни крестьянъ начата вслѣдъ за ихъ освобожденіемъ. Едва-ли не первымъ записателемъ ихъ былъ извѣстный другъ малорусской народности Левъ Мих. Жемчужниковъ: черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, на страницахъ февральской книги *Основы* за 1862 г., напечатаны имъ шесть пѣсенъ, сложенныхъ народомъ подъ тяжестью крѣпостнаго состоянія. [1]) Въ числѣ этихъ пѣсенъ помѣщена и слѣдующая:

Наступае чорна мара
А другая сыня,
Не заступыть сынъ за батька
А батько за сына и т. д.

---

[1]) Позднѣйшую запись пѣсенъ изъ крѣпостнаго быта см. въ сборникѣ пѣсенъ г. Гринченка. (Черниговъ, 1899 г.), стр. 932 и слѣд.

Въ концѣ пѣсни читаемъ слѣдующія строки:

У нашои økономши
Червона спидныця,
Ой выходять билозирци,
Якъ сходыть зирныця;
У нашого оконома
Сивая кобыла,—
Ой побыла билозирцивъ
Лыхая годына и т. д. [1])

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что пѣсня эта сложена не *бѣлозерцями*, т. е. не крестьянами помѣщиковъ Бѣлозерскихъ, а существовала и раньше, и крестьянами Бѣлозерскихъ лишь пріурочена къ своему положенію—вставкою фамиліи помѣщика. Какъ одинъ изъ варіантовъ этой пѣсни, приводимъ здѣсь пѣсню про «галаганцивъ», т. е. пѣсню о галагановскихъ крестьянахъ, обращающую на себя вниманіе и тѣмъ, что найдена она въ бумагахъ Гр. Павл. Галагана († 1888 г.), *собственоручно имъ переписанная*.

А. Л.

—

— Ой высоко сонце сходыть, а нызько заходыть,
Ой ходыть пипъ по вивтарю, та лысты чытае:
«Чому, чому галаганцивъ у церкви не мае?
— Ой якъ же намъ, нашъ батюшка, до церквы ходыты,—
Загадують десятчики въ клуни молотыты.
Що братъ косыть, що братъ косыть, а батько молотыть,
Сестра у насъ одыныця—тай та кирпичъ носыть.
Пишлы нашп жита жаты, силы спочиваты,
Озирнутця назадъ, ажъ йиде Лученко, [2]) канчукъ росправляе,—
«Чому, чому галаганцивъ по трое немае?»
— Ой якъ же намъ, паноченьку, по трое ходыты,
Покинулы малыхъ дитей никому глядиты!
Ой въ нашои Галаганши жовтая спидныця,

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ сказано, что она записана „въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниг. губ.“, гдѣ находились имѣнія Бѣлозерскихъ; мы лично слыхали въ дѣтствѣ (въ сороковыхъ годахъ) эту пѣсню пѣтою одною древнею старухою въ с. Гирявкѣ, Конотоп. у., гдѣ тоже находилось имѣніе Бѣлозерскихъ. Кстати замѣтимъ, что б. редакторъ „Основы“, напечатавшій эту пѣсню, былъ довольно близкій ихъ родичъ.

[2]) Вѣроятно, одинъ изъ „экономовъ“.

Идуть наши жинки зъ жнививъ вже зійшла зирныця.
У нашого Галагана вышивана хустка,
Буде въ нашихъ Озерянахъ [1]) не одна хата пустка!
У нашого Лученка билая кобыла,
Ой побыла галаганцивъ лыхая годына!

Показаніе о службахъ лубенскаго полковаго есаула Андрея Петровскаго. (1678—1712 гг.). Печатаемое здѣсь показаніе полк. есаула Петровскаго о его службахъ сохранилось въ двухъ спискахъ [2]), изъ которыхъ одинъ, какъ видно по почерку и по языку, написанъ былъ гораздо раньше второго, относящагося къ концу XVIII в. Оба эти списка другъ друга пополняютъ, почему нѣкоторыя записи здѣсь печатаются по обоимъ спискамъ, при чемъ, находящіяся въ позднѣйшемъ спискѣ, помѣщаются подъ строкою.

Показаніе Петровскаго заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ подробностей изъ военной жизни гетманщины к. XVII и нач. XVIII столѣтій, незанесенныхъ въ тогдашнія лѣтописи, почему мы и нашли нужнымъ напечатать этотъ документъ полностью. Особенно интересны здѣсь упоминанія о «ватагахъ» (Папугѣ, Плякѣ и друг.); повидимому, это были своего рода партизаны, рыскавшіе «по дикимъ полямъ татарскимъ», съ цѣлію добывать «языка» и съ помощью его предупреждать нечаянные набѣги татаръ. [3])—Интересны подробности осады Азова, объ услугѣ за которую гетманскихъ козаковъ Петръ В. нашелъ нужнымъ подробно упомянуть, извѣщая патріарха о взятіи Азова.

Извѣстіе о «запорожникѣ» Пинчукѣ, разорявшемъ окрестности Кременчуга, сколько знаемъ, совсѣмъ новое.

---

[1]) Село Озеряны, Лохвицкаго уѣзда, при крѣпостномъ правѣ принадлежало не Гр. Павл. Галагану, а дядѣ его Петру Григорьевичу Галагану...

[2]) Они получены нами, вмѣстѣ съ другими бумагами Петровскихъ, отъ П. В. Новицкаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность.

[3]) Лизогубовская лѣтопись, говоря объ этихъ „ватагахъ“, замѣчаетъ, что „изъ тѣхъ ватаговъ значнѣйшій былъ Семенъ Палѣй..“ *Сборн. Лѣтоп.*, 1888 г., стр. 36.

Нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ въ показаніи событій мы обозначили точнымъ временемъ, въ которое они произошли. О самомъ Петровскомъ мы знаемъ немного: онъ былъ сначала сотникомъ городисскимъ (м. Городища), а потомъ полковымъ есауломъ. Подъ конецъ жизни онъ писался «знатнымъ товарищемъ», изъ чего видно, что онъ дожилъ до такой старости, когда долженъ былъ оставить свой урядъ. Онъ былъ живъ еще и въ 1738 г., какъ видно изъ напечатаннаго выше (стр. 4) къ нему письма его «свахи». Послѣ него остался сынъ Филиппъ, который тоже занималъ (въ 1742 и слѣд. гг.) городисскій сотничій урядъ.

А. Л.

—

«Доношеніе даю въ службѣ своей ея императорскаго величества, якъ сталемъ служить въ походахъ военнихъ, въ року 1678.

1. Походъ мой подъ Чигиринъ, когда турчинъ взялъ Чигиринъ, билемъ съ отцомъ своимъ на той службѣ.

2. Якъ намѣровалъ турчинъ подъ Кіевъ прійти, тогда въ войску билъ; и посилано насъ, вибравши съ полковъ, съ Павломъ Папугою, ватагомъ, козакомъ полтавскимъ, и ходилисмо за Бугъ и взяли татаръ человѣка 2-хъ на Куялникахъ, якіе татаре сказали, же турчинъ повернулся назадъ къ Царюгороду, и тихъ язиковъ отдали гетману Ивану Самуйловичу.

3. Якъ Григорій Григоріевичъ Ромодановскій ходилъ подъ Козацку Дуброву и пакта мирніи съ турчиномъ и зъ ордою постановили, на тотъ часъ и я билъ.

4. Якъ Василій Василіевичъ Голицинъ зъ гетманомъ Иваномъ Самуйловичемъ пошли били на Кримъ и вернулися отъ великого луга, и я въ томъ походѣ билъ.

5. Якъ Самаръ робили городъ, чрезъ все лѣто, и я въ томъ походѣ билъ. (1688 г.)

6. Повторе, когда Василій Василіевичъ Голицинъ ходилъ подъ Перекупъ зъ гетманомъ Мазепою и подъ Перекопомъ били, и я тамъ билъ. (1689 г.)

7. Походъ завжды хожувалемъ у поля́ зъ ватагамы Пляко̀ю, Кулимомъ, Ковалчикомъ и Рубаномъ, по поляхъ дикихъ татарскихъ, искаючи татаръ, и розбивали ихъ и отдавали гетману Мазепѣ; зо всѣми тими ватагами и я ходилъ [1]).

---

[1]) Изъ Иваномъ Плякою полтавскимъ посилали насъ для язика и взяли человѣка восемъ татаръ на . . . . (неразобрано) и отдали гетману Самойловичу, и съ тими жъ язики и на Москву ходили.

8. Походъ, якъ Петрикъ виходилъ влѣтку изъ ордою и городки по-надъ Орѣлю поприверталъ билъ подъ себе онъ, Петрикъ, прелестью своею, гетманъ посилалъ зъ войсками вибранними теперешнего ясневелможного пана гетмана (полковника миргородского Апостола) противку Петрика, якъ зъ ордами вибили и прогнали зъ Украины, и я въ томъ походѣ билъ (1692) [1].

9. Якъ виходилъ Батейча изъ ордами и вдарилъ въ полкъ Переясловскій на села, нашъ полкъ Лубенскій стоялъ въ Веремѣевцѣ на тотъ часъ, а они виправили съ кошемъ... вдарили подъ насъ, теди ми тогда (sic) ихъ много покололи, а живыхъ взяли человѣка 30, въ якомъ походѣ я билъ. (1694 г.) [2].

10. Гетманъ посилалъ Ілию Новицкаго подъ Очаковъ и нашого полку Лубенского приданно ему тисячу подъ коменду его; и ходили подъ Очакувъ и посадъ спалили и ясиру много побрали. Тогди въ томъ походѣ я билъ сотникомъ. (И я тогда жалованъ сотникомъ).

11. Якъ гетманъ посилалъ подъ Казикерменъ полкъ нашъ Лубенскій и (съ?) Палѣемъ и тогда стрѣтились надъ Ингулцемъ зъ ордою, и тамъ взяли человѣка вусемнадцать, и подъ Казикерменъ пришедши, посадъ спалили и много ясиру побрали. И я тамъ билъ сотникомъ [3]).

12. Якъ посилалъ гетманъ Якова Лизогуба, полковника чернѣговского, съ полками и съ Палѣемъ за Днѣстръ, подъ паланку, якую паланку добули и селъ много попалили и ясиру много набрали, въ якомъ походѣ я билъ сотникомъ (1694 г.).

13. Когда Борисъ Петровичъ Шереметовъ зъ гетманомъ ходилъ подъ Казикерменъ, въ томъ походѣ Казикерменъ добули и людей посадскихъ совсѣмъ побрали, въ томъ походѣ и я билъ сотникомъ (1695 г.).

---

[1]) И много татаръ побили и живцемъ побрали, такожъ и ясиръ отбили многъ.

[2]) Якъ орда била подъ Переясловлмъ, селъ много попаливши тамъ и людей подрали, а подъ Веремѣевку на насъ ударила, тоди ми вибѣгши, тамо много подъ Переяславлмъ орди побили...

[3]) Якъ Палѣй ходилъ подъ Казикерменъ зимного часу, тогди и нашему полку Лубенскому приказано ити зъ онимъ же Палѣемъ и тогда били орду на Гардарской (?) и много татаръ побрали тамъ, а пришедши отъ Казикерменъ, посадъ спалили и коло города все спустошили.

14. Якъ Петрикъ виходилъ зимою и подъ Говтвою Гадяцкій полкъ разбилъ и всѣ орди подъ Миргородъ пришли, тогда полковникъ Свѣчка придавши мнѣ двадцать человѣкъ, послалъ мене зъ Миргорода, и тамъ я татарина поймалъ, якій татаринъ сказалъ: уже всѣ орди маютъ вернутися, поневажъ рѣки не мерзли. И я тамъ билъ сотникомъ. (1696 г.).

15. Когда билъ указъ достойной и блаженной памяти его императорского величества Петра Алексѣевича до гетмана, аби зъ Украины далъ войска подъ Озовъ, а подъ Озовомъ сидѣли въ шанцахъ шесть недѣль, добуваючи Озова. И тамъ приказалъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ полковнику Свѣчкѣ аби под... [1]) подкопался; и мнѣ полковникъ Свѣчка приказавъ тое. Теди я зъ своею сотнею и приданнихъ до тоей сотни Чорнусскую и Сенецкую, съ которыми стали про..... чинити; потомъ подкопавшись подъ раскатъ, гармати капатами повитягали, бой превеликій учинили съ турками и зъ роскату ихъ вибили; и я зъ своею корогвою сѣлъ на валу, а бой билъ отъ обѣда до полночи, не толко стрелбою, но и ручно бились камѣнямъ; а въ свѣтѣ (?), третой годими, стали проситись на миръ, и вишло три аги, а мене съ товарищи дали взамѣну въ Озовъ, поки они переговоръ униили (учинили?) въ шатрѣ государевомъ. Тогда я билъ сотникомъ. (1696 г.)

16. Якъ били князѣ Долгорукіе въ Бѣлгородѣ, тогда велѣли полкомъ судна на море робити гетману, и тие суда я и спускалъ чрезъ дванадцять пороговъ; и тогда билъ Протасьевъ Неплюевъ, спускалъ суда государевы зъ запасами. Тогда я билъ сотникомъ.

17. Когда таборъ оставили великороссійское и малороссійское войско, тогда послалъ мене гетманъ на стражъ въ Качкасъ, аби орда не вдарила. Тамъ я билъ. [2]).

18. Походъ съ полковникомъ стародубовскимъ Миклашевскимъ, посилано и нашъ Лубенскій ему придано съ прочими полками, подъ

---

[1]) Неясно написанное слово; м. б. *ласкар.*

[2]) Якъ князѣ Долгорукіе били въ Бѣлгородѣ и тогда я судъ (суда?) спускалемъ черезъ пороги при Семену Протасіеву Неплюеву, а спустивши суда черезъ пороги, поставилъ мене гетманъ на стражи въ Кучкасѣ, а самъ пошолъ водою до Таванѣ, на якой службѣ я билъ сотникомъ.

Биховъ и Билцѣкевича взяли, въ якой службѣ билъ я асауломъ полковимъ. (1702 г.) [1])

19. Подъ Печерами подъ Песковомъ (Псковомъ) посилавъ нашъ полкъ Лубенскій перве Подалистовъ (?) и приказавъ Шереметовъ, чтобъ ударили на самый празникъ Рождества Христова, а придалъ до насъ Лопуха самопять.

20. Потомъ велѣлъ намъ Шереметовъ ити въ походъ зъ собою подъ Юркевъ Леонскій (т. е. Ливонскій) и розбили тамъ генерала шведского, и тамъ я билъ асауломъ полковимъ лубенскимъ. [2]).

21. Якъ Михаило Ивановичъ Гонцовъ (Кольцовъ?) Масалскій билъ у Бѣлагородѣ и получилъ указъ, жеби запаси вибѣрать зъ Казикермена и зъ Таванѣ, и городки порозбивать, билъ я тамъ асаул. полковимъ.

22. Якъ у Полщу ходили, тогда самъ билъ императоръ въ въ Тунску (Минску?) и посилалъ Менщикова, Григорія Федоровича Долгорукова князя и тогда велѣно нашему войску лубенскому ити зъ ними до Угродна ити... висвобождаючи войска великороссійскіе, и мене ординовали туда, давши мнѣ 150 человѣкъ. И пошли передомъ до Угронда съ князями и висвободивши войска зъ Угродна и запаси великіе побравши, пришли до Киева вцѣлости. И тамъ я былъ асаул. полков.

23. Подъ Полтавою на баталѣи билъ и до Русской Косы за шведомъ гонили съ княземъ Волохонскимъ и тамъ я былъ ас. полк. [3])

24. Когда ходили до Каманого Затону зъ генераломъ Бутурлинымъ, запаси повибѣрали и Самаръ роскидали и Кодакъ розгребли (sic), билъ я тамъ асаул. полк. луб. (1711 г.)

---

[1]) Подъ Биховомъ билъ, якъ добували Бѣлигевича; когда виходъ (Быховъ?) хотѣлъ здатися и виславли сюда Змару (?) и Александровича, и Косташа, а мене дали взамѣну въ Биховъ.

[2]) Гди указъ билъ къ гетману, жеби висилалъ войско подъ Печеры противку шведа, теперешнего ясневелможного пана гетмана Апостола назначено било намъ комендѣромъ; а ишлисмо подъ команду его пр-ва г. генерала Б. П. Шереметова, где повсе лѣто и зиму чинилисмо баталѣи подъ Листовомъ и въ прочіихъ мизахъ.

[3]) Приказано нашему полку и Переясловскому гонити за шведомъ съ княземъ Волохонскимъ и гонили до Русской Коси и тамъ не малое число узяли шведовъ въ Русской Коси.

25. Якъ съ полковникомъ Церцовимъ на той бокъ Днѣпра ходили и тамъ Чигиринъ, Вороновку и Криловъ спалили, людей на сю сторону отъ тудова перегнали, и тамъ я билъ асаул. полк. (1712 г.?)

26. Когда запорожникъ Пинчукъ, зобравши собѣ своеволниковъ и. . . . вщиковъ, противъ его императорского величества многіе пакости людемъ чинилъ: кременцуцкимъ, уласовскимъ, городискимъ, криловскимъ, подпадаючи подъездами, добра ихъ забирали и самихъ людей забираючи, въ неволю, туркамъ и татарамъ, продавали, послано насъ двухъ асауловъ полковыхъ, мене и Клима, полку Миргородского, за якими гонили двое сутокъ, и догнали его на Саксаганѣ, и тамъ его осадивши, добували цѣліе сутки, и забили ихъ сорокъ человѣкъ и одного, а тридцять человѣкъ взяли живцемъ, и самого ватага Пинчука припроводивши и отдали теперешнему гетману.

Случай на монастырской ярмаркѣ, 1757 г. При Густынскомъ Троицкомъ монастырѣ изстари собирается на Тройцу ярмарка. Густынская ярмарка особенно процвѣтала въ XVIII в., привлекая къ себѣ населеніе чуть не всей *степной* Малороссіи. На время этой ярмарки монастырь назначалъ одного изъ своей братіи смотрителемъ за порядкомъ на ней, при чемъ смотритель этотъ назывался *базарнымъ*. На густынскую ярмарку пріѣзжало много мѣщанъ изъ недалекаго полковаго города Прилуки для торговли здѣсь всякою всячиною; торговали прилуцкіе мѣщане тутъ и водкою.. Въ числѣ нѣсколькихъ шинковъ, открытыхъ на густынской ярмаркѣ въ 1757 г., два шинка было открыто прилуцкимъ войтомъ Семеномъ Сластеникомъ; въ одномъ изъ нихъ торговала его жена, а въ другомъ—дочь. Вотъ эту дочь чѣмъ то обидѣла на ярмаркѣ жена прилуцкаго мѣщанина Трофима Тарасовича; *войтовна* пожаловалась матери, мать—мужу-войту, а послѣдній—тогдашнему *базарному* о. Афанасію, который тутъ же распорядился обидчицу посадить въ «тюрму». Мужъ арестованной бросился къ *базарному*, говоря, что если его жена чѣмъ и обидѣла дочь войта, то они разсудятся своимъ судомъ въ Прилукѣ, а потому и просилъ *базарнаго* отпустить жену его на свободу. Но *базарный* отвѣчалъ Тарасовичу такимъ ударомъ «въ щоку», что тотъ «не устоялъ на ногахъ и повалился на землю»... А затѣмъ, *базарный*

распорядился привести жену Тарасовича и тутъ же приказалъ положить ее и—«бить плетьми нещадно». Не удовлетворившись этимъ, *базарный* приказалъ, «на одни пздѣвки», и «мужа положить на женѣ и бить плетьми безмилосердно». Поруганный Тарасовичъ отправился въ прилуцкую ратушу и просилъ описать «боевые знаки» на немъ и на женѣ его, причемъ оказалось, между прочимъ на женѣ Ефросиніи «правой ноги стегно весьма побито и синіокриваво и опухло, колѣни оба позбиваны» и проч. Съ этимъ «свидѣтельствомъ» Тарасовичъ обратился къ тогдашнему густынскому игумену Митрофану Горленку, прося у него суда, но «оной Афанасій, не удоволясь тѣмъ преждеприключеннымъ Тарасовичу и женѣ его увѣчьемъ и безчестьемъ, за призывомъ его къ игумену, при намѣстнику тамошнему, экономy и другихъ іеродіаконахъ, бранилъ Тарасовича сучимъ сыномъ, шельмою и каналіею...» Тарасовичъ пожаловался въ прилуцкую полковую канцелярію, а канцелярія только и могла, что опять попросила игумена Митрофана «учинить Тарасовичу справедливость», но игуменъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ «того чинить не позволялъ, то и вступаться въ это дѣло не станетъ...». Но Тарасовичъ былъ настойчивъ и обратился съ жалобою къ самому кіевскому митрополиту, который жалобу эту передалъ въ консисторію. Здѣсь подобныя дѣла не залеживались, если жалобщикъ былъ умѣлъ и расторопенъ. Въ концѣ января 1758 г. консисторія предписала игумену Митрофану произвести по жалобѣ Тарасовича слѣдствіе; черезъ два мѣсяца «начальникъ Густынскаго монастыря» Митрофанъ донесъ «въ духовную митрополіи кіевской консисторію», что «надлежащее слѣдствіе и рѣшеніе имѣетъ быть учинено», а въ нач. апрѣля «прилуцкій мѣщанинъ Трофимъ Тарасовичъ и іеромонахъ Афанасій», «не входя въ бóльшую контроверсію, по любви христіанской и снисхожденію христіанскому—примирилися», о чемъ и было донесено въ Кіевъ. Засимъ, повидимому, всѣ были удовлетворены, а въ томъ числѣ, конечно, и «члены»: «катедральный намѣстникъ іером. Лука, катедральный уставникъ іером. Сифъ, реентъ іерод. Іаковъ и канцеляристъ Леонтій Пѣнчуковъ», подписавшіе указъ игумену Митрофану о слѣдствіи.

Объявленіе А. Л. Метлинскаго [1]. «Издавши въ 1839 году «Думкы и Писни», а потомъ въ 1848 году «Южный Русскій Зборникъ», на малороссійскомъ языкѣ, я намѣренъ приступить къ напечатанію 2-й книжки «Южнаго Русскаго Зборника», изъ сочиненій разныхъ авторовъ, но какъ несмотря на то, что изданія мои удостоились лестнаго пріема въ лучшихъ журналахъ и просвѣщенною публикою, у меня остается непроданными нѣсколько десятковъ «Думокъ и писень», напечатанныхъ въ числѣ 600 экземпляровъ (по рублю серебромъ за экземпляръ) и нѣсколько сотенъ «Южнаго Русскаго Зборника», напечатаннаго въ числѣ 1200 экземпляровъ (по два рубля серебромъ за экземпляръ) и я намѣренъ продолжать изданіе на деньги, вырученныя за продажу изданныхъ уже сочиненій, то посему обращаясь къ участію просвѣщенныхъ читателей въ успѣхахъ словесности, имѣю честь довести до свѣдѣнія ихъ, что продолженіе и усовершенствованіе предполагаемаго мною изданія будетъ зависѣть отъ содѣйствій ихъ въ распродажѣ уже изданныхъ сочиненій.—Амвросій Лукьяновъ Метлинскій, статскій совѣтникъ, въ Кіевѣ».

Какъ извѣстно, второй томъ Южно-русскаго Сборника въ печати не появлялся. *Ред.*

Письмо А. В. Марковича къ Д. С. Каменецкому, 1858 г. [2]

«Любый вирный прыятелю, коханый земляче, пане Данылу!

Хочъ разъ да гораздъ, мовлялы добры люде, то й вы такъ однымъ своимъ дотепнымъ лыстомъ сплатылы усю мою корреспонденцію. Дуже жалко васъ, що кинци вамъ не стикають [3]. Прохавъ бы я васъ, братику, братерську помичь одъ мене прыняты и хочъ трохы одъ мене порятоваться, якъ я колысь ратовався вамы. Мыни п. К. не оддае грошей 50 карб. изъ 100 колысь (въ 1847) позыченыхъ и тилки половыну выплаченыхъ. Хочъ я якъ до ёго удавався, винъ и грошей не шле, и словомъ добрымъ не обзывается. Дакъ я

---

[1]) Найденное въ бумагахъ Г. П. Галагана объявленіе даты не имѣетъ, но оно относится къ нач. 50-хъ гг., когда Метлинскій жилъ въ Кіевѣ.

[2]) Настоящее письмо Аф. Вас. Марковича (см. Кіевск. Стар. 1892 г., сентябрь, 405) интересно по заключающимся въ немъ свѣдѣніямъ для исторіи малорусскихъ разсказовъ „Марка Вовчка". *Ред.*

[3]) Т. е., что концы у васъ не сходятся.

мушу поличыты ти грошы пропащымы для себе: чы винъ забувъ, чы роспыска, данная имъ мыни, а мною втраченая, его вдержуе, чы дожыдае гиршого для мене часу, щобъ мене тоди зрадоваты выплаткою, якого бъ тамъ не було, а я перше въ голову заходывъ, а теперъ и рукою махнувъ. Посылаю вамъ, однакъ, записъ на оддибранне вамы тыхъ грошей. Колы вамъ тяжко такъ, якъ вы пышете, то позычывши у вовка очей, порунтаете (sic) тимы грошима п. К., а винъ бачучы вашы нестаткы, може й выплатытьця. А вы мыни, якъ розжыветесь, колысь оддасте, не наварyючысь,—бо зновъ вамъ кажу, ничого я тутъ не втеряю, бо не даю ничого и самъ бы николы не мавъ и васъ бы для себе такою згиршою працёю не клопотавъ, и якъ бы й справди вы захотилы той зыскъ мыни переслаты, то зновъ ёго передъ очыма матымыте, бо я не такый, щобъ добрыхъ людей на таке тяжке дило, якъ зыскъ моихъ грошей для мене, настромлювавъ. Дило выдне. Для себе самыхъ волю маете, для своеи гиркои нужды, правыть грошы, для мене—ни.

Шановному добродіеви пану Тарасу дякую за мылу его памъять, навикы дякую. Нехай мылосердный Богъ его збереже середъ камьяныць петербурськыхъ, такъ якъ заховавъ своею небесною ласкою середъ пискивъ кайсацькыхъ, щобъ прожывъ винъ довго у тепли душевному и спокои тилесному на спожытокъ, на корысть вишню людямъ. Колы намъ [1]) доведеться що ще переслать вамъ у друкъ, показуйте тее п. Тарасови, нехай винъ провирыть своима очима, справыть своею рукою, особлыво, колы станеться се безъ п. Кулиша, бо сей и самъ удаеться до рады «велыкого характерныка» мовлявъ п. Пантелій. Добре бъ, якъ бы винъ колы небудь на гулянци и надрукóване вже провивъ черезъ свою руку, а вы бъ переслалы той экземвляръ Вовчкови, на науку ему и найвыжшу надгороду (?). А я бъ казавъ, не одкладаючы друковаты п. Тараса; для обжывання, мовлялы вы, могла бъ полежаты кныжка у печатни вашій, да вже бъ була надрукована.

Георг. Збирныкъ одъ Давыдова маю, вже тры кныжкы. Колы яки грошы самымъ п. Пантеліемъ постановлени для Вовчка и вже выбралысь, за пакрыттемъ ростраты на Вовчка тыпографськои и *65 руб. напередъ на гостынецъ* высланыхъ, то не помылытесь, выславшы,

---

[1]) Т. е. мужу и женѣ.

бо мій Вовчокъ хоруе, ему треба ужываты чыстого воздуху, зажыты спокою, бачыты и одиляты ҷругыхъ. Отъ винъ и теперъ у сели, верстовъ зъ 10 одъ Немырова, зъ Богдасемъ жыве у селянськіи хатци, зъ Богдасемъ, тожъ слабымъ на груды. Думкою роскидае, щобъ и туды, и туды поихаты, а ничымъ. Въ насъ же е таки, щобъ хочъ далы на произды такій людыни, зъ которои ихъ имъя величнише робыться. Та що вже про себе казаты. Е справниши одъ насъ людци: отъ хочъ бы и п. Тарасъ, чимъ винъ перебываеться? Колы ему тяжко, завидомте. Не охота для себе прохаты, а за другыхъ — хочъ вылааты можно, кого треба. Такъ я вже справився торишнёго року зъ п. Галаганомъ за Пантелія Олекс.

Сеи жъ пошты пышу въ редакцію Русскаго Вѣстника въ Москвѣ, щобъ дала мыни одвитъ: якъ и що зъ Вовчка переводыты, що винъ самъ береться. Треба бъ и вамъ до ихъ напысаты, на ймовирность, що бильшъ права не мае нихто на сю работу, якъ мы. Обнимаю васъ дружнимъ поцилункомъ! А. М.

Спускаты цину мы не будемъ на Вовчка. А онъ Литовъ Степанъ,[1]) кажуть по $2^1/_2$ р. продае *Чорну Раду* (малор.), а Вовчка хотивъ у Кыиви передруковать на дешеву цину. Я одповидь давъ, що Вовчокъ на все добрее для народу согласенъ, тилько щобъ втраты не выйшло черезъ се п. Кулишеви, щобъ его объ тимъ поспыталы. Отъ ище що: нашъ ликаръ, що личыть насъ, та хоче замотаты II-й томъ *Зап. о Южн. Руси*, а вона зъ надпысомъ Кулиша. Такъ чи не можна другу, щобъ ему пидсунуть изъ тихъ грошей, що на Вовчка впадуть.

Пани моя прочытала вашъ лыстъ дружній на самимъ одъизди въ Ковализку, дакъ не впало одпысать, а поки що покланяется вамъ дружнимъ поклономъ, и прохала, щобъ цей лыстъ полічылы за нашъ спильный, яко однымъ мыромъ мазаный, бо я все тее, що пышу ій росказувавъ, и вона каже: стилькы добра напышешъ, що вже мени никуды.

Мая 7 дня. 1858. Немировъ».

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродавецъ.

Текущія извѣстія.

Поминки Т. Г. Шевченка. 1) *Въ С.-Петербургѣ.* «Въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка 26 февраля въ Петербургѣ была отслужена панихида въ Казанскомъ соборѣ, а вечеромъ въ союзѣ писателей прочтенъ былъ рефератъ объ украинствѣ и стремленіи Шевченка къ «святой правдѣ среди людей». Рефератъ законченъ былъ краткимъ указаніемъ на то, къ чему обязываютъ современниковъ поэзія и жизнь Шевченка и уваженіе къ его памяти современныхъ его почитателей. Послѣ перерыва П. И. Вейнбергъ прочелъ стихотвореніе—свой переводъ «Тополи» Шевченка, В. В. Лесевичъ—нѣсколько его стихотвореній; было и пѣніе. Потомъ возникла бесѣда по вопросамъ, вызваннымъ рефератомъ, затянувшаяся до часа ночи. Такой обмѣнъ мыслей какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ достойному чествованію памяти поэта, просившаго поминать его послѣ его смерти «не злымъ, тыхымъ словомъ». Группа членовъ союза писателей исполнила въ этомъ году завѣтное желаніе поэта поминками 26-го февраля». (Кн. Недѣли, мартъ).

2) *Въ Екатеринодарѣ,* 26 февраля въ залѣ женской гимназіи, литературная секція мѣстнаго музыкально-драматическаго кружка устроила чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Публики собралось весьма значительное количество.

Программа празднества, къ сожалѣнію, не вполнѣ осуществленная, вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ, носила скромный характеръ. Взойдя на красиво декорированную пальмами эстраду, на которой возвышался большой, хорошо исполненный бюстъ кобзаря, установленный на пьедесталѣ, убранномъ вышитыми малорос-

сійскими полотенцами, Д. А. Шаманскій прочелъ небольшой, но содержательный и изящно написанный рефератъ, посвященный характеристикѣ поэтической дѣятельности поэта, г-жа Бѣлая великолѣпно продекламировала «Перебендю», затѣмъ г-жа О. П. Короленко прочла собственное стихотвореніе на малорусскомъ языкѣ, посвященное памяти кобзаря и, наконецъ, Л. М. Мельниковъ прочелъ рефератъ о Шевченкѣ, какъ поэтѣ-гражданинѣ.

Вечеръ закончился пѣніемъ нѣсколькихъ украинскихъ піесъ. (Куб. Обл. Вѣд., № 47).

3) *Въ Асхабадѣ.* Отсюда нами получена слѣдующая корреспонденція. «26 февраля на далекой окраинѣ въ г. Асхабадѣ состоялось скромное чествованіе памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка проведшаго, какъ извѣстно, въ Закаспіи въ ссылкѣ около семи лѣтъ.

Еще за два дня въ двухъ мѣстныхъ газетахъ были напечатаны объявленія, приглашавшія публику на панихиду, которая и состоялась въ назначенное время въ мѣстномъ соборѣ. Священникъ Шаховцевъ передъ панихидой произнесъ прочувствованное слово, въ которомъ вкратцѣ очертилъ обликъ покойнаго поэта, а затѣмъ значеніе его въ украинской народной поэзіи и просилъ собравшуюся публику вознести молитву за упокой души поэта. Хоръ учениковъ Асхабадской воскресной школы стройно пропѣлъ панихиду. Послѣ панихиды тутъ-же въ церкви былъ сдѣланъ среди присутствующихъ сборъ пожертвованій въ пользу «общества имени Т. Г. Шевченка». Слѣдуетъ отмѣтить, что какъ священникъ такъ и хоръ служилъ и пѣли панихиду безвозмездно.

Вечеромъ въ циркѣ кружкомъ любителей-малороссовъ былъ въ память поэта Шевченка данъ спектакль. Представленъ былъ «Назаръ Стодоля». Сборъ со спектакля предназначался въ пользу мѣстной воскресной школы и фонда имени Шевченка. Когда поднялся занавѣсъ публика увидала, подъ сѣнью дерева, бюстъ поэта, а участвующіе въ пьесѣ любители въ національныхъ костюмахъ составляли группу вокругъ бюстъ. Красный бенгальскій огонь усиливалъ эффектъ живой картины. При первыхъ звукахъ молитвы «Коль славенъ» публика, какъ одинъ человѣкъ, поднялась со своихъ мѣстъ и этимъ почтила память дорогого поэта. Картина была настолько эффектна, что публика дружными аплодисментами заставила вновь поднять занавѣсъ.

Затѣмъ былъ представленъ «Назаръ Стодоля». Любители приложили много старанія, тѣмъ болѣе, что цѣль спектакля—была вспомнить и почтить память поэта, а лучше всего можно было сдѣлать это хорошимъ дружнымъ исполненіемъ его-же собственнаго произведенія. Этотъ день, посвященный памяти поэта Шевченка на далекой окраинѣ тамъ, гдѣ нѣкогда онъ провелъ тяжелые годы ссылки, останется надолго въ памяти живущихъ здѣсь почитателей поэта, и надо надѣяться, что начавшись въ этомъ году, такія поминки будутъ изъ года въ годъ повторяться.

4) *Въ Симферополѣ.* 26 февраля, въ соборѣ была отслужена панихида по Шевченкѣ, по иниціативѣ гостившей тамъ малорусской труппы.

5) *Въ Полтавѣ* мѣстный музыкально-драматическій кружокъ устроилъ 13 марта въ залѣ губернской земской управы вечеръ, посвященный памяти Шевченка. Читались произведенія Шевченка и пѣлъ мужскій хоръ.

6) *Въ Одессѣ* устроенъ былъ 13 марта въ залѣ литературно-артистическаго общества вечеръ въ память Шевченка. Прочтено было сообщеніе А. И. Маркевича «о значеніи поэзіи Шевченка». Затѣмъ исполнены были различныя положенныя на музыку произведенія Шевченка.

Въ Галиціи чествованіе 38-й годовщины смерти Шевченка происходило, по сообщенію газеты «Русланъ»:

1) *Во Львовѣ*, 26 февраля въ день смерти поэта устроенъ былъ въ залѣ почтоваго клуба концертъ. Исполнены были музыкальныя пьесы оркестромъ, хоромъ и соло, по преимуществу композиціи Н. В. Лысенка. Кромѣ того были номера декламаціи произведеній Шевченка.—Тамъ же 1 марта былъ устроенъ вечеръ гимназическою молодежью.

2) *Въ Коломыѣ*—устроенъ былъ вечеръ гимназическою молодежью.

3) *Въ Стрыѣ* устроенъ былъ 16 марта концертъ, при чемъ исполнены были многія произведенія Н. В. Лысенка.

4) *Въ Тернополѣ* устроенъ былъ 10 марта вечеръ.

5) *Въ Борщевѣ* устроенъ былъ 14 марта вечеръ съ пѣньемъ, декламаціей и живыми картинами.

Вечеръ въ память М. А. Максимовича. 14 марта въ залѣ литературно-артистическаго общества состоялся вокально-музыкальный и литературный вечеръ, посвященный памяти М. А. Максимовича, перваго ректора университета Св. Владиміра. Вечеръ открылся чтеніемъ реферата *В. П. Науменка.* Въ краткой, но выразительной рѣчи референтъ охарактеризовалъ дѣятельность покойнаго, какъ ученаго слависта филолога. Другой референтъ, *В. Б. Антоновичъ*, охарактеризовалъ покойнаго М. А. Максимовича, какъ родоначальника такъ называемой областной исторіи.

Вокально-музыкальная часть вечера прошла оживленно. Г-жа Зотова съ чувствомъ и художественной экспрессіей исполнила «Плачъ Ярославны» (въ перев. Максимовича), а г.г. Бритовъ и Внуковскій красиво и звучно пропѣли дуэтъ «Ой на гору козакъ воду носыть». Но больше всего понравилась публикѣ народная пѣсня «Ой у поли два явора», исполненная хоромъ, подъ управленіемъ Н. В. Лысенка.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка, въ С.-Петербургѣ. Объ этомъ вечерѣ, состоявшемся 20-го марта, получена редакціей отъ г. С. Н. слѣдующая корреспонденція. «Съ давнихъ поръ у насъ вошло въ обычай въ концѣ февраля или въ началѣ марта устраивать такъ называемый Шевченковскій вечеръ. До этого года устроителями, обыкновенно, являлись частныя лица, и самые вечера носили болѣе или менѣе семейный характеръ, что, однако, не мѣшало имъ всегда привлекать весьма обширную аудиторію. Привлекало на такіе вечера публику, какъ самое имя Кобзаря, такъ и то обстоятельство, что на этотъ разъ посѣтителямъ преподносилась не обычная, уже успѣвшая набить оскомину на безчисленныхъ благотворительныхъ концертахъ, а совершенно особенная, строго выдержанная національная программа. А всякому малороссу, хотя бы даже за долгое пребываніе въ столицѣ успѣвшему превратиться въ типичнаго Петербуржца, пріятно услышать свою родную «думу и письню». Представляли интересъ эти вечера также и для великороссовъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ нихъ, которые, не будучи заражены духомъ нетерпимости, видятъ въ проявленіи самосознанія отдѣльныхъ національностей залогъ преуспѣянія обще-культурнаго дѣла. Этихъ-то великороссовъ привлекала сюда увѣренность, что они услышатъ здѣсь и народную, мало имъ знакомую музыку, и отрывки изъ «Кобзаря», который, понятно, имъ

хорошо извѣстенъ, но самая музыка стиховъ котораго становится понятной только въ исполненіи украинцевъ. Наконецъ, даже самая публика и особенно оживленная молодежь не можетъ не интересовать такого посторонняго наблюдателя. Все это объясняетъ, почему публика, независимо отъ того, кто являлся устроителемъ такихъ вечеровъ, на расхватъ брала на нихъ билеты.

Въ этомъ году устройство Шевченковскаго вечера взяло на себя недавно народившееся «Общество имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга», и состоявшійся 20 марта въ залѣ собранія офицеровъ арміи и флота вечеръ явился однимъ изъ первыхъ шаговъ дѣятельности молодого общества [1]).—Устроители, съ своей стороны, приложили всѣ старанія, чтобы сдѣлать концертъ интереснымъ, какъ по содержанію, такъ и по подбору исполнителей, но имъ пришлось при этомъ встрѣтить непреодолимыя препятствія. Во-первыхъ для литературнаго отдѣленія въ Петербургѣ почти нѣтъ возможности найти подходящихъ исполнителей, т. к. здѣшніе профессіональные чтецы вовсе не знакомы съ малорусскимъ языкомъ, и потому приходится ограничиваться любительскимъ, не всегда удачнымъ, исполненіемъ. Этимъ и объясняется, почему литературная часть описываемаго нами вечера состояла только изъ коротенькаго вступительнаго слова г. Мордовцева и трехъ стихотвореній (Шевченка и Кулиша), прочитанныхъ г. Лесевичемъ. Гораздо богаче было вокальное отдѣленіе, хотя и оно не такъ удалось, какъ можно было ожидать, ибо наиболѣе видные представители здѣшняго артистическаго міра, на которыхъ особенно разсчитывали распорядители, вовсе не явились. Наибольшій успѣхъ въ этомъ отдѣленіи выпалъ на долю хора любителей, исполнившаго подъ управленіемъ г. Черемховича нѣсколько номеровъ, въ томъ числѣ такія трудныя вещи, какъ кантата Лисенка «Бьють пороги» и «Закувала та сива зозуля» изъ *Вечорныць* Нищинскаго. Исполненіе всѣхъ хоровыхъ номеровъ не оставляло желать ничего лучшаго, что и было въ полной мѣрѣ оцѣнено публикой, сопровождавшей наиболѣе понравившіеся номера громомъ рукоплесканій. Изъ солистовъ большой успѣхъ имѣли г. М. («Гетьманы» и «Реве витеръ» Глинки), г-жа С. («Хусточка» подъ

---

[1]) Первымъ считаемъ отслуженную по иниціативѣ правленія общества панихиду по Т. Г. Шевченкѣ, которая своевременно была отмѣчена въ „Кіев. Ст.“.

аккомпаниментъ віолончели и арфы) и г-жа С—къ («Витри буйни» и «Чумарочка рябесенька», при чемъ необходимо замѣтить, что особенно талантливо и увлекательно была спѣта послѣдняя вещица). Изъ любителей отмѣтимъ г-жу Борсукъ и г-жу Хмару. Послѣдняя—обладательница небольшого, но чистаго и красиваго сопрано—имѣла особый успѣхъ: задушевное, чуждое всякой манерности пѣніе и малорусскій костюмъ создавали полную иллюзію, и публика невольно забывала, что она находится въ концертной залѣ, а не на лонѣ природы, въ Малороссіи.

Послѣ концерта, само-собой разумѣется, начались танцы, затянувшіеся до поздней ночи. При входѣ въ залъ были выставлены для продажи небольшіе (около 6 вершковъ) гипсовые бюсты Т. Г. Шевченка, работы одного изъ учениковъ Академіи Художествъ. Бюсты эти, при крайне дешевой цѣнѣ (1 руб.), такъ выгодно отличаются отъ прежнихъ кабинетныхъ бюстовъ поэта (въ шапкѣ), въ сущности не имѣющихъ ничего общаго съ лицомъ Кобзаря, что могутъ удовлетворить самаго взыскательнаго эстетика.

Чествованіе И. П. Котляревскаго въ Харьковѣ. Печатаемъ полученную теперь только корреспонденцію объ этомъ чествованіи въ Харьковѣ, имѣющую цѣлью, между прочимъ и поправить невѣрныя по сему предмету свѣдѣнія, напечатанныя въ львовскомъ *Літ.-Наук. В—кѣ*.

«Шестого февраля наст. года былъ устроенъ въ залѣ городской думы литературно-музыкальный вечеръ въ память столѣтія «Энеиды» Котляревскаго. Вечеръ состоялъ изъ трехъ отдѣленій и живой картины: апофеозъ Котляревскаго. Вечеръ открылся рѣчью о Котляревскомъ, написанной А. Я. Ефименко, и прочтенной, вслѣдствіе болѣзни автора, артистомъ драматическаго театра М. Г. Діевскимъ. Вокальныя номера преимущественно изъ «Наталки-Полтавки» очень хорошо были исполнены мѣстными любителями и любительницами: Л. В. Дыздеревой-Сидоренко, О. А. Зубатовой, И. А. Алчевскимъ и А. А. Лавровымъ. Особенный успѣхъ имѣли О. Н. Клименко и М. К. Щербина—артисты малорусской труппы Старицкаго—спѣвшіе дуэтъ изъ «Наталки-Полтавки» „Богъ поможе“. М. М. Старицкая прочла «Стихотвореніе памяти Котляревскаго», Г. И. Рѣшетниковъ — «На вичну память Котляревському», а отрывки изъ «Энеиды» вмѣсто М.

П. Старицкаго, заболѣвшаго въ то время, мастерски прочелъ и съ чисто малороссійскимъ юморомъ И. В. Перелыгинъ.

Заключительный хоръ изъ «Наталки-Полтавки» и «Кантата Котляревскому» —прекрасно были исполнены хоромъ труппы Старицкаго подъ управленіемъ Пастухова.

Исполненіе каждаго номера вызывало дружныя рукоплесканія, и исполнители по нѣсколько разъ повторяли свои номера.

Во время исполненія этихъ номеровъ, занявшихъ первыя два отдѣленія на эстрадѣ стоялъ большой портретъ Котляревскаго, украшенный малороссійскими «рушниками» и окруженный пальмами и др. зеленью. Этотъ портретъ подаренъ въ Харьковскую общественную библіотеку, въ кабинетѣ для чтенія которой онъ и виситъ на ряду съ портретами И. С. Тургенева и Некрасова. Самымъ интереснымъ номеромъ была «Наталка-Полтавка», 2-ая картина 1-го акта которой была поставлена съ участіемъ М. К. Заньковецкой (Наталка), О. Н. Клименко (Терпелыха) и И. А. Науменко (Выборный). Въ заключеніе была поставлена художн. Выѣзжевымъ живая картина „Апофеозъ И. П. Котляревскаго“. По срединѣ сцены стоялъ портретъ И. П. Котляревскаго, украшенный лавровымъ вѣнкомъ и окруженный зеленью; вокругъ него живописно были расположены группы изъ дѣйствующихъ лицъ „Наталки-Полтавки“ и „Энеиды“, здѣсь также находился и бандуристъ, окруженный маленькими дѣтьми, внимательно его слушавшими. Вся картина, освѣщенная друммондовымъ свѣтомъ, была очень эффектна, такъ что публика нѣсколько разъ вызывала художника.

Публики было настолько много, что пришлось даже открыть хоры, которые почти никогда не открывались.

По случаю празднованія юбилея были получены телеграммы: изъ Полтавы, Чернигова, Одессы, Екатеринодара, Лубенъ, Острогожска, Москвы и Новой Александріи, которыя и были прочтены публикѣ.

О мѣстѣ для памятника И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Болѣе уже года полтавцы никакъ не могутъ найти во всемъ городѣ мѣста для постановки памятника своему знаменитому земляку, поэту Котляревскому. Первоначально намѣченная для этого площадка передъ го-

стинницей Воробьева, въ виду ея тѣсноты, оказалась неудобной, а проектъ расширить ее путемъ прирѣзки части сада, принадлежащаго дворянскому собранію, не встрѣтилъ со стороны дворянъ сочувствія. Тогда стали намѣчать другія мѣста, какъ-то: корпусный скверъ, гдѣ стоитъ колонна Петру I, городской садъ, Протопоповскій бульваръ, Ивановскую улицу, скверъ Бѣлухи-Кохановскаго и др. Относительно корпуснаго сквера состоялось даже формальное постановленіе городской думы, но впослѣдствіи эта мысль была оставлена въ виду того собранія, что монументальная Петровская колонна совершенно затмитъ постановленный въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею скромный памятникъ украинскому поэту. Точно также отвергнуто было и мѣсто въ городскомъ саду въ виду его отдаленности отъ центра города и того соображенія, что садъ этотъ посѣщается публикой лишь въ лѣтнее время. Въ послѣднее время дума избрала особую коммиссію и поручила ей осмотрѣть остальныя намѣченныя мѣста. Въ думскомъ собраніи 27-го минувшаго февраля былъ заслушанъ докладъ этой коммиссіи, причемъ оказалось, что она не пришла ни къ какому заключенію, а лишь намѣтила новый пунктъ—пустопорожнее мѣсто противъ дома Радунскаго, при спускѣ къ Подолу. Продолжительные и горячіе думскіе дебаты также не привели къ опредѣленному рѣшенію, и дума, въ виду рѣзко выразившагося различія во мнѣніяхъ гг. гласныхъ, постановила отложить еще на нѣкоторое время рѣшеніе столь горячо волнующаго всѣхъ вопроса и всѣмъ составомъ внимательно осмотрѣть намѣченныя для постановки памятника мѣста. Но и эта рѣшительная мѣра не привела къ единодушію. Когда 2 марта открыто было «послѣднее» думское засѣданіе, посвященное окончательному рѣшенію даннаго вопроса, раздались прежніе горячіе и разноголосные споры и неожиданно было выдвинуто новое предложеніе—поставить памятникъ на площадкѣ за соборомъ, откуда открывается превосходный видъ на Ворсклу и зарѣчные луга, и гдѣ по близости находился домикъ Котляревскаго. Противъ этого предложенія возражали, что мѣсто это слишкомъ глухое и въ зимнее время малодоступное: здѣсь обворуютъ не только арматуру, но, пожалуй украдутъ и самый памятникъ. Послѣ долгихъ дебатовъ приступили къ подачѣ голосовъ, причемъ за Протопоповскій бульваръ высказались 20 гласныхъ, за площадку за соборомъ—15, за площадку близъ дома Радунскаго—6, за скверъ Бѣлухи-Кохановскаго—1 и за Ивановскую улицу—никто. По желанію большинства окончательная

баллотировка произведена была шарами, причемъ мѣсто на Протопоповскомъ бульварѣ избрано большинствомъ 22 противъ 13, а площадка за соборомъ отвергнута большинствомъ 21 противъ 14. Послѣ этого вопросъ о выборѣ мѣста для постановки памятника на самомъ бульварѣ предоставленъ на окончательное рѣшеніе особой коммиссіи, которая 8 марта имѣла уже объ этомъ посужденіе.

Такимъ образомъ полтавцевъ никакъ нельзя упрекнуть въ равнодушномъ отношеніи къ вопросу о мѣстѣ для постановки памятника своему славному земляку и согражданину. Уже одно то обстоятельство, что они болѣе года искали приличное мѣсто для этого памятника, ясно свидѣтельствуетъ, что имъ дорога память этого человѣка и они желали бы отвести для памятника ему самое лучшее мѣсто въ городѣ. Тѣмъ не менѣе думское постановленіе 2 марта далеко не удовлетворило всѣхъ. Въ мѣстной газетѣ съ тѣхъ поръ появилось уже нѣсколько открытыхъ писемъ съ страстнымъ призывомъ— еще разъ пересмотрѣть вопросъ и удѣлить болѣе вниманія проекту постановки памятника на площадкѣ за соборомъ. Этотъ проектъ, возникшій лишь въ самое послѣднее время, видимо находитъ не мало убѣжденныхъ сторонниковъ. Добьются ли они новаго пересмотра вопроса—не извѣстно. Во всякомъ случаѣ ихъ возраженія противъ избраннаго думою мѣста на Протопоповскомъ бульварѣ не существенны. Безспорно, это—одинъ изъ самыхъ бойкихъ, центральныхъ пунктовъ въ Полтавѣ, правда, на немъ теперь довольно тощій бульварецъ, но что мѣшаетъ со временемъ развести здѣсь настоящій, красивый бульваръ. Когда будетъ поставлено здѣсь памятникъ, дума предполагаетъ переименовать Протопоповскую улицу въ Котляревскую.

—

Настоящая замѣтка была уже въ печати, когда редакція «К. Старины» получила изъ Полтавы приглашеніе высказать и свое мнѣніе по вопросу о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ этого памятника, редакція не могла отнестись безучастно къ означенному вопросу и, обсудивъ его внимательно съ тѣми изъ своихъ сотрудниковъ, которые хорошо знакомы съ топографіей Полтавы, пришла къ слѣдующему заключенію.

Чтобы достигнуть своей цѣли—увѣковѣченья памяти извѣстнаго лица, всякій памятникъ долженъ быть поставленъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ привлекать вниманіе возможно большаго числа людей. Поэтому и памятникъ Котляревскому долженъ быть

поставленъ въ самой людной и наиболѣе посѣщаемой мѣстности города. Площадка за соборомъ безусловно не удовлетворяетъ этому требованію, какъ мѣсто глухое и рѣдко посѣщаемое. Ее нельзя и сравнивать, напримѣръ, съ Владимірской горой въ Кіевѣ, расположенной надъ Александровской улицей—главнымъ пунктомъ сообщенія Подола съ Крещатикомъ, между тѣмъ, какъ памятникъ Котляревскому, поставленный въ Полтавѣ за соборомъ, не будетъ даже виденъ съ дороги, ведущей съ вокзала въ городъ, да и въ лѣтнее время его будутъ посѣщать лишь немногіе, а для пріѣзжихъ онъ можетъ остаться совершенно неизвѣстнымъ. Поэтому рѣшеніе полтавской думы, избравшей для постановки памятника Протопоповскій бульваръ, мы готовы признать наиболѣе удачнымъ, особенно, если памятникъ будетъ поставленъ на пересѣченіи улицы Протопоповской съ Малопетровской, гдѣ теперь стоитъ, кажется, будка для продажи зельтерской воды, возлѣ магазиновъ Мазанова и Недоборскаго. Лицомъ памятникъ долженъ быть обращенъ къ Александровской улицѣ (такъ стоитъ, вѣдь, памятникъ Пушкину въ Москвѣ, на концѣ Тверского бульвара). При такой постановкѣ памятникъ Котляревскому будетъ сразу бросаться въ глаза идущимъ по Александровской улицѣ, Малопетровской и Протопоповской, а все это—наиболѣе людныя улицы въ Полтавѣ.

Есть еще два мѣста въ Полтавѣ, которыя, по нашему мнѣнію, годились-бы для памятника Котляревскому: это, во-первыхъ, недавно заведенный скверъ противъ дома полтавскаго земства и, во-вторыхъ, бульваръ, составляющій продолженіе Александровской улицы, отъ Срѣтенской церкви по направленію къ собору. Не зная, почему оба эти пункта оставлены безъ вниманія полтавскою думою при выборѣ мѣста для памятника Котляревскому, мы не можемъ особенно на нихъ настаивать, но повторяемъ: памятникъ долженъ быть поставленъ въ такомъ мѣстѣ и такимъ образомъ, чтобы онъ самъ бросался въ глаза и мѣстному, и пріѣзжему населенію и чтобы не нужно было его разыскивать; поставленный же хотя бы и въ очень живописномъ, но отдаленномъ отъ центра пунктѣ, онъ потеряетъ половину своего значенія.

Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Въ свое время мы уже сообщали объ открытіи въ Петербургѣ

упомянутаго общества и о тѣхъ толкахъ, какіе оно вызвало въ прессѣ [1]). Теперь, на основаніи протокола открытія общества мы имѣемъ возможность установить дѣйствительность, затемненную нѣкоторыми газетными извѣстіями. Какъ уже мы указывали, инициіаторъ общества, Н. Ф. Федоровскій, сказалъ рѣчь о нуждахъ малорусскаго народа. Указавъ на неравную борьбу экономическую малоросса и еврея, основаніемъ для которой служитъ отсутствіе свѣта: знаній, правъ и обязанностей; отмѣтивъ тотъ несомнѣнный фактъ, что малороссъ съ большимъ трудомъ понимаетъ книжную литературную рѣчь, а въ иныхъ случаяхъ и вовсе ее не понимаетъ, ораторъ долженъ былъ прійти къ тому выводу, что для устраненія отмѣченнаго недостатка является безусловная необходимость обращаться къ народу (въ данномъ случаѣ малороссу) на его языкѣ «отказать народу въ изученіи имъ книжной, литературной русской рѣчи—значитъ отрѣзать ему путь къ прогрессу»; но нельзя отказать ему и въ печатномъ родномъ словѣ, этомъ единственно-разумномъ для него проводникѣ Слова Божія и общечеловѣческаго образованія. Иначе, говоря словами поэта: «и чужому научайтесь, свого не цурайтесь». Ибо «внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ»,—справедливо говоритъ Тургеневъ.

Затѣмъ была прочитана поздравительная телеграмма отъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ, и наконецъ избрано правленіе: предсѣдателемъ—Н. Ф. Федоровскій, секретаремъ — П. Я. Стебницкій, казначеемъ — В. В. Игнатовичъ, членами правленія—П. П. Катериничъ, Филипьевъ и Сластіоновъ. Въ число членовъ-учредителей записалось уже 19 человѣкъ,

---

«Наталка-Полтавка» съ актерами-крестьянами. Въ Ромнѣ, 14 февраля, состоялся первый народный спектакль, въ которомъ дѣйствующими лицами явились любители-крестьяне изъ подгороднаго села Процовки. Поставлена была «Наталка-Полтавка», и, по сообщенію мѣстнаго корреспондента, мысль объ этомъ спектаклѣ зародилась у крестьянъ еще съ осени прошлаго года, а осуществить ее удалось благодаря содѣйствію мѣстнаго землевладѣльца и любителя драматическаго искусства, В. П. Камнева. Онъ сумѣлъ поддержать и развить въ сознаніи крестьянъ хорошее дѣло; въ его домѣ

---

[1]) См. № 1, стр. 25—26; № 2, стр. 89—90.

устраивались репетиціи, причемъ В. П. Камневъ давалъ указанія неопытнымъ «артистамъ», какъ въ игрѣ, такъ и въ пѣніи. Труды г. К—ва увѣнчались полнымъ успѣхомъ: деревенскіе «парубки и дивчата» хорошо исполнили свои роли. Особенно выдѣлялись Алексѣенко въ роли Тетерваковскаго, Павлюкъ (Макогоненко) и Гарасько (Мыкола). Въ заключеніе народнымъ хоромъ с. Процовки, организованнымъ также г. К—вымъ, было исполнено нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ соч. Лысенка.

Спектакль привлекъ массу зрителей, среди которыхъ много было крестьянъ. Театръ былъ полонъ и многимъ недостало мѣста. Пѣніе и спектакль доставили зрителямъ много удовольствія, которое часто выражалось громомъ аплодисментовъ.

Чистый сборъ съ этого спектакля поступилъ въ число суммъ Роменскаго попечительства о народной трезвости на устройство народныхъ развлеченій. Сообщая объ этомъ спектаклѣ свѣдѣніе мѣстный корреспондентъ выражаетъ надежду, что мѣстная интеллигенція почтетъ своей нравственной обязанностью поддержать и повести далѣе добрый почипъ г. Камнева. (Полт. губ. вѣд. 1899 г., № 45).

Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго закончило въ Кіевѣ сезонъ очень удачно въ матеріальномъ отношеніи. Всѣхъ спектаклей, вечернихъ и и дневныхъ, дано было 117, при чемъ общая валовая выручка достигла 63,863 руб., что составляетъ въ среднемъ почти 546 руб. на каждый спектакль. Въ общемъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, товарищество получило крупный плюсъ, и каждый изъ 22 членовъ товарищества получилъ по 3 р. 65 к. на одну марку. Такимъ образомъ первый опытъ пребыванія товарищества въ теченіе всего зимняго сезона въ Кіевѣ далъ блестящіе результаты. Начиная съ Пасхальной недѣли, труппа будетъ давать спектакли въ Одессѣ. Лѣтомъ-же товарищество предполагаетъ посѣтить цѣлый рядъ южныхъ городовъ и, между прочимъ, Екатеринославъ и Полтаву. (Кіевл., № 68).

По поводу письма г. Ал. Марковича. Въ № 80 кіев. газ. «Жизнь и Искусство» напечатано нижеслѣдующее письмо въ редакцію изъ

Одессы, за подписью г. Ал. Марковича: «Долженъ сознаться, что мой очень плохой почеркъ доставляетъ мнѣ уже не мало огорченій, такъ какъ мои труды нерѣдко появлялись въ печати съ крупными опечатками. Такъ и теперь: въ 8 № вашей газеты напечатано было мною, въ Кіевской Старинѣ» № 2 перепечатано письмо М. А. Максимовича, въ которомъ онъ такъ говоритъ о войнѣ: «а сицеи рати и не слышано» —извѣстное выраженіе Слова о полку Игоревѣ; вмѣсто того и въ газетѣ, и въ журналѣ напечатана фраза лишенная смысла! Другой случай еще обиднѣе: въ запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XXI сообщена мною овруцкая купчая 1590 г. Сдавъ ее въ печать, я къ сожалѣнію за выѣздомъ не могъ продержать ея корректуры, и актъ былъ напечатанъ безъ всякой корректуры и потому съ ужасающими опечатками, малая часть которыхъ указана въ Кіевской Старинѣ» № 3. Я охотно готовъ признать свою вину въ томъ, что, зная свойства своего почерка во время не распорядился задержать печатаніе акта до своего возвращенія; но никакъ не могу признать за Одесскимъ Обществомъ той вины, какую возводитъ на него журналъ. Среди членовъ этого общества найдется не мало лицъ, которыхъ нисколько не затрудняетъ прочтеніе южнорусскихъ актовъ XVI вѣка. Что касается поставленныхъ среди акта вопросительныхъ знаковъ, то они обозначаютъ не непонятыя для издателя слова (не мудреная вещь понять смыслъ «оставлючи» или «под.»!), а поставленныя нѣсколько наугадъ, такъ какъ бумага въ этихъ мѣстахъ протерлась и чтеніе не затруднительно; такъ вездѣ и всегда принято поступать. Попросилъ бы редакцію журнала «Кіевская Старина» не отказать въ перепечаткѣ настоящей замѣтки, особенно той части ея, которая относится къ письму Максимовича, такъ какъ овруцкая купчая особенной важности не представляетъ, да ее можно и перепечатать болѣе исправно въ какомъ либо собраніи южнорусскихъ актовъ. Я съ удовольствіемъ, напримѣръ, доставлю вѣрный списокъ въ «Кіевскую Старину», если редакція захочетъ его напечатать».

Прочитавъ это письмо, редакція К. Ст. находитъ нужнымъ замѣтить слѣдующее: дѣйствительно въ № 2 «Кіев. Стар.» за настоящій годъ перепечатана изъ газ. «Жизнь и Искусство» корректурная ошибка: *а аще* и рати и не слышано. Благодаря письму г. Марковича, причина этой ошибки теперь обнаружена, что́ и заносимъ въ

нашу лѣтопись. Охотно вѣримъ также, что среди членовъ Одесскаго Общ. ист. и др. есть немало лицъ, способныхъ читать южнорусскіе акты XVI в. Согласны также съ авторомъ письма, что Овруцкая купчая не имѣетъ важнаго значенія. Редакція съ удовольствіемъ *разсмотритъ* подлинный актъ, если авторъ письма захочетъ его прислать.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ прежней суммѣ—880 р. 47 к., поступившей въ редакцію, получено изъ Петербурга 718 р. 36 к., вырученныхъ отъ вечера 22 января 1899 года, что вмѣстѣ съ прежними (см. № 1-й) составитъ *1598 р. 83 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго. Съ приложеніемъ 16-ти фототипныхъ снимковъ. *Кіевъ, 1898 г. 4°. 86 стр. +16 таблицъ.*

Всѣмъ, интересующимся украинской стариной, давно было извѣстно о существованіи собранія В. В. Тарновскаго; однако, вѣроятно только немногимъ удалось видѣть это первоклассное собраніе. Теперь, съ изданіемъ каталога коллекціи, эта послѣдняя въ извѣстной степени стала общимъ достояніемъ и поэтому нельзя не выразить глубокой благодарности издателю, потратившему на изданіе много труда и издержекъ. Два слова о внѣшности каталога—его нужно причислить къ такъ наз. роскошнымъ изданіямъ: печать, рисунки, бумага—не оставляютъ желать ничего лучшаго. Что касается характера настоящаго изданія, то собственно названіе каталога придано ему не вполнѣ правильно: это не каталогъ въ обычномъ смыслѣ, а подробное, составленное съ знаніемъ дѣла описаніе коллекціи, дающее богатый научный матеріалъ и притомъ матеріалъ, подобранный систематически. Коллекція В. В. Тарновскаго, среди другихъ, размножившихся въ послѣднее время частныхъ собраній, занимаетъ особое мѣсто: будучи посвящена исключительно украинскимъ древностямъ, заключая въ себѣ богатый подборъ ихъ, какъ въ смыслѣ количества, такъ и качества предметовъ, коллекція эта является единственной въ своемъ родѣ—другой такой коллекціи нѣтъ и собрать въ настоящее время другую подобную едва-ли возможно не только частному лицу, но и общественному учрежденію. О томъ, какъ со-

ставлялось это собраніе, В. В. Тарновскій въ предисловіи къ каталогу говоритъ слѣдующее: «Еще въ молодые годы, лѣтъ сорокъ назадъ, я задался мыслью собрать возможно полную коллекцію предметовъ, характеризующихъ старинный бытъ моей родины, Малороссіи. Такъ какъ выполненіе этой задачи въ полномъ ея объемѣ не по силамъ частному лицу, то я по необходимости принужденъ былъ ограничиться предѣломъ болѣе тѣсной, наиболѣе мнѣ близкой территоріи, именно лѣвобережной Малороссіи. Впослѣдствіи, предпринявъ археологическія раскопки въ Черкасскомъ у., Кіевской г., и посѣтивъ Запорожье, я пополнилъ мое собраніе многими предметами, найденными на правомъ берегу Днѣпра и въ Новороссійскомъ краѣ. Такимъ образомъ моя коллекція имѣетъ строго мѣстный характеръ украинскихъ древностей». Что касается эпохъ, какія обнимаетъ коллекція, то въ ней мы имѣемъ представителей трехъ періодовъ: доисторическаго, великокняжескаго и козацкаго. Слѣдуя этому дѣленію и пользуясь настоящимъ каталогомъ, постараемся дать самую краткую характеристику отдѣловъ, на которые распадается коллекція В. В. Тарновскаго.

Доисторическій и великокняжескій отдѣлы заполнены главнымъ образомъ предметами, добытыми раскопками извѣстнаго городища «Княжа гора» (б. м. лѣтописная Родня) въ Черкасск. у. Кіевской г. Въ древнѣйшемъ слоѣ городища открыта т. н. мастерская и стоянка каменнаго вѣка, изъ которой и поступили въ коллекцію кремневыя издѣлія, каменныя шлифованныя орудія, костяныя издѣлія и образцы керамики; вмѣстѣ съ найденными тамъ-же нѣсколькими предметами, относящимися къ бронзовому вѣку и эпохѣ переселенія народовъ, а также немногочисленными предметами изъ другихъ мѣстъ, отдѣлъ этотъ заключаетъ въ себѣ 400 предметовъ.

Однако, главный интересъ Княжей горы заключался не въ доисторической старинѣ, а въ великокняжеской: по богатству и обилію найденныхъ тамъ предметовъ этой эпохи городище это до сихъ поръ не имѣетъ себѣ подобнаго. Многочисленныя какъ частныя, такъ и общественныя собранія обладаютъ предметами съ Княжей Горы, но всѣ эти предметы получены при посредствѣ торговцевъ и происходятъ изъ безпорядочныхъ раскопокъ мѣстныхъ крестьянъ, коллекція же В. В. Тарновскаго добыта правильными раскопками, такъ что подлинность предметовъ и точно установленное мѣстонахожденіе ихъ

не подлежать никакому сомнѣнію. Коллекція эта представляетъ большой научный интересъ: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ предметами точно датированными (половина XIII в.), найденными на одной мѣстности и, благодаря полнотѣ подбора, дающими возможность почти въ деталяхъ возстановить внѣшнюю сторону быта той эпохи; находимъ мы въ этой коллекціи предметы, начиная съ тончайшихъ произведеній ювелирнаго искусства (каковы напр. золотые образки съ перегородчатой эмалью) и оканчивая грубыми издѣліями кузнечной работы. По характеру предметовъ коллекція съ Княжей Горы распадается на слѣдующія группы: монеты и печати, кресты и образки, змѣевики, украшенія, оружіе, упряжь, предметы домашняго обихода, орудія и инструменты; всего предметовъ съ Княжей Горы—1700. Кромѣ того, въ этомъ-же отдѣлѣ имѣются предметы, найденные въ т. н. Липлявскомъ городкѣ (Золотоношск. у. Полтавск. г.) и въ другихъ мѣстахъ. Общее число всѣхъ предметовъ великокняжеской эпохи—1728.

Переходимъ теперь къ центральной части собранія В. В. Тарновскаго — къ коллекціи предметовъ козацкой эпохи. Если доисторическій отдѣлъ представляетъ только лишь небольшую горсть матеріала, въ громадномъ количествѣ разбросаннаго по разнымъ музеямъ и собраніямъ, если великокняжескій отдѣлъ, отличаясь полнотой, заключаетъ предметы, не составляющіе въ отдѣльности особенной рѣдкости, то главнымъ образомъ къ отдѣлу козацкой старины относится выше выраженное нами мнѣніе, что другого такого собранія нѣтъ и собрать что ниб. подобное теперь едва-ли возможно. Самъ издатель по отношенію къ этому отдѣлу говоритъ: «хотя розыски начаты были около сорока лѣтъ назадъ, но уже и въ то время въ Малороссіи лишь въ весьма немногихъ дворянскихъ и козацкихъ домахъ сохранялись еще кое-какія старинныя прадѣдовскія вещи»; нужно кромѣ того замѣтить, что владѣлецъ собранія обращалъ особенное вниманіе на такіе предметы, которые можно было отнести къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ,—такой характеръ собиранія еще болѣе увеличивалъ трудность его. Сообразно тому какъ цѣнно само собраніе малорусской старины, цѣнна и та часть каталога, которая посвящена описанію его. Наша литература очень небогата свѣдѣніями о такого рода памятникахъ, свѣдѣнія эти разбросаны, отрывочны,— въ данномъ-же случаѣ мы имѣемъ систематическое описаніе громаднаго количества разнообразныхъ предметовъ стариннаго малорусскаго

быта. Нѣтъ никакой возможности въ небольшой замѣткѣ дать хотя приблизительное понятіе о составѣ этого отдѣленія, описаніе котораго занимаетъ 50 страницъ, —поневолѣ приходится ограничиться лишь бѣглымъ перечнемъ, но и по одному такому перечню уже можно судить о богатствѣ отдѣла. Описаніе начинается съ остатковъ стариннаго зодчества—матеріалъ, неудобопомѣстимый въ частномъ собраніи, поэтому и предметовъ такого рода менѣе всего въ коллекціи—нѣсколько кафель и часть фресковой живописи изъ собора въ г. Каневѣ. Слѣдующій разрядъ—священные предметы даетъ уже много представителей; мы тутъ находимъ: иконостасы, аналои, различные священные сосуды и утварь—чаши (м. п. серебрянные чаша, дискосъ и звѣздица изъ бывшей запорожской церкви Старо-Кодацкаго села, пожертвованные куреннымъ атаманомъ Иваномъ Кравчиною), дарохранительницы, лампады, подсвѣчники, кадила, блюда, иконы малорусскаго письма, панагіи, иконки, кресты, хоругви, плащаницы, антиминсы и наконецъ, надгробные памятники и кресты (м. п. каменный крестъ въ память кошевого атамана Гордѣенка, стоявшій на запорожскомъ кладбищѣ Чертомлыцкой Сѣчи). Богатствомъ, многочисленностью и рѣдкостью предметовъ отличается разрядъ оружія,—да это и не удивительно,—единственная роскошь, какую позволялъ себѣ козакъ—дорогое оружіе, ему по праву и отведено въ коллекціи одно изъ первыхъ мѣстъ; есть тутъ луки, налучья, стрѣлы, пики, чудные экземпляры сабель, не уступающія имъ по отдѣлкѣ рушницы, пистолеты, пушки, крѣпостныя ружья, снаряды для стрѣльбы, роскошныя сѣдла и сбруя, различныя другія военныя принадлежности, какъ пороховницы, натруски, ладунки, пулелейки и т. п.; многіе изъ этихъ предметовъ украшены драгоцѣнными камнями, инкрустаціей, рѣзьбой, снабжены надписями и изображеніями. Особое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ клейноты: булавы, перначи (м. п. перначи, принадлежавшіе полковникамъ Семену Палію, Григорію Иваненку, знамена—одно подлинное и копіи, бунчукъ, печати.. Нѣтъ нужды распространяться о цѣнности этихъ предметовъ, упомянемъ лишь, что здѣсь имѣется 4 булавы и 11 перначей! Не менѣе многочисленъ слѣдующій разрядъ — утвари; въ него вошли кубки, кружки, чарки, ложки и т. д.; не говоря уже о матеріальной стоимости всего здѣсь имѣющагося—за малыми исключеніями почти всѣ предметы сдѣланы изъ серебра,—они зачастую представляютъ и большой художественный интересъ, кромѣ того, многіе изъ

нихъ принадлежали разнымъ извѣстнымъ лицамъ старой Малороссіи. Очень интересъ затѣмъ разрядъ предметовъ домашняго обихода, каковы напр. замки, кресала, люльки, натруски, чернильницы, скриньки и т. п., музыкалдные инструменты—бандуры, мужскія и женскія одѣянія—кораблики, плахты, пояса, черевики, наконецъ цѣлый кунтушъ—такого рода предметы легче всего подвержены уничтоженію, между тѣмъ и здѣсь мы находимъ замѣчательные образцы, какъ напр. тотъ же кунтушъ, принадлежавшій дочери гетмана Апостола, женѣ генер. есаула Мих. Скоропадскаго, и болѣе десятка роскошныхъ *слуцкихъ* (шелковыхъ, затканыхъ золотомъ) поясовъ. Чтобы покончить съ этой частью отдѣла, упомянемъ еще о громадномъ подборѣ шитья на полотнѣ и о мужскихъ и женскихъ украшеніяхъ, каковы личманы (дукачи), застежки, сережки, намыста и т. п. Самостоятельное собраніе могла бы составить входящая въ коллекцію В. В. Тарновскаго галлерея портретовъ историческихъ лицъ; здѣсь собрано почти все, что можно было собрать по этой части; всѣхъ портретовъ писанныхъ масляными красками 43, имѣются они въ оригиналахъ и копіяхъ; среди оригинальныхъ есть очень рѣдкіе; какъ на таковые можно напр. указать на портреты, лубенскаго полковника Максима Илляшенка (1677—1687) —самый старый изъ извѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ лѣвобережной Малороссіи, генеральнаго обознаго Василія Борковскаго (1640—1702), гадяцкаго полковника Михайла Бороховича (1687—1704), генер. судьи Ивана Чарныша (+1728) и др. Къ портретамъ примыкаютъ картины, гравюры и пр., ихъ въ общемъ немного, есть здѣсь между прочимъ цѣлая коллекція картинъ различной компановки, изображающихъ «козака Мамая». Заключаютъ каталогъ списки старопечатныхъ книгъ (малорусскихъ типографій) и автографовъ свѣтскихъ и духовныхъ историческихъ лицъ. Всего предметовъ въ отдѣлѣ козацкой старины—863, количество-же предметовъ всего собранія выражается почтенной цыфрой 2991.

Коллекція В. В. Тарновскаго является результатомъ заботъ цѣлой жизни—нужно имѣть много любви къ своей родинѣ, къ ея прошлому, къ развитію ея въ будущемъ, чтобы, намѣтивъ опредѣленную цѣль, довести ее до конца и довести такъ, какъ сдѣлалъ это В. В. Тарновскій...

. N

Przewodnik naukowy i literacki. *Lwów. 1896—1898 гг. 8⁰. 3 тома.*

За три года въ *«Научномъ и литературномъ путеводителѣ»*, издаваемомъ во Львовѣ, были помѣщены слѣдующія статьи, относящіяся къ области «Кіевской Старины».

1) *Равита-Гавронскій. Очеркъ государственно-общественнаго устройства Руси въ XI и XII в.в.* (1896 г. №№ 1—8).

Статья состоитъ изъ 4-хъ частей. 1-ая часть озаглавлена: зачатки государственнаго устройства; 2-ая:—устройство общества; 3-яя:—экономическо-землевладѣльческія отношенія; 4-ая:—домашняя жизнь. На основаніи русскихъ лѣтописей авторъ характеризуетъ вліяніе варяжскаго элемента на строеніе русскаго государства, взаимныя отношенія князя и дружины, организацію войска, гражданскую власть, уголовный и гражданскій судъ, монетную систему, родовую общину, вѣче, земельную собственность, общественные классы и ихъ взаимныя отношенія, способы хозяйства, земледѣльческія орудія, источники доходовъ, устройство поселеній, мѣру и вѣсъ, пчеловодство, охоту на бобровъ, скотоводство и строй домашней жизни. Статья производитъ очень странное впечатлѣніе. Авторъ пишетъ изслѣдованіе по бытовой исторіи Руси въ удѣльно-вѣчевой періодъ, а между тѣмъ:

а) древнюю русскую лѣтопись цитуетъ по изданію Авг. Бѣлёвскаго въ *Monumenta Poloniae historica*;

б) Русскую Правду цитуетъ по изданію Кухарскаго въ *Antiqua monumenta juris slovenici*;

в) пособіями ему служатъ такія сочиненія, какъ *Prawda Ruska* Раковецкаго, *Polska wieków srednich* Лелевеля, *Historya prawodawstw słowiańskich* Мацѣёвскаго, *Chrobacya* Войцеховскаго, *Kniazowie i Szlachta* Радзиминскаго и Рушковскаго; только случайно онъ справляется съ трудами Калачова (изслѣдованіе о Русской Правдѣ), Ланге (изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды) и гр. И. Толстого (Древнерусскія монеты).

А вся русская наука неужели не нужна была автору? Неужели русскія изданія лѣтописей и Русской Правды не лучше польскихъ? Неужели авторъ не могъ найти ничего для себя поучительнаго въ трудахъ Соловьева, Бѣляева, Хлѣбникова, Аристова, Сергѣевича, Мрочекъ-Дроздовскаго и многихъ другихъ?

2) *Михаилъ Ролле. Кременецъ. Изъ исторіи просвѣщенія въ Польшѣ (1805—1832).* (1896 г., №№ 1—12 и 1897 г., №№ 1—7).

Михаилъ Ролле, сынъ извѣстнаго историка доктора Антонія (псевдонимъ его отца Іосифа Ролле), подробно разсказываетъ судьбу основаннаго гр. Чацкимъ учебнаго заведенія. Относится онъ къ предмету, какъ горячій и искренній панегиристъ, которому все въ его излюбленномъ дѣтищѣ чудится совершеннымъ и блестящимъ. Идеализація скромнаго волынскаго Лицея и его основателя мѣстами претитъ непредубѣжденному читателю и вызываетъ раздраженіе. Особенно удивительно въ образованномъ человѣкѣ полное игнорированіе требованій русской государственной жизни и упорное стремленіе считать судьбу бывшихъ провинцій Польши послѣ ея раздѣловъ какимъ-то—сплошнымъ недоразумѣніемъ. Мнѣнія проф. Владимірскаго-Буданова о дѣятельности гр. Чацкаго и о значеніи кременецкаго Лицея (въ I томѣ «Исторіи Университета св. Владиміра») вездѣ даютъ автору поводъ къ бурному негодованію [1]).

—

3) *Равита-Гавронскій. Зоріанъ Долеща-Ходаковскій (Адамъ Чарноцкій). Его жизнь и сочиненія.* (1897 г., №№ 4—12).

Адамъ Чарноцкій, дворянинъ Минской губерніи, родился 4 апрѣля 1784 г. въ с. Подгайномъ, около Несвижа. Учился въ г. Слуцкѣ. Въ 1808 г. за переписку съ организаторами польскихъ легіоновъ во Франціи онъ былъ отданъ въ солдаты. Въ 1811 г., наканунѣ войны съ Наполеономъ, онъ бѣжалъ изъ полка, чтобы стать въ ряды французовъ. Это дезертирство заставило его перемѣнить имя и фамилію: иначе потомъ онъ не имѣлъ-бы возможности безнаказанно вернуться въ Россію. Много лѣтъ онъ велъ кочующую жизнь (1812—1821), а потомъ случайно осѣлся въ Москвѣ, въ которой прожилъ почти 5 лѣтъ, попалъ въ качествѣ управляющаго имѣніемъ въ Тверскую губернію, гдѣ и скончался скоропостижно 17 ноября 1825 г. на 42-мъ году жизни. Авторъ подробно разсказываетъ жизнь этого фанатика науки, замѣчательнаго не столько результатами своей дѣятельности, сколько необыкновенно широкими научными планами и несчастной судьбой. Тонъ статьи панегирично-приподнятый. Авторъ правильно отмѣчаетъ вліяніе сочиненій гр. Яна Потоцкаго на разви-

---

[1]) Отмѣтимъ, что въ польскомъ *Краѣ* за 1895 г., была помѣщена статья Ферд. Гёзика (Hösick)—*Krzemienec i jego liceum.*

тіе научныхъ вкусовъ Ходаковскаго. Когда-то (въ 1876 г.) блестяще развивалъ эту мысль въ своихъ лекціяхъ покойный проф. А. А. Котляревскій, излагая въ «Исторіи славяновѣдѣнія» научную дѣятельность, какъ гр. Потоцкаго, такъ и Ходаковскаго. Обзоръ сочиненій Ходаковскаго очень полный. Только авторъ сожалѣетъ, что Ходаковскій въ послѣдніе годы своей недолгой жизни сдѣлался болѣе русскимъ ученымъ, чѣмъ польскимъ, и умеръ вдали отъ родины. Онъ обвиняетъ старыхъ русскихъ ученыхъ: Максимовича, Погодина и Н. Полевого—въ томъ, что они позволяли себѣ плагіаты изъ рукописей Ходаковскаго, а новыхъ (напр. Пыпина) въ томъ, что они не такъ высоко цѣнятъ Ходаковскаго, какъ-бы это слѣдовало.

—

4) *Ф. Мрочко. Снятынщина. Вкладъ въ этнографію.* (1897 г., №№ 3—7).

Снятынскій уѣздъ въ Галиціи расположенъ по обоимъ берегамъ р. Прута, на границѣ съ Буковиной. Кромѣ Прута уѣздъ прорѣзываютъ рѣчки: Черный Черемошъ, Рыбница, Чернява, Бѣлелюйка и Поточекъ. Населеніе—малороссійское, близкое по типу къ подольскому. Языкъ отличается нѣкоторыми особенностями произношенія и значительною примѣсью румынскихъ словъ. Авторъ въ семнадцати главахъ разсматриваетъ по порядку: границы уѣзда, почву, климатъ, хозяйство, торговлю, промышленность, состояніе просвѣщенія, типъ населенія, его одежду, жилища, пищу, языкъ, религіозныя понятія, праздники, свадьбы, крестины, обряды при посѣвахъ, обжиночныя пѣсни, астрономическія понятія, свѣдѣнія о мірѣ животныхъ и растеній, ворожбу, наконецъ, погребальные обычаи и обряды. Приводятся въ оригиналѣ народныя пѣсни, пословицы и разсказы.

—

5) *І. Дунинъ-Карвицкій. Мѣстности надъ р. Иквой. Ихъ прошлое и настоящее.* (1897 г., №№ 8—12 и 1898 г., №№ 1—6).

Авторъ идетъ по теченію р. Иквы, берущей начало въ Галиціи, въ Бродскомъ уѣздѣ, и впадающей въ р. Стырь и сообщаетъ историческія свѣдѣнія о поселеніяхъ, расположенныхъ по берегамъ ея или невдалекѣ отъ нихъ. Въ его сообщеніяхъ множество интересныхъ подробностей. Особенно важны отдѣлы: о Подгорцахъ (здѣсь въ архивѣ кн. Сангушка имѣются подлинныя письма Мазепы къ Ржевусскому 1705 и 1706 г.г.), о Почаевской Лаврѣ, Кременцѣ, Дубнѣ, Млыновѣ, Муравицѣ и Торговицѣ.

6) *Шелонговскій. Павелъ Пясецкій, польскій историкъ XVII вѣка. Этюдъ о хроникѣ и жизни ея автора.* (1898 г., №№ 7—12).

Пясецкій родился 17 октября 1579 г. въ с. Вздуль (нынѣ Кѣлецкой губ. и уѣзда), гдѣ отецъ его былъ пожизненнымъ солтысомъ, а умеръ 1 августа 1649 г. въ Могильскомъ клашторѣ близь Кракова. Образованіе свое онъ получилъ въ Прагѣ (1596—98) и Римѣ (1598—1601). Въ 1601 г. онъ возвратился на родину и въ 1606 г. получилъ должность каноника въ г. Познани. Съ этихъ поръ онъ началъ принимать участіе въ политической жизни отечества. Позднѣе онъ былъ послѣдовательно бискупомъ каменецкимъ (1627—1640), холмскимъ (1640—1644) и перемышльскимъ (1644—1649). Хроника Пясецкаго начинается описаніемъ королевствованія Стефана Баторія и оканчивается 1645 годомъ, въ которомъ вышло въ свѣтъ первое ея изданіе. Г. Шелонговскій отмѣчаетъ разницу между изложеніемъ событій до и послѣ 1606 года. Первыя изложены исключительно по печатнымъ матеріаламъ, вторыя Пясецкій описываетъ, отчасти, какъ очевидецъ и участникъ. Архивными источниками Пясецкій нигдѣ не пользовался, а довольствовался тѣмъ, что давали доступныя ему историческія сочиненія, летучія брошюры и опубликованные документы. Отношеніе его къ политикѣ Сигизмунда III и Владислава IV отличается строгимъ критицизмомъ; объясняется это тѣмъ, что онъ не занялъ при королевскомъ дворѣ того выдающагося и вліятельнаго положенія, о какомъ мечталъ въ сознаніи своей учености (былъ doctor sanctae theologiae) и литературнаго дарованія. Нѣкоторые полагаютъ (напр. Иловайскій въ «Исторіи Россіи» т. IV, вып. 2-ой, стр. 361), что Хроника Пясецкаго важна для исторіи усмиренія козацкихъ возстаній 1596, 1625, 1630 и 1638 г.г., но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: Пясецкій ни одного изъ козацкихъ возстаній лично не видѣлъ, а разсказываетъ о нихъ, и притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія онъ вычиталъ или услышалъ отъ другихъ, можетъ быть, тоже не участвовавшихъ лично въ походахъ противъ козаковъ, а слышавшихъ отъ третьихъ лицъ. Его разсказъ имѣетъ такое значеніе, какое имѣлъ-бы краткій разсказъ объ экспедиціяхъ русскихъ войскъ противъ кавказскихъ горцевъ, написанный духовнымъ лицомъ, не принимавшимъ въ нихъ никакого личнаго участія, жившимъ вдали отъ театра дѣйствій (напр. въ Кіевѣ), не пользовавшимся матеріалами соотвѣтствующихъ архивовъ, составившимъ себѣ поверхностное понятіе объ

этихъ экспедиціяхъ на основаніи книжныхъ и газетныхъ свѣдѣній, пожалуй даже не встрѣчавшимся ни съ кѣмъ изъ участниковъ экспедицій, которые могли-бы оживить въ его воображеніи эти сухія свѣдѣнія воспоминаніями о видѣнномъ и пережитомъ. Конечно, такого разсказа не счелъ-бы *важнымъ источникомъ* ни одинъ историкъ кавказской войны.

А. С.

Иллюстрированный альманахъ-ежегодникъ «Кіевскій календарь Юго-Западнаго края» на 1899 г. *Изданіе Ф. Л. Иссерлиса. Кіевъ. Типографія Барскаго. 1898. 8°, XVI, 384, 78 и 70 стран.*

Выписанное заглавіе характерно въ томъ отношеніи, что указываетъ на колебанія издателя въ выборѣ названія для своей книги: очевидно, заманчивымъ ему казалось названіе «Альманахъ-ежегодникъ», что и понятно послѣ того, какъ «Альманахъ-ежегодникъ» П. О. Яблонскаго пріобрѣлъ себѣ заслуженный успѣхъ; но недурнымъ также представлялось и названіе «Кіевскій календарь», тѣмъ больше, что и съ такимъ названіемъ другіе издатели съ успѣхомъ для себя вели свои дѣла; вспомнилось затѣмъ и третье названіе «Календарь Юго-Западнаго края». Не будучи въ состояніи остановить свой выборъ на какомъ нибудь изъ трехъ хорошихъ названій, г. Иссерлисъ окончилъ тѣмъ, что всѣ три названія соединилъ въ одно названіе.

Не смотря на нѣкоторую комичность этой погони за многими названіями для одного календаря и на не совсѣмъ скромныя похвалы себѣ, которыя редакція дѣлаетъ въ предисловіи, заявляя, что она смотрѣла на задачу подобныхъ изданій шире, чѣмъ это обыкновенно принято, и не щадя трудовъ, относилась къ своей задачѣ всегда серьезно—книга Иссерлиса заслуживаетъ вниманія уже потому, что послѣ изданнаго четверть столѣтія тому назадъ В. Борисовымъ и П. Чубинскимъ «Календаря Юго-Западнаго края» на 1873 г., является первой попыткой составить для Юго-Западнаго края полный календарь въ объемѣ большихъ календарей.

Существенная разница между двумя названными изданіями заключается въ томъ, что редакторы календаря 1873 г., въ виду отсутствія настольной книжки, которая заключала бы въ себѣ современныя статистическія и справочныя свѣдѣнія объ Юго-Западномъ краѣ, поставили себѣ задачей составить такой календарь, въ которомъ бы

нашли мѣсто, какъ главнѣйшія изъ общихъ свѣдѣній, имѣющихся во всѣхъ большихъ календаряхъ, такъ въ особенности возможно полныя свѣдѣнія объ Юго-Западномъ краѣ, и, будучи въ этомъ отношеніе хорошо освѣдомлены, дали въ своей книгѣ обстоятельные очерки Юго-Западнаго края, географическій и этнографическій и большую массу статистическихъ объ немъ свѣдѣній. Редакція же новаго календаря, находя, что въ настоящее время, когда человѣчество шагаетъ быстрыми шагами по пути прогресса, годъ не является уже краткимъ мгновеніемъ въ сравненіи съ вѣчностью, а представляетъ страницу многотомнаго фоліанта исторіи человѣчества, главной своей задачей поставила дать такую книгу, которая заключала бы въ сжатомъ видѣ лѣтопись важнѣйшихъ событій истекшаго года, почему признала нужнымъ изложить въ хронологическомъ порядкѣ событія изъ жизни Кіева и Юго-Западнаго края за минувшій годъ. Изъ этихъ событій больше всего удѣлено мѣста устройству политехническаго института въ Кіевѣ; затѣмъ идетъ рѣчь о перемѣнахъ въ личномъ составѣ разныхъ вѣдомствъ, о постройкѣ зданія коммерческаго училища, объ открытіи торговой школы и торговыхъ курсовъ, о закладкѣ зданія кіевскаго музея древностей и искусствъ, о предположенныхъ постройкахъ новаго католическаго костела, новаго желѣзно-дорожнаго вокзала и новыхъ желѣзныхъ дорогъ, о застройкѣ Кіева и дѣятельности домостроительнаго общества, о положеніи сахарной промышленности въ послѣднее время, о дѣятельности городскаго управленія въ Кіевѣ въ періодъ 1894—1898 г.г. и проч. Нельзя не одобрить мысль дать въ календарѣ лѣтопись событій въ Юго-Западномъ краѣ за истекшій годъ; только думается намъ, что начиная такую лѣтопись, нужно было бы изложить ее въ связи съ исторіей предшествующаго времени, которой составители календаря не касаются нисколько повидимому не интересуясь ею. Кромѣ того, изъ перечисленнаго содержанія очерка «Кіевъ и Юго-Западный край въ 1898 г.» видно, что въ немъ идетъ рѣчь почти исключительно о Кіевѣ и главнымъ образомъ—о такихъ внѣшнихъ фактовъ изъ жизни его, какъ служебныя перемѣны, постройки, закладки, открытія и т. п., а о внутренной жизни, какъ города, такъ и цѣлаго края не дается почти свѣдѣній. Какъ курьезъ, укажемъ то, что авторъ названнаго очерка, говоря о думскихъ выборахъ и гласныхъ кіевской думы, нашелъ между послѣдними такихъ дѣятелей, которые «удивительно» напоминаютъ Александра Македонскаго (стран. 133). Остается такимъ

образомъ порадоваться, что Александры Македонскіе еще не перевелись на бѣломъ свѣтѣ.

Вслѣдъ за упомянутымъ главнымъ отдѣломъ, календарь даетъ и статистическія свѣдѣнія объ Юго-Западномъ краѣ, но въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ календарь Борисова и Чубинскаго. Многихъ статистическихъ свѣдѣній, которыя желательно было бы видѣть въ календарѣ, въ немъ недостаетъ. Равнымъ образомъ замѣчается неполнота и въ справочныхъ свѣдѣніяхъ. Для сравненія упомянемъ, что о существующихъ въ Кіевѣ ученыхъ обществахъ календарь 1873 г. давалъ обстоятельные очерки съ изложеніемъ историческихъ объ нихъ свѣдѣній и обзоромъ дѣятельности ихъ, въ календарѣ же Иссерлиса имѣются только одни адресы этихъ обществъ, но нѣтъ никакихъ другихъ объ нихъ свѣдѣній. Недостаетъ свѣдѣній объ издающихся въ краѣ періодическихъ изданіяхъ, о существующихъ въ немъ музеяхъ, и многихъ другихъ.

Довольно страннымъ представляется составъ отдѣла некрологовъ: въ немъ имѣются только некрологи поэта Я. П. Полонскаго и землевладѣльца Кіевской губерніи В. А. Бобринскаго; никакихъ другихъ некрологовъ нѣтъ.

Календарь изданъ довольно изящно и украшенъ недурно исполненными фототипическими видами кіевскихъ зданій; исполненный же не механическимъ способомъ рисунокъ, которымъ украшено начало «Сельско-хозяйственнаго отдѣла» очень плохъ: на немъ запряженные въ плугъ волы, будучи несоразмѣрно малы сравнительно съ стоящими около нихъ людьми, больше похожи на овечекъ, чѣмъ на воловъ, а изображенная въ сарафанѣ жница свидѣтельствуетъ о томъ, что почтенная редакція календаря имѣетъ довольно фантастическое представленіе о жницахъ Юго-Западнаго края.

Н. Ш.

«Geneza poetycznych utworów Markiana Szaszkewicza». *Napisał Cyryl Studziński (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział filologiczny. Serya II, Tom XII, str., 1—46).*

О Маркіанѣ Шашкевичѣ, начинателѣ галицко-русскаго литературнаго возрожденія, и его значеніи въ исторіи малорусской литера-

туры существуетъ не мало изслѣдованій [1]), преимущественно въ Галиціи; но вопросъ о генезисѣ литературныхъ произведеній, о вліяніи на нихъ того или иного писателя, подобно тому, какъ это исполнено по отношенію къ поэтическимъ произведеніямъ Шевченка львовскимъ проф. Колессою, [2]) по отношенію къ Шашкевичу не былъ обстоятельно разобранъ никѣмъ, если не считать нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ этому вопросу въ «Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова», стр. 131, проф. Дашкевичемъ. Этому то вопросу и посвятилъ разсматриваемую нами статью извѣстный знатокъ малорусской литературы г. Студзинськый [3]).

Г. Студзинськый различаетъ три категоріи произведеній Шашкевича, написанныхъ подъ постороннимъ вліяніемъ. Къ произведеніямъ первой категоріи, проникнутыхъ «мѣстнымъ патріотизмомъ», онъ относитъ тѣ, которыя явились у него подъ вліяніемъ народной поэзіи, какъ напр. «Погоня» (носящая также слѣды сербскаго вліянія и Мицкевичеваго «Farysa»), «Думка», «Туга за мылою», «Нещасный»; послѣднее, впрочемъ, какъ и «Пидлися», «Надъ Бугомъ», можно считать написанными подъ вліяніемъ народной поэзіи лишь благодаря тождеству сравненій.—Что касается «Веснивкы», то она носитъ слѣды вліянія «Pierwiosnka» Мицкевича, родственнаго съ «Blümlein Wunderschön» Гете, хотя и въ ней тѣ же сравненія, что и въ народныхъ пѣсняхъ [4]).

Вторая категорія произведеній, въ которыхъ Шашкевичъ становится на болѣе широкую почву, это тѣ, гдѣ онъ говоритъ о духов-

---

[1]) Изъ наиболѣе крупныхъ работъ можно отмѣтить: *Огоновскаго*—„Исторія литературы рускои" (Львовъ, 1889, ч. II); *Коцовскаго*—„Жите и значене Маркіяна Шашкевича; Львовъ, 1886. Его-же: Памяти Маркіяна Шашкевича. Въ III т. Записк. Науков. Товариства им. Шевченка, 25—35 стр. и др. (см. литературу о Шашкевичѣ, у Огоновскаго, ч. II, отдѣлъ 1, 354 стр. Въ Россіи: Дашкевичъ, Пыпинъ;

[2]) Записки Наукового Товариства им. Шевченка т. III стр. 36—152.

[3]) Изъ другихъ работъ его извѣстны: „Абельфотес", въ Зап. Науков. Тов. им. Шев., т. VII, „Козако-Польск. война 1625 г." въ XVII т.

[4]) Здѣсь же авторъ дѣлаетъ весьма основательную поправку къ одному утвержденію проф. Дашкевича („Отчетъ"... 113, и прим. 4). Проф. Дашкевичъ въ стихотвореніи „До милой" видитъ вліяніе искусственной украинской пѣсни „Повій витре на Вкраину". Студзинськый дѣлаетъ замѣчаніе, что съ этимъ трудно согласиться, хотя бы по той причинѣ, что эту пѣсню сложилъ „Степанъ Руданськый" въ 1856 г. (См. Зоря, 1895, № 20, стр. 389, „пісня"), и впервые она напечатана въ 1861 г,—почти черезъ двадцать лѣтъ по смерти Шашкевича.

номъ, культурномъ народномъ единствѣ Галиціи и Украины, возводитъ въ апоѳеозъ историческое прошлое Украины. Въ этомъ направленіи на Шашкевича оказали вліяніе: Метлинскій («Думы и пѣсни»), *Шевченко*, («Кобзарь», 1840 г.), [1] и Гребинка («Ластивка», 1841); но помимо этихъ послѣднихъ, огромное вліяніе на него оказали также произведенія писателей польско-украинской школы; какъ напр. Залѣсскій, Гощинскій, Падура... Такъ напр. «Дума»—является слабымъ отзвукомъ музы Залѣсскаго, но въ тоже время обнаруживаетъ вліяніе Метлинскаго; въ «Бандурыстѣ» (неоконченная поэма «Перекинчыкъ бисурманськый»)—есть слѣды вліянія «Dudarsa» Мицкевича, повліявшаго также на «Перебендю» и «Черныцю Марьяну» [2]) Шевченка [3]), и затѣмъ Метлинскаго («Степь», «Бандура»): «Болеславъ Крывоустый пидъ Галычемъ въ р. 1139»—находится въ родствѣ съ поэзіей Падуры; а „Замокъ Каніовскій“—Гощинскаго.

Наконецъ послѣдняя категорія произведеній,—отзвукъ панславизма,—такія, какъ напр. «Згадка», написанная подъ вліяніемъ „Slawy Dcera“—Kolara и вообще переводы съ сербскаго, съ чешскаго («Краледворскый рукопысъ»).

Кромѣ того, въ этой статьѣ находятся весьма цѣнныя интересныя свѣдѣнія по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное значеніе для характеристики литературной дѣятельности Шашкевича, какъ напр. объ энтузіазмѣ по отношенію къ малорусской народной поэзіи со стороны Ходаковскаго, Ляха Ширмы, кн. Цертелева, Максимовича, Залѣсскаго; о значеніи польско-украинской школы въ исторіи малорусской литературы...

В. Д.

О. А. Мончаловскій. Литературное и политическое украинофильство. *Львовъ. Типографія Ставропигійскаго Института. 1898. 16 д. л. Стр. 190. Цѣна 30 крейцеровъ.*

Г. Мончаловскій любезно прислалъ свою книжечку для отзыва въ «Кіевской Старинѣ». Охотно исполняемъ желаніе любезнаго автора.

---

[1]) Противорѣчіе автора самому себѣ: на стр. 32, прим. 1 онъ говоритъ, что nie wiemy, czy „Kobzar“ zr. 1840 r., był Szaszkiewiczowi znany“.

[2]) Зап. Науков, Тов., т. III, ст. проф. Колессы стр. 81—88.

[3]) J. Tretiak... Pro wplyw Mickewicza na poezyju „Szewczenko“ Krakow, 1892, str. 16.

Вся книжка г. Мончаловскаго представляетъ собою безпрерывный вопль наболѣвшей души, и отъ души же нельзя не пожалѣть о столь печальномъ настроеніи этого публициста. Было время, когда въ Галичинѣ развелись страшные звѣри—т. наз. «фонетики», но это были просто младенцы въ сравненіи съ галицкими «украинофилами». Г. Мончаловскій громитъ ихъ безпощадно и неутомимо, съ великою запальчивостью, которая увлекаетъ его за предѣлы здраваго смысла.

Что основныя сужденія настоящей книжки или, точнѣе, памфлета лишены здраваго человѣческаго смысла, постараюсь показать въ немногихъ словахъ.

Приведя въ началѣ книжки статью г. Осипа Маковея, напечатанную въ № 144 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1898 г. [1]) и какъ извѣстно, доказывающую, что галицкимъ малороссамъ слѣдуетъ развивать свой языкъ и литературу на своемъ языкѣ, г. Мончаловскій тотчасъ-же (стр. 22) приклеиваетъ къ этому здравому сужденію г. Маковея ярлычекъ «сепаратистскихъ стремленій». Эта прискорбная логическая ошибка—настоящее lucus a non lucendo!—красной нитью проходитъ въ памфлетѣ г. Мончаловскаго и губитъ всѣ его публицистическіе порывы. Ибо если г. Маковей «сепаратистъ», то что же такое представляютъ собою г. Мончаловскій, Драгомирецкій и consortes изъ т. наз. «москвофильскаго» лагеря? Сколько мнѣ извѣстно, и въ русской литературѣ, которую столь цѣнитъ г. Мончаловскій, и въ русскомъ языкѣ, который онъ чтитъ платонически, ибо не знаетъ его, страшное слово «сепаратистъ» обозначаетъ лицо или направленіе, отдѣлившееся отъ какого-то большинства лицъ или направленій, стремленій, интересовъ, желаній, инстинктовъ, наконецъ. Если г. Мончаловскому угодно называть мнѣніе г. Маковея «сепаратистскимъ», то для этого надо подвести свою галицкую статистику, иначе—это простая подтасовка понятій, тѣмъ болѣе прискорбная, что она лишена смысла и рѣшительно ни къ чему не ведетъ.

Минуя безконечный ландшафтъ сплетенъ, препирательствъ изъ-за выѣденнаго яйца, темныхъ намековъ по поводу обвиненій весьма недвусмысленныхъ, минуя всю эту грязь, въ изобиліи украшающую страницы памфлета г. Мончаловскаго—ибо копаться въ этой грязи и нѣтъ охоты, и не предвидится ничего поучительнаго—спросимъ: что́ угодно г. Мончаловскому, чего онъ требуетъ отъ своихъ соплеменни-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., сентябрь, II, 74.

ковъ и соотечественниковъ въ Галичинѣ? Ему угодно: 1) чтобы уничтожено было фонетическое малорусское правописаніе въ Галичинѣ, ибо оно—проявленіе «сепаратизма»; 2) чтобы галицкіе «украинофилы» не якшались съ галицкими поляками; 3) чтобы галицкіе «сепаратисты» обратили свои упованія и надежды къ обще-русскому отечеству и обще-русской литературѣ, признали малорусскій языкъ въ Галичинѣ лишь нарѣчіемъ общерусскаго языка и сообразно съ симъ дѣйствовали, ибо «вся современная малорусская литература есть лишь болѣзненный наростъ на русскомъ народномъ тѣлѣ» (стр. 162), ибо незачѣмъ сочинять свою литературу, если есть готовая за кордономъ, богатая и блестящая литература великорусская.

Какъ видно, г. Мончаловскій, въ пылу публицистическаго задора, думаетъ взгромоздить Пеліонъ на Оссу: тутъ и фонетика, и политика, и литературное развитіе несутся въ нестройной пляскѣ, и все это зачѣмъ то преподносится въ поученіе публикѣ на яко-бы русскомъ литературномъ языкѣ. Оставимъ политику въ покоѣ: если г. Мончаловскому подозрительны галицкіе поляки, то онъ имѣетъ возможность съ ними бороться на общемъ основаніи австрійскихъ законовъ и порядковъ, и не къ чему приплетать сюда русскую литературу, у которой есть свои злободневные вопросы. Если ему не нравится «фонетика», то надо убѣдить своихъ соотчичей, что она не годится, но въ настоящей книгѣ доказательства такой негодности не представлено. Наконецъ, если г. Мончаловскій чтитъ культурное и образовательное значеніе русской литературы, то и благо ему, но незачѣмъ вопить объ этомъ на весь міръ. Иностранцы, чтущіе русскую литературу, стараются знакомить съ ея произведеніями и добытками своихъ соотечественниковъ—и тѣмъ даютъ хорошій примѣръ г. Мончаловскому. Если онъ убѣдитъ своихъ соотечественниковъ, что лучше пользоваться чужой литературой и языкомъ, чѣмъ развивать свои, если онъ докажетъ имъ, что такое чудо возможно при данныхъ условіяхъ, то и отлично: чего, въ самомъ дѣлѣ, лучше—жити братіи вкупѣ? Но такъ какъ, вмѣсто убѣжденія, г. Мончаловскій предлагаетъ своимъ читателямъ лишь наборъ восклицаній и загадочныхъ тезисовъ въ стилѣ lucus a non lucendo, то и результатъ получается болѣе, чѣмъ печальный: добытки «изученій» г. Мончаловскаго граничатъ просто со смѣшнымъ. Такъ, напр., онъ съ серьезнымъ видомъ знатока берется рѣшать глубокомысленный вопросъ, въ какомъ рангѣ надлежитъ считать рѣчь галицкихъ малороссовъ: языка, нарѣчія или

поднарѣчія, и для этого прибѣгаетъ къ методу статистическому, именно ссылкѣ на авторитеты. Но бѣда въ томъ, что даже для правильной постановки филологическихъ вопросовъ требуется широкая научная основа; если же дѣло осложняется политическими озлобленіями и невѣжествомъ, то фіаско неизбѣжно. На нелѣпые вопросы получаются и нелѣпые отвѣты, въ изобиліи предлагаемые нашимъ трудолюбивымъ авторомъ, который не можетъ сообразить, что всякому народу надо жить и развиваться духовно на своей національной основѣ, чтó-бы ни думали объ этомъ ученые и неученые невѣжды,— иначе народу этому грозитъ духовное убожество и калѣчество.

Слѣды такого убожества носитъ и стиль книги г. Мончаловскаго, который видимо силится показать, какъ прекрасно можетъ онъ писать на русскомъ литературномъ языкѣ. Эти усилія печально отражаются на словесныхъ построеніяхъ автора и логической силѣ его доводовъ: малопонятный для галицкихъ читателей, памфлетъ его представляетъ мертвый и тяжкій балластъ для читателя русскаго. Можно-ли такъ калѣчить русскую рѣчь и оскорблять наши литературные вкусы, преподнося намъ такія красоты: «Статья г. Маковея въ «С.-Пб. Вѣдомостяхъ» есть выраженіемъ нынѣшняго литературно-политическаго украинофильства, заправленнымъ, однако, ядомъ клеветы не только на членовъ русской національно историческокой партіи, но и на саму русскую мысль»; «разберемъ письмо г. Маковея о столько, о сколько оно насается»; «а ошибся онъ сознательно, имѣя на цѣли представить насъ «самозванцами» и осмѣшить насъ передъ русскимъ обществомъ»; «въ нынѣшнемъ году припадаетъ юбилей... и этотъ юбилей мы отпраздновали величаво въ дняхъ отъ 3 до 7 мая с. г.»; «эпохальное событіе», и т. д. Каковъ стиль, такова и сообразительность автора, и вотъ два образчика: «Энеида Котляревскаго не можетъ составлять начала малорусскаго національнаго возрожденія, такъ какъ отдѣльной малорусской національности раньше совсѣмъ не было» (чтó же было—авторъ не удостоилъ пояснить); «если-бы въ Галичинѣ и Буковинѣ нынѣ были введены русскія народныя школы, русскіе гимназіи и университеты, то не прошло-бы десятка лѣтъ, и населеніе этихъ русскихъ областей, наслѣдія св. Владиміра, отличалось-бы отъ населенія Малороссіи только въ экономическомъ отношеніи, т. е. бѣдностью, между тѣмъ какъ оно уже нынѣ, можетъ быть, превосходитъ и малорусское и великорусское простонародіе въ Россіи въ развитіи національнаго сознанія, въ патріотизмѣ и въ глубокой привязанности къ русскому обряду и къ русской церкви».

Послѣдняя тирада г. Мончаловскаго весьма типична для этого публициста. Позволительно просить у него разъясненій по такимъ пунктамъ: 1) какимъ чудомъ въ Галичинѣ могутъ явиться русскія школы и чтó для сего требуется? 2) если и черезъ десять лѣтъ послѣ чуда галичане будутъ отличаться только бѣдностью, то какой смыслъ этого чуда? 3) если, какъ увѣряетъ авторъ, послѣ чуда національное сознаніе галичанъ, патріотизмъ, привязанность и пр. спустятся на низшую ступень (ибо лишь бѣдностью галичане будутъ превосходить родичей), то неужели того желаетъ авторъ?

Ясное дѣло, что чужой языкъ сыгралъ съ авторомъ злую шутку и повредилъ ясности его идей. Слава Богу, русскій языкъ живъ,— быть можетъ, г. Мончаловскій подучится и подаритъ насъ произведеніями болѣе вразумительными.

Н. М.

Церковно-приходская лѣтопись села Глубочка, Житомирскаго у., Волынской г. *Почаевъ, 1898 г., 8 д. л. 133 стр.*

Въ послѣднее время почти во всѣхъ епархіяхъ священникамъ вмѣнено въ обязанность веденіе церковныхъ или церковно-приходскихъ лѣтописей. Многія изъ такихъ лѣтописей помѣщаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, веденныя умѣло и толково, лѣтописи эти могутъ представлять цѣнный матеріалъ и какъ результатъ мѣстныхъ церковно-археологическихъ изыскиваній, и еще болѣе—какъ плодъ непосредственнаго изученія народной жизни, ибо кому же ближе и удобнѣе наблюдать эту жизнь, какъ не приходскому священнику, нерѣдко единственному интеллигентному человѣку въ селѣ и притомъ, въ силу пастырскихъ своихъ обязанностей, поставленному въ самыя близкія, интимныя отношенія къ народу. Къ сожалѣнію, сколько не приходилось намъ читать такія лѣтописи въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ нашего края, онѣ рѣдко удовлетворяютъ самымъ скромнымъ научнымъ требованіямъ—и именно потому, что ихъ составители почему-то проявляютъ большую склонность къ рѣшенію вопросовъ, выходящихъ за предѣлы ихъ знаній и молчатъ о предметахъ вполнѣ доступныхъ ихъ наблюденію. Обыкновенно въ такихъ лѣтописяхъ дѣлаются попытки объяснить происхожденіе села и его древнѣйшую исторію—но не на основаніи историческихъ фак-

товъ, невѣдомыхъ составителю, а на основаніи якобы народныхъ преданій или произвольнаго толкованія именъ мѣстностей, урочищъ и т. под.; затѣмъ слѣдуетъ описаніе приходскаго храма, перечень бывшихъ священнослужителей и въ заключеніе—нѣсколько поверхностныхъ замѣчаній о томъ, что, по всей справедливости, должно бы составлять главный предметъ церковно-приходской лѣтописи—разумѣемъ бытъ прихожанъ.

Брошюра, названіе которой мы выписали, по своимъ достоинствамъ настолько выгодно выдѣляется изъ массы однородныхъ съ нею произведеній, что ее смѣло можно бы рекомендовать, какъ лучшій образецъ для составителей подобныхъ лѣтописей. Она составлена приходскимъ священникомъ А. Левицкимъ и помѣщена была въ мѣстныхъ епарх. вѣдомостяхъ. Несмотря на то, что с. Глубочекъ представляетъ самое заурядное поселеніе, авторъ съумѣлъ сдѣлать его лѣтопись крайне интересной, и для посторонняго читателя. Программа ея очень несложна: Отдѣлъ I. Приходъ. Здѣсь также помѣщены народныя преданія о прошлой судьбѣ села, въ связи съ упоминаніемъ о вещественныхъ памятникахъ мѣстной старины, но это сдѣлано умѣло, безъ филологическаго суесловія. Отдѣлъ II. Приходскій храмъ. Здѣсь подробно описаны хранящіяся въ церкви старопечатныя книги. Отдѣлъ III. Причтъ. Самый интересный отдѣлъ IV—Прихожане. Здѣсь подробно описаны: а) внѣшній бытъ селянъ—ихъ дома, костюмы и украшенія, занятія и промыслы, форма землевладѣнія; б) соціально-юридическій бытъ: семья, «громада», сходъ; в) религіозный бытъ: отношеніе къ иновѣрцамъ, посты, поминки, праздники; г) народные обычаи: обряды, игры и гаданья, пріуроченные къ различнымъ праздникамъ; родины, крестины и похороны; подробное описаніе свадьбы съ текстами свадебныхъ пѣсенъ; д) народная демонологія: повѣрья и сказанія о чертяхъ, домовикахъ, лѣсовикахъ, вѣдьмахъ, упыряхъ и вовкулакахъ; е) народные апокрифы: сонъ Богородицы, сказаніе о 12-ти пятницахъ и пр.; ж) пороки селянъ: конокрадство, пьянство, «роспуста», число незаконнорожденныхъ въ приходѣ по десятилѣтіямъ съ 1794 по 1894 гг. и пр. з) умственное развитіе: стремленіе къ грамотности, способы лѣченія болѣзней, примѣты, ворожба, заговоры, пословицы. Послѣдній отдѣлъ—церковно-приходская школа.

Уже изъ одного перечня можно видѣть, сколько интереснаго заключаетъ въ себѣ лѣтопись. Къ тому же, составитель ея—человѣкъ очень наблюдательный. Онъ хорошо знаетъ бытъ своихъ прихожанъ,

видимо съ любовью и пониманіемъ относится ко всѣмъ проявленіемъ ихъ жизни, правдиво и безпристрастно изображаетъ хорошія и дурныя ихъ свойства. Этнографъ и фольклористъ найдутъ для себя въ этой лѣтописи немало цѣннаго. Какъ мы упоминали, здѣсь помѣщено много матеріаловъ, записанныхъ изъ устъ народа: колядокъ, пѣсенъ, пословицъ, заговоровъ, народныхъ разсказовъ, довольно полно описанъ мѣстный свадебный ритуалъ и т. п.

Повторяемъ, если бы всѣ церковно-приходскія лѣтописи составлялись такъ умѣло, какъ настоящая, сколько цѣнныхъ наблюденій и фактовъ изъ народной жизни было бы собрано для науки!

О. Л.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.* Томъ III. Пѣсни. Б. Д. Гринченко. (Прилож. къ № XI—XII. Земск. Сборника 1898 г.) Черниговъ 1899. 8 д. л. XXII+765 стр. О первыхъ двухъ *выпускахъ* „Матеріаловъ", изданныхъ въ 1895 и 1896 г.г. см. Кіевск. Ст. 1895 г., дек., 112, и 1896 г., ноябрь, 61. О настоящемъ томѣ, обращающемъ на себя вниманіе уже однимъ своимъ размѣромъ, редакція имѣетъ въ виду дать подробный отзывъ.

— *Списокъ дворянъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу Полтавской губерніи.* Изданъ полтавск. двор. депут. собраніемъ. Полтава. 1898. Fol., 792 стр. Книга эта издана, повидимому, съ чисто практическою цѣлью—имѣть для справокъ перечень дворянскихъ родовъ, утвержденныхъ и неутвержденныхъ герольдіей въ дворянствѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ настоящій списокъ можетъ служить справочникомъ для историка—о какихъ старо-козацкихъ родахъ онъ можетъ найти свѣдѣнія въ „дѣлахъ" полтавск. двор. депут. собранія. Извѣстно, что въ этихъ «дѣлахъ» очень часто заключаются интересныя историческія свѣдѣнія, а подъ часъ и любопытные подлинные документы, представленные для доказательства дворянства, а потомъ здѣсь забытые...

— *В. П. Горленко. Украинскія Были. Описанія и Замѣтки.* Кіевъ. 1899. 16 д. л. min. 168 стр. Изъ 11-ти помѣщенныхъ въ этой книжкѣ разсказовъ—четыре новыхъ: «Коварникъ» (Тепловъ), „При-

дворный бандуристъ въ бѣгахъ и бѣгуны отъ науки», «Семейная драма въ военномъ поселеніи» и «Бабушка Полуботкова» [1]). Два разсказа— «Левицкій» и «Боровиковскій»—совсѣмъ переработаны, а остальные—перепечатаны изъ разныхъ изданій, въ томъ числѣ и изъ Кіевск. Стар.

— *Д. Марковичъ. По степамъ, та хуторамъ.* I. Оповидання слѣдователя: 1) Иванъ зъ Буджака. 2) На Вовчому Хутори. 3) У наймы. 4) Винъ присягавъ. 5) Невдалиця. II. Незрозумилы. Комедія. Москва. 1899. 154 стр. Ц. 30 к.

— *В. Катрановъ. О малорусской драмѣ.* Опытъ краткой исторіи развитія малорусск. драм. литературы и общ. разборъ крупнѣйшихъ ея образцовъ. Одесса. 1899. 63 стр. Ц. 30 к.

— *Евгеній Гребинка, Гр. Коваленка* [2]). Земск. Сборн. Черниг. губ. 1898, № 11—12 [3]), 34—62. Очеркъ составленъ по случаю 50-тилѣтія со дня смерти Г—ки; есть здѣсь отрывки изъ рукописныхъ писемъ Г—ки къ его лицейскому товарищу Н. М. Новицкому, не заключающіе впрочемъ чего либо для біографіи писателя важнаго. Пріѣхавъ въ Спб., Г—ка оттуда писалъ (1834 г.) Нов—ому: «Думалъ я долго дорогою: що зъ мене буде въ П—ргѣ, що я тамъ робытыму мижъ москалями... Петербургъ есть колонія образованныхъ малороссіянъ. Всѣ присутственныя мѣста, всѣ академіи и проч. наводнены земляками и, при опредѣленіи человѣка на службу, малороссъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ un homme d'esprit... На масляной студенты медицинской академіи играли на своемъ театрѣ «Наталку-Полтавку».

— *Сельскіе чиншевики въ литовско-русскомъ государствѣ. Ф. И. Леонтовича.* Журн. М. Нар. Пр., февр., 285—307. (Нач.) Здѣсь между прочимъ находятся подробныя указанія на литературу чиншеваго права.

— *О порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ малороссійскимъ козакамъ. В. Мордухай-Болтовскаго.* Вѣстникъ Права, февраль, 83—104 стр. Статья имѣетъ практическую цѣль—установить порядокъ отчужденія такъ наз. «потомственныхъ козачьихъ

---

[1]) Разсказъ основанъ на письмахъ, напечатанныхъ въ „Любецкомъ Архивѣ".

[2]) Такой-же очеркъ г. Коваленка о Котляревскомъ—помѣщенъ въ томъ же Земск. Сборн. Черниг. губ. 1898 г., № 2—4, стр. 20—39.

[3]) Напечатанъ въ 1899 г.

земель», отличить которыя отъ пріобрѣтенныхъ лично (безъ актовъ), добавимъ мы, не представляется никакой теперь возможности.

— Въ послѣднихъ номерахъ петербургскаго *Kraj'я* помѣщены: въ номерѣ 10-мъ,— *Kontrakty kijowskie* съ четырьмя красивыми фототипными рисунками видовъ Кіева и 2) біографическое свѣдѣніе объ *А. А. Скальковскомъ*, съ его портретомъ. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ, что будто Скальковскій «*miał siebie za polaka* (?), w towarzystwach polskich mówił nieodmiennie *ojczystem* językiem; jeno pod koniec życia listy już tylko zaczynał i kończył popolsku»... Тутъ же сообщается, что Ск—ій оставилъ трехъ сыновей. Думаемъ, что послѣдніе съ большимъ чѣмъ мы правомъ отвергнутъ эту странную выдумку о польской національности Скальковскаго. Въ номерѣ 11-мъ *Края* помѣщена интересная фотографія „*группа членовъ кіевскаго губернскаго комитета*". Напомнимъ, что обязанность губернскихъ комитетовъ, учрежденныхъ въ началѣ 1858 г., заключалась: *въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и въ начертаніи общаго объ этомъ положенія* [1]). Учрежденный съ этою цѣлью комитетъ для Кіевской губерніи состоялъ, какъ указываетъ фотографія, изъ 23-хъ лицъ, при чемъ изъ нихъ только *два* было «россіянина» (Гудимъ-Лѣвковичъ и Люценко), а всѣ остальные члены комитета принадлежали къ польской національности...

— Прислана въ редакцію книга: *Хозяйственное положеніе и платежныя средства крестьянъ губерній Царства Польскаго.* Составилъ И. Орловъ, управляющій Кѣлецкою казенною палатою. Кѣльцы. 1898. 8°. 142 стр.

---

[1]) См. Паденіе крѣпостн. права въ Россіи, Иванюкова, стр. 42 и слѣд.

Археологическая лѣтопись.

Для удобства при печатаніи нашей „Лѣтописи", таковая помѣщается въ концѣ книжки журнала. Эта перемѣна дастъ возможность, не стѣсняясь мѣстомъ, вести „Лѣтопись" съ большею полнотою. При этомъ мы еще разъ обращаемся ко всѣмъ, интересующимся южнорусскою стариною, съ просьбою доставлять намъ свои о ней замѣтки и сообщенія.

Н. Бѣляшевскій.

Къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Подготовительныя работы *къ выставкѣ*, устраиваемой при съѣздѣ, быстро двигаются впередъ. Вся архелогическая коллекція университета св. Владиміра уже почти совсѣмъ готова къ выставкѣ, что потребовало много кропотливаго труда. Печатаніе каталога также идетъ безостановочно—уже напечатано 8 листовъ. Прибываютъ и новыя коллекціи древностей: прислана коллекція г. Червинскаго, составленная изъ предметовъ, добытыхъ раскопками кургановъ въ Кіевской и Подольской губ., а г-жей Зноско-Боровской обѣщана для выставки коллекція акварелей съ древностей, составляющихъ богатое собраніе ея недавно умершаго мужа.

Ученыя общества.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи къ концу 1898 г. состояло, кромѣ предсѣдателя, изъ 22 почетныхъ членовъ, 118 дѣйствительныхъ и 42 членовъ-корреспондентовъ. Въ теченіе истекшаго года было 9 засѣданій общества, на которыхъ прочитано 10 рефератовъ; изъ нихъ три, прочитанные проф. Н. И. Петровымъ, касались древностей нашего края, именно: 1) О нѣкоторыхъ змѣевикахъ, энколпіонахъ и образкахъ, найденныхъ въ Кіевской губ. и вообще на югѣ Россіи; 2) О собраніи древнихъ крестиковъ и образковъ Б. И. и В. Н. Ханенко и 3) Лубенскій музей древностей Е. Н. Скаржинской. Для нѣкоторыхъ спеціальныхъ работъ составлялись изъ членовъ общества особыя комиссіи, которыми м. п. производилась разборка и описаніе старыхъ дѣлъ архива Кіевской духовной консисторіи и разборка и опредѣленіе богатой нумизматической находки въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки кургановъ у д. Луковки, Звенигородскаго у., Кіевск. губ. Въ августѣ прошлаго года В. Н. Доманицкимъ были произведены раскопки двухъ кургановъ, расположенныхъ въ углѣ, образуемомъ р. Гнилымъ Тикичемъ и впадающимъ въ него ручьемъ Колодистымъ. Благодаря любезности В. Н. Доманицкаго, сообщившаго намъ дневникъ этихъ раскопокъ, мы имѣемъ возможность дать о нихъ краткій отчетъ. Мѣстность, гдѣ расположены курганы, представляетъ изъ себя возвышенность, поднимающуюся надъ уровнемъ р. Гнилого Тикича саженей на 5. Одинъ изъ кургановъ въ прежнее время былъ повидимому большихъ размѣровъ, въ настоящее-же время имѣетъ около $1^1/_2$ арш. высоты и 50 шаговъ въ окружности; при раскопкѣ его на глубинѣ $^1/_2$ арш. былъ обнаруженъ скелетъ въ полной сохранности, головой на сѣв.-вост.; по бокамъ черепа замѣтны слѣды двухъ вбитыхъ въ землю кольевъ, у черепа—масса раздавленной землей посуды хорошей выдѣлки, по бокамъ скелета—слѣды деревяннаго гроба; надъ скелетомъ найденъ сильно окислившійся желѣзный кинжалъ, точилка и много костей крупныхъ животныхъ; погребеніе это открыто въ сѣверо-вост. части насыпи кургана, въ центрѣ же кургана открыта круглая яма, глубиной въ $2^1/_2$ арш., по бо-

камъ ея также стояли 4 колка, вбитые въ землю, у юго-зап. края ямы найденъ глиняный кувшинъ, сдѣланный на кругѣ, пепельнаго цвѣта, наглухо закупоренный небольшой терракотовой чашкой; въ ямѣ обнаружены части 3-хъ или 4-хъ скелетовъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ, одинъ надъ другимъ, череповъ при нихъ не найдено. Судя по погребенію въ насыпи кургана, находкамъ желѣзнаго кинжала и посуды, погребеніе это можно отнести къ типу скифскихъ и притомъ скифовъ—земледѣльцевъ. Другое погребеніе открыто сейчасъ-же возлѣ перваго кургана; на поверхности земли не было замѣтно почти никакихъ признаковъ насыпи; на глубинѣ $^1/_2$—$^3/_4$ арш. обнаружено 5 скелетовъ, почти совершенно истлѣвшихъ, расположенныхъ головами къ центру и туловищами по радіусамъ; при каждомъ изъ скелетовъ находились сосуды, причемъ черепъ одного изъ скелетовъ лежалъ на самомъ сосудѣ; сосуды грубой ручной лѣпки, небольшихъ размѣровъ, съ плоскими и остроконечными днищами; по сосѣдству найдена каменная стрѣлка. Погребеніе это, представляющее изъ себя рѣдкій типъ по расположенію скелетовъ, относится къ болѣе ранней эпохѣ, б. м. къ каменному вѣку.

Раскопки кургановъ въ Роменскомъ у., Полтавской г. у сс. Волковцы и Великія Будки. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ, произведенныхъ С. А. Мазараки и И. А. Линниченкомъ, основываясь на докладѣ послѣдняго Одесскому Обществу Исторіи и Древностей. Курганы, относящіеся къ разряду такъ называемыхъ скифскихъ, расположены здѣсь группами съ центральнымъ курганомъ большихъ размѣровъ; группы кургановъ окружены валами. Раскопки начаты въ группѣ кургановъ у с. Волковецъ. Сначала были раскопаны 3 кургана небольшихъ размѣровъ, всѣ они оказались ограбленными въ давнее время. Болѣе удачной была раскопка кургана довольно значительныхъ размѣровъ (около 11 арш. высоты и 100 шаговъ окружности), въ которомъ оказались погребенія въ нѣсколько ярусовъ; на глубинѣ 3 метр. обнаруженъ деревянный склепъ съ двумя женскими костяками, возлѣ которыхъ найдены золотыя и бронзовыя украшенія, части сбруи, глиняные и терракотовые сосуды. Къ этому склепу, въ поперечномъ направленіи, примыкалъ другой деревянный склепъ, въ которомъ найдены: амфора, сосуды, бронзовое зеркало и два бронзовыхъ лошадиныхъ налобника. Подъ первымъ склепомъ оказался еще одинъ склепъ, около 3 арш. глубиною

и въ немъ два разбитыхъ сосуда и двое желѣзныхъ удилъ. Наконецъ, на поверхности земли обнаружилась еще могильная яма, въ которой въ безпорядкѣ лежали кости скелета и животныхъ и при нихъ золотыя серьги, желѣзный кинжалъ и ножъ, костяныя и бронзовыя украшенія отъ пояса; въ сѣв.-зап. углу этой ямы—слѣды подкопа, а въ немъ куски человѣческихъ костей. Т. о. и въ этотъ курганъ проникли грабители, но воспользовались они лишь содержаніемъ могилы въ грунтѣ, склепы же въ насыпи кургана остались ими незамѣченными, а потому и уцѣлѣли. Въ этой группѣ С. А. Мазараки былъ раскопанъ еще одинъ курганъ, къ сожалѣнію наполовину ограбленный; могильная яма вырыта здѣсь въ грунтѣ, въ ямѣ обнаружены въ безпорядкѣ человѣческія кости, сбруя и вооруженіе, между которымъ находился колчанъ со стрѣлами, украшенный 9-ью золотыми пластинками съ изображеніемъ крылатаго льва. Въ группѣ у с. Великія Будки раскопано два небольшихъ кургана. Въ насыпи перваго кургана обнаружены дубовыя уголья и обожженная глина, на глубинѣ 1-го арш.—сильно пережженныя человѣческія кости; въ этой же могилѣ найдены 2 сосуда. Другой курганъ заключалъ могильную яму, вырытую въ грунтѣ; выше уровня могилы нашлась серебряная шпилька, сама-же могила оказалась пустой.

Раскопки у д. Андреевки, Елисаветградск. у., Херсонской г. Въ засѣданіи кіевскаго Физико-медицинскаго общества, происходившемъ 28 января, проф. Н. А. Оболонскій прочелъ рефератъ, озаглавленный „Курганныя раскопки въ Херсонской губерніи“. Опуская первую часть сообщенія, въ которой рефе ентъ говорилъ о научномъ значеніи раскопокъ кургановъ и о распространеніи послѣднихъ на территоріи Россіи, и сдѣлавъ къ ней только небольшую поправку, именно къ тому мѣсту, гдѣ референтъ отрицаетъ присутствіе кургановъ въ Царствѣ Польскомъ, что не совсѣмъ точно, т. к. курганы имѣются въ довольно большомъ числѣ, напр., въ Сѣдлецкой и Люблинской губ., перейдемъ къ сути сообщенія. По порученію физико-медицинскаго общества проф. Оболонскій производилъ раскопки въ Елисаветградскомъ у., въ 6-ти верстахъ отъ г. Бобринца, близъ деревни Андреевки. Изъ находящихся тамъ 4 кургановъ имъ было раскопано 2. Въ одномъ изъ нихъ вещественныхъ доказательствъ погребенія изслѣдователь не нашелъ; это онъ объясняетъ тѣмъ, что курганъ былъ ограбленъ кладоискателями. Въ верхней части другого кур-

гана былъ найденъ каменный ящикъ, состоящій изъ двухъ отдѣленій. Ни дна, ни крышки этотъ ящикъ не имѣетъ. Въ одномъ изъ отдѣленій заключались кости человѣка, лошади, собаки и какого-то большого грызуна; послѣдній, надо полагать, попалъ туда случайно; другое было пусто. Прорывъ затѣмъ отъ верхушки кургана къ его основанію колодезь, діаметромъ въ 3 аршина, производившіе раскопку на материкѣ нашли дубовый ящикъ, совершенно истлѣвшій. Дна онъ не имѣлъ, крышкой же ему служила березовая кора. Въ ящикѣ этомъ лежалъ скелетъ человѣка, обращенный головой къ западу. Кисти его рукъ лежали у нижнихъ реберъ, ноги были вытянуты. Подлѣ головы валялась серебряная серьга. Около таза найдено 2 желѣзныхъ кольца, желѣзное кресало, кремень, желѣзный ножъ и пряжка. По вопросу о томъ, какой народности принадлежитъ раскопанный курганъ, проф. Н. А. Оболонскій, принимая во вниманіе все, что при этомъ было найдено, полагаетъ, что изслѣдованный имъ курганъ славянскаго происхожденія.

Съ послѣднимъ заключеніемъ докладчика согласился и присутствовавшій въ засѣданіи общества проф. В. Б. Антоновичъ.

—

На городищѣ у лѣтописнаго с. Витачева (Кіевск. у.) лѣтомъ прошлаго года В. В. Хвойкой были произведены пробныя раскопки, давшія интересные результаты. Городище это занимаетъ площадь около десятины, обнесено двумя валами; въ той части его, которая прилегаетъ къ Днѣпру, найдена масса погребеній, относящихся къ христіанской эпохѣ; покойники лежали на глубинѣ $^3/_4$—1 арш., сверху надъ ними не находилось никакихъ внѣшнихъ признаковъ могилъ, предметовъ при костякахъ не найдено. Въ другой части городища обнаружены слѣды жилищъ съ сохранившимися частями глинобитныхъ печей. Во время раскопокъ найдены слѣдующіе предметы, относящіеся къ XII—XIII в.: ручка б. м. отъ зеркала, украшенная плетенымъ византійскимъ орнаментомъ, двѣ золотыя серьги, серебряные и бронзовые витые браслеты, бусы и желѣзные топоры, копья, ножи, серпы и т. п., представляющіе полную аналогію съ находимыми на городищѣ Княжа Гора.

—

Раскопки въ Херсонесѣ. Производитель раскопокъ, неутомимый археологъ г. Костюшко-Волужинецъ, давно уже обратилъ вниманіе на еле виднѣвшійся проходъ подъ открытую недавно древнюю стѣну

Херсонеса. Раскопками была открыта здѣсь гробница, которая расположена у древнихъ воротъ съ правой стороны отъ входа къ морю, къ бухтѣ, на глубинѣ 10 арш., рядомъ съ раньше открытой гробницей-склепомъ конца I-го вѣка по Р. Х. Сама гробница очень узка, всего $^3/_4$ аршина въ ширину, но за то имѣетъ 11 аршинъ въ длину, при высотѣ въ 2 аршина. Въ гробницѣ найдены 6 урнъ очень крупныхъ размѣровъ—три женскихъ и три мужскихъ. Три урны бронзовыя, чудно зеленаго цвѣта, а три глиняныя, изъ коихъ одна—прекрасной античной формы, черной глазури съ легкими рисунками. Всѣ урны покрыты массивными свинцовыми крышками. Урны были вынесены осторожно изъ гробницы и изслѣдованы. 3 мужскія урны были пусты, а въ женскихъ найдена масса древностей: два золотыхъ ожерелья, замѣчательно художественной работы, 2 пары такой-же работы золотыхъ серегъ, 2 массивныхъ серебряныхъ браслета съ золотыми бараньими головками на концахъ, нѣсколько золотыхъ перстней съ рѣзными изображеніями и много золотыхъ тисненыхъ бляшекъ, нашивавшихся на платье. Находка эта несомнѣнно можетъ быть отнесена одновременно къ постройкѣ древней херсонесской стѣны, т. е. къ 4—3 вѣку до Р. Х., иначе говоря—къ самому цвѣтущему состоянію греческаго искусства. («Южн. Кр.»).

Случайныя находки.

Еще о лаврской находкѣ. 25 января настоящаго года въ засѣданіи Церковно-Археологическаго общества проф. Н. И. Петровымъ былъ прочтенъ рефератъ о находкѣ въ лаврской церкви. Почтенный референтъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на записи при монетахъ и на золотую медаль князя К. К. Острожскаго. Древнѣйшія записи представляютъ реестры податей лаврскихъ имѣній въ нынѣшнихъ губерніяхъ Минской, Волынской и Черниговской и относятся къ XVII в. (1636—1638 г.). Повѣрочныя и выемочныя записи относительно самой казны начинаются съ 1697 года, дальнѣйшія датированы 1731 и 1753 годами. Относительно самой находки проф. Петровъ высказываетъ предположеніе, что собираніе заключавшейся въ ней казны, судя по наиболѣе позднимъ монетамъ 1702 года, закончилось вскорѣ послѣ этого года, передъ измѣной Мазепы, можетъ быть въ виду приготовленій Петра къ битвѣ съ Карломъ XII, когда Петръ потребовалъ отъ лавры 200000 червонцевъ для войска. Почему кладъ

остался забытымъ—неизвѣстно. Референтъ устраняетъ свое прежнее предположеніе относительно чумы 1769 года, такъ какъ, по болѣе тщательномъ изслѣдованіи находящихся при кладѣ документовъ, получились нѣкоторые противорѣчащіе такому продположенію выводы, а именно: слѣдовавшій за Романомъ Копой, подписавшій актъ 1753 года архимандритъ Бѣлоусовичъ поступилъ на архимандрію въ 1762 г. и пережилъ чуму. Онъ былъ смѣщенъ съ должности въ 1786 г. вслѣдствіе того, что въ этомъ году званіе священноархимандрита лавры было присвоено кіевскимъ митрополитамъ. Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ можно поставить и сокрытіе лаврскаго казнохранилища.

Медаль князя К. К. Острожскаго, вѣсомъ приблизительно въ 5 червонцевъ, имѣетъ на одной сторонѣ погрудное изображеніе князя съ длинной бородой, одѣтаго въ горностаевую шубу; вокругъ портрета идетъ латинская надпись: «Константинъ, князь Острожскій, воевода Кіевскій, маршалъ земли Волынской, староста Володимірскій». На оборотѣ медали—гербъ князей Острожскихъ, такой-же, какъ и на первомъ листѣ изданной этимъ же княземъ Острожской библіи 1581 года, и другая латинская надпись. Въ предисловіи къ этой библіи четыре, составляющія гербъ, части толкуются символически, въ смыслѣ тѣхъ средствъ, какими владѣетъ князь Острожскій для приведенія своихъ единовѣрцевъ-православныхъ къ спасенію и возведенію на небо; такъ, фигура литовской «погони» (Pogoń) истолковывалась въ смыслѣ изображенія св. Георгія, поражающаго дракона невѣрія и безбожія, мечъ—въ смыслѣ меча слова Божія и т. д. Въ связи съ этимъ толкованіемъ референтъ читаетъ и латинскую надпись на оборотной сторонѣ. Надпись анаграмматическая и даетъ два чтенія: 1) «Вотъ какъ невинный голосъ ведетъ своихъ на небо!» и 2) «Ахъ, онъ увидѣлъ своихъ на небѣ», т. е. умеръ. Послѣднее чтеніе ведетъ къ заключенію, что медаль выбита на смерть князя К. К. Острожскаго, послѣдовавшую 15 февраля 1608 года. По выслушаніи реферата, собраніе общества выразило желаніе издать отъ 15 до 20-ти болѣе типичныхъ и рѣдкихъ медалей и монетъ находки и постановило отнестись о семъ въ духовный соборъ лавры. Такимъ образомъ интересующимся представится возможность наглядно ознакомиться по крайней мѣрѣ съ частью любопытной лаврской находки.

Кстати замѣтимъ, что вся эта находка оцѣнивается нѣкоторыми мѣстными нумизматами въ сумму отъ 200 до 300 тыс. руб.

А. С.

—

Съ наступленіемъ весны привозъ въ Кіевъ древностей съ *«Княжей Горы»* значительно усилился,—древности привозятся сотнями. Изъ послѣднихъ партій укажемъ на довольно полный подборъ желѣзныхъ предметовъ (поступилъ въ собраніе Н. Ф. Бѣляшевскаго), на интересные каменные крестики съ металлическими обложками (т. н. корсунскіе кресты), кресты энколпіоны, гривны, разнообразныя каменныя, янтарныя и стеклянныя бусы и привѣски и т. п. (поступили въ собраніе Н. П. Чернева), особенно-же замѣчательной является бронзовая подставка (б. м. отъ подсвѣчника), состоящая изъ орнаментированнаго обруча, стоящаго на ножкахъ, изображающихъ звѣриныя головки, и снабженнаго наверху такими-жъ головками,—произведеніе русскаго искусства половины XIII в., впервые встрѣченное на Княжей Горѣ (поступила въ собраніе Б. И. Ханенка).

—

Интересная археологическая находка доставлена г. херсонскому губернатору земскимъ начальникомъ 1 участка Херсонскаго уѣзда П. А. Стѣной: мѣдный шлемъ, вырытый плугомъ крестьяниномъ с. Каменки Романомъ Ѳедькомъ при вспашкѣ нивы. Шлемъ этотъ, несомнѣнно древне-греческій, такъ называемаго аттическаго типа, съ характернымъ выпуклымъ околышкомъ, оканчивающимся завитушками, съ небольшимъ козырькомъ; по двѣ дырочки съ каждой стороны указываютъ мѣста неподвижнаго прикрѣпленія нащечниковъ; по одной дырочкѣ съ каждой стороны затылочной части шлема служили мѣстомъ прикрѣпленія подъемнаго назатыльника. Эти придатки шлема не сохранились, какъ не сохранилась и вся его верхушка. Г. губернаторомъ шлемъ переданъ на храненіе въ губернскій археологическій музей, гдѣ онъ займетъ мѣсто наряду съ желѣзнымъ средневѣковымъ шлемомъ, извлеченнымъ недавно г. Стемпковскимъ изъ одной могилы въ окрестностяхъ г. Тирасполя. («Югъ», № 276).

Музеи и собранія древностей.

Церковно археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи въ 1898 г. За истекшій годъ въ музей поступило: памятни-

ковъ архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и проч.—44, медалей, монетъ и жетоновъ—306, религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—75, актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—7, рукописей—9, старопечатныхъ церковныхъ книгъ—1, гравюръ, чертежей, фотографій и т. п.—7, въ библіотеку музея—135 періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ,—всего 584 отъ 84 учрежденій и лицъ. Вмѣстѣ съ этими новыми поступленіями музей въ настоящее время заключаетъ въ себѣ до 29562 различныхъ предметовъ. Изъ болѣе интересныхъ предметовъ древности, поступившихъ въ 1898 г., отмѣтимъ: кладъ, найденный въ г. Луцкѣ и состоящій изъ оригинальной серебряной подвѣски къ серьгѣ и 26-ти литовско-русскихъ и чешскихъ монетъ XIV—XV вв.,—клады этого періода вообще очень рѣдки, въ этомъже кладѣ мы имѣемъ точно датированный предметъ; двѣ мраморныя колонны и такія-же четыре капители, украшенныя орнаментомъ, переданныя изъ трапезной церкви Михайловскаго монастыря—колонны эти относятся повидимому ко времени первоначальной постройки храма; черепъ, разсѣченный мечемъ, найденный въ Кіевѣ возлѣ Десятинной церкви; коллекцію первобытныхъ древностей, собранную Л. Завадовскимъ въ Днѣпровскомъ у., Таврической г.

Церковно-археологическій музей все еще остается для Кіева единственнымъ учрежденіемъ такого рода, открытымъ для публики; какъ одно изъ симпатичныхъ явленій, отмѣтимъ, что музей осматривали подъ руководствомъ спеціалистовъ цѣлыя группы учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ—такіе осмотры очень желательны для цѣлей образованія и устраивать ихъ слѣдовало-бы почаще, обративъ ихъ въ нормальное явленіе, а не практикуя случайно, какъ это наблюдается въ настоящее время.

Собраніе Ѳ. Ѳ. Кундеревича въ Кіевѣ. Намъ представилась возможность познакомиться съ собраніемъ древностей Ѳ. Ѳ. Кундеревича. Собраніе это не преслѣдуетъ научныхъ цѣлей и не носитъ постояннаго характера. Всѣ предметы въ собраніи южнаго происхожденія, пріобрѣтены они покупкой. Въ настоящее время собраніе заключаетъ довольно много интересныхъ предметовъ; среди нихъ есть нѣсколько изъ каменнаго вѣка, нѣсколько изъ бронзоваго (отличной сохранности кельты, серпъ, булава и др.); болѣе цѣльный характеръ носитъ подборъ предметовъ великокняжеской эпохи; тутъ мы находимъ довольно большую

(около 100 экз.) коллекцію крестовъ и образковъ, большая часть ихъ представляетъ изъ себя типы уже извѣстные, но есть нѣсколько и новыхъ; затѣмъ слѣдуютъ украшенія—золотыя и серебряныя серьги, браслеты, цѣпи и т. п. Желательно, чтобы это собраніе попало на выставку предстоящаго археологическаго съѣзда — какъ дополненіе къ другимъ коллекціямъ оно во всякомъ случаѣ будетъ не лишнимъ.

—

Въ нумизматическій кабинетъ университета св. Владиміра переданы Археологической комиссіей слѣдующія монеты изъ кладовъ, найденныхъ въ 1898 г.: 1) 45 римскихъ монетъ I—II вв. по Р. Х. (начиная отъ Гальбы и кончая Коммодомъ), найденныя у с. Бѣлгородки, Заславск. у. Волынск. губ.; 2) 5 голландскихъ и германскихъ талеровъ XVII в. и 86 польскихъ монетъ того-же времени, найденныхъ у с. Сарны, Ровенск. у. Волынск. губ.; 3) 52 аббассидскихъ диргемъ, найденные въ г. Полтавѣ.

—

Въ археологическій музей того-же университета на дняхъ поступила небольшая коллекція предметовъ каменнаго вѣка, представляющихъ интересные образцы т. н. ядрищъ, кремневыхъ клиновъ, копій, каменныхъ топоровъ, найденныхъ у с.с. Будеража, Мосты, Ступно, Дермань, Малая Мощаница, Майданъ, Вуща, Листвинъ, Иловице— Волынской губ. Кромѣ того, туда-же поступили: шиферный крестъ и тигель, найденные въ Кіевѣ, при устройствѣ гавани, 2 серебр. серьги кіевскаго типа, найденныя въ Кіевѣ у Десятинной церкви и 2 бронзовыя фибулы и пряжка эпохи переселенія народовъ изъ Екатеринославской губ.

—

Императорская Археологическая Коммиссія прислала въ даръ *Московскому историческому музею* богатую коллекцію древностей, собранную г. Фармаковскимъ въ древне-греческой колоніи около села Парутина, Херсонской губенрніи. Коллекція состоитъ изъ многочисленныхъ предметовъ древне-греческой эпохи. Среди монетъ особенный интересъ представляетъ одна поддѣльная мѣдная посеребренная монета. Поддѣлка относится къ древне-греческой эпохѣ, приблизительно ко II вѣку до Рождества Христова. Вообще, случаи нахожденія поддѣльныхъ монетъ самаго отдаленнаго происхожденія

нерѣдки, и современные поддѣлыватели фальшивыхъ монетъ могутъ гордиться тѣмъ, что родъ ихъ ведется съ древнѣйшихъ временъ. («Нов. Тел.»).

—

Въ собраніе древностей проф. В. Б. Антоновича на дняхъ поступили интересная позолоченная бронзовая фибула готскаго типа, орнаментированная буса изъ сланца и много бронзовыхъ обломковъ со слѣдами огня, найденные при копаніи могилы на кладбищѣ с. Старо-Мирополя, Новоградволынскаго уѣзда.

Разныя извѣстія.

До послѣдняго времени, при раскопкахъ кургановъ и вообще могилъ, очень мало обращалось вниманія на тотъ *антропологическій матеріалъ*, какой даютъ могилы. Въ лучшемъ случаѣ сохранялись лишь черепа, остальныя-же кости обыкновенно оставлялись въ могилѣ. Въ настоящее время Императорская Археологическая Коммиссія постановила ставить непремѣннымъ условіемъ, при выдачѣ ученымъ обществамъ и лицамъ разрѣшенія производить раскопки, чтобы черепа и кости, найденные при раскопкахъ, были препровождаемы въ антропологическій музей Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; хотя, что касается послѣдняго пункта, то намъ казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ обязывать доставлять антропологическій матеріалъ въ ближайшее къ мѣсту раскопокъ антропологическое общество или музей.

—

Въ Кіевѣ очень часто *во время земляныхъ работъ* встрѣчались цѣнныя находки предметовъ древности; много изъ такихъ находокъ погибло благодаря невѣжеству рабочихъ. Съ наступленіемъ весны и съ открытіемъ строительныхъ работъ и теперь могутъ встрѣтиться находки, жаль, если онѣ будутъ потеряны для науки; давно бы пора обязать черезъ полицію производителей земляныхъ работъ доставлять всѣ безъ исключенія находки свѣдущимъ лицамъ, напр. въ археологическій музей нашего университета.

2-го февраля, въ с. Берестнягахъ, Каневскаго у., *умеръ Е. А. Зноско-Боровскій.* Покойный много лѣтъ занимался систематическими раскопками кургановъ въ Каневскомъ у. Изъ предметовъ, добытыхъ раскопками, образовалось обширное собраніе, приведенное въ образцовый порядокъ. Собраніе это, по желанію, выраженному при жизни покойнымъ, поступитъ въ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

номической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній; 2) служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи и 3) доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшимъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства.

„Хуторянинъ“ допущенъ Мин. Нар. Просв. въ безплатн. библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку въ концѣ текста—8 к., впереди вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ, въ конторѣ и Редакціи „Хуторянина“, при Обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина“, при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3. 13. 3) Въ Кіевѣ, въ конторѣ Разевскаго. 4) Въ Кременчугѣ въ общественной библіотекѣ. 5) Во всѣхъ уѣздн. городахъ Полт. губ. при Земск. Управахъ и въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Усатый трахнулъ аминь и пошелъ трепать языкомъ, и пошелъ трепать! и что—съ книги, а болѣе съ памяти, и такъ, что только эхо раскатывается по церкви.

Отслужилъ священникъ вечерню и выходитъ изъ олтаря—усатаго уже и слѣдъ простылъ. Удивился старикъ и спрашиваетъ пономаря: ну, что это за человѣкъ!

— Не знаю! отвѣчаетъ пономарь;—только—такъ вотъ и такъ,—и разсказалъ, какъ тотъ обѣдалъ у Куёвды и потомъ у другихъ.

— Гм! произнесъ священникъ, и подумалъ-подумалъ, перекрестился святымъ иконамъ и побрелъ старикъ домой.

На другой день приходитъ пономарь звонить къ заутренѣ: усатый подъ колокольнею спитъ, видно здѣсь и ночевалъ,—и только что пономарь было на крыльцо и стукнулъ сапогомъ, усатый проснулся, вскочилъ себѣ и на крыльцо, потомъ на лѣстницу и ужъ звонитъ.

Пожалъ пономарь плечами и пошелъ церковь отпирать.

Прошла заутреня, и священнику снова не удалось поговорить съ усатымъ: исчезъ, какъ и послѣ вечерни. Подумалъ-подумалъ старикъ и позвалъ къ себѣ въ олтарь прихожанъ, которые были постарѣе, и говоритъ, „что такъ вотъ и такъ“, что „этотъ усатый очень бы хорошій былъ дьякъ“, но что „то—вотъ и то“.

Поговорили-поговорили и разошлись.

— Смотрите же, сказалъ священникъ на прощанье:—объ этомъ никому!

— Хорошо, сказали старики:—никому!

Къ обѣднѣ усатый явился, какъ и къ вечернѣ, на колокольню не пустилъ никого и во всѣ колокола прозвонилъ самъ. Во время служенія пѣлъ, какъ и обыкновенно—только *бани* [1]) дрожатъ и всѣ прихожане нарадоваться не могли. Къ нему на клиросъ

---

[1]) *Банями* (*баня*) называются, по преимуществу въ деревянныхъ церквахъ, главы церковныя.—Баня же великороссійская называется *лазнею*.

забрался было какой-то *дворянишка*[1]) и началъ, какъ обыкновенно они дѣлаютъ, чваниться и порядокъ давать, хоть ничего не смыслилъ; но усатый какъ взглянулъ на него, да какъ поправилъ себѣ усы *макитрою*, такъ у того и языкъ *прильпе гортани* и скорчился, какъ кусочекъ кожи на угольяхъ, и совсѣмъ спрятался въ свои сапоги.

Ну, оканчивается обѣдня, священникъ поблагословилъ народъ, но вмѣсто того, чтобъ въ олтарь и затворить царскія врата,—какъ былъ въ ризахъ, прямо къ клиросу и загородилъ собою выходъ, а тутъ и старики, что́ говорили съ священникомъ послѣ заутрени, и обступили клиросъ кругомъ. И началъ священникъ, что молъ у насъ нѣтъ дьяка, если можно—пожалуйста— и извѣстно, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ. Прихожане и себѣ тоже.—Хорошо! сказалъ сквозь зубы усатый, посматривая изъ подлобья. Прихожане было, что молъ—хату тебѣ дадимъ, позволеніе достанемъ сами, женимъ, если не женатый,—но тотъ, не дождавшись конца, таки нашелъ способъ прошмыгнуть мимо священника и, растолкавши народъ, изъ церкви!

Удивились всѣ, что́ за странный это человѣкъ, но убѣждены были, что дьякомъ у насъ будетъ. . . . .
. . . .

Дивный былъ это человѣкъ! Для Божьяго дѣла и отыскать было трудно такого усерднаго: ни одного служенія бывало, говорятъ, не пропуститъ, ни одной требы, самъ и звонитъ, и священника иногда разбудитъ [2]), и къ благочинному сходитъ, и въ книгу запишетъ, такъ что старостѣ церковному и пономарю дѣлать почти было нечего. Но никогда ни отъ кого и копѣйки бывало не возьметъ—ни за свадьбу, ни за похороны, ни за что́! Если ему бывало что̀ нужно, пойдетъ, къ кому тамъ знаетъ:—Петръ, вотъ я у тебя *каптанокъ*, говоритъ, беру—мой уже совсѣмъ износился!—и понесетъ себѣ домой, какъ будто свое добро. Или:—Григорій, вотъ тебѣ мои сапоги! Отдай, если хочъ, почииить, а я возьму эти—вотъ твои!—И такъ и все: и рубахи,

---

[1]) Уничижительное отъ *дворянинъ*.

[2]) Т. е. ночью къ заутренѣ, или послѣ обѣда къ вечернѣ. Въ Малороссіи исполненіе этой обязанности лежитъ на пономаряхъ.

й хлѣбъ, и живность, и *вариво* [1]),—словомъ, все. Очень ужъ развѣ любилъ онъ кого, чтобы сказалъ:—Скажи-молъ, Ѳедоръ или Степанъ, своей женѣ, чтобы мнѣ рубаху или штаны пошила! а то просто возьметъ Ѳедорову или Степанову рубаху или штаны,—и дѣлу конецъ.

Сначала прихожане очень удивлялись этому, но потомъ, иные, повидѣвши, что никогда лишняго не беретъ, беретъ то, безъ чего обойтись могутъ, и беретъ не у однихъ ихъ, а у всѣхъ, привыкли и еще и радовались, что для дьяка у нихъ такъ мало выходитъ, а иные, погордѣе, что умѣютъ просить и кланяться, и любятъ, чтобы и у нихъ просили и кланялись, замѣтивъ, какъ дьякъ поправляетъ себѣ усы *макитрою*,—должны были привыкнуть.

Такъ-вотъ онъ и жилъ, и никогда ни съ кѣмъ не видѣли его ни въ какой компаніи, или чтó подобное: все одинъ, все одинъ, и если не въ церкви—у себя въ хатѣ. И все бывало *майструетъ* [2]), все *майструетъ*....

Очень покойникъ любилъ *майстровать*! И куда какой хорошій былъ онъ столяръ! И столы, бывало, дѣлаетъ, и *мисники* [3]), и скамеечки, и лопаты, и долбитъ ложки, и *ваганки* [4]), и

---

[1]) *Варивомъ* называются по-малороссійски квашенныя огородныя овощи, которыя *варятся:* капуста, свекла.

[2]) *Майстровать* по-малороссійски значитъ и плотничать, и столярничать,—словомъ, гдѣ только рубится, или пилится (конечно не на пильняхъ), или долбится, или выглаживается и т. д. дерево, говорится *майструютъ*.

[3]) *Мисникъ*—посудникъ: такъ называется отъ *миска*, такъ какъ на немъ больше всего ставится мисокъ, составляющихъ у малороссіянъ — простолюдиновъ одну изъ важнѣйшихъ статей столоваго прибора.

[1]) *Ночвами (нóчвы)* по-малороссійски называется то, что великороссіяне называютъ корытомъ. Маленькія *ночвы* называются *ночовками*, если онѣ употребляются для приготовленія тѣста, для купанья дѣтей, для стиранья бѣлья и т. п., и *ваганками*—если онѣ употребляются для подаванія пищи косцамъ и т. п. У малороссіянъ есть и *корыто*; это просто выдолбленый кусокъ дерева, употребляемый для кормленія и напованія птицы, скота, лошадей, свиней.

ковшики, и *корыта*, и все. И ужъ разукраситъ разными насѣчками, разукраситъ! И бывало, сдѣлаетъ что-нибудь, полюбуется и идетъ въ село: Вотъ тебѣ, Катерина, говоритъ, ложки—твои ужъ поиспортились!—и отдастъ и спасиба не дождется. Или, прійдетъ на гумно, увидитъ, что зерно вѣютъ лопатами:—Возьми, говоритъ, и броситъ новую лопату:—не смѣши людей своею спичкой!—И пошелъ, какъ будто и не онъ бросилъ новую лопату. И бывало, такъ всегда выбираетъ, что или дастъ тому, кто побѣднѣе, или—въ самомъ дѣлѣ человѣку негдѣ или некогда достать.

Лѣтомъ только, бывало, никогда не сидитъ дома, и лѣтомъ только, бывало, и застанешь его, что ночью, да и то рѣдко: все, бывало, ходитъ, все ходитъ—и по лѣсамъ, и по полямъ, и по очеретамъ,—и бывало знаетъ, говорятъ, каждый прутикъ въ лѣсу, каждую купу въ болотѣ. Иногда и перепелокъ, бывало, ловитъ, гнѣзда достаетъ, журавлей засѣдаетъ на *тырлахъ* [1]), утокъ дикихъ *пружинами* [2]) ловитъ а ужъ что̂, бывало, орѣховъ припасетъ на зиму—и говорить нечего.

Какъ сдѣлался онъ у насъ дьякомъ—жилъ такъ себѣ, Богъ его знаетъ гдѣ, а кормился на селѣ, вотъ какъ у Куёвды на праздникъ Маккавеевъ; но когда пришла осень—извѣстное дѣло: непогодь, морозы, хаты надо. Вот и приходитъ дьякъ къ священнику.

---

1) *Тырловать* значитъ остановить и сбить въ кучу стадо. *Тырло*—мѣсто, гдѣ обыкновенно на ночь или послѣ обѣда *тырлуется* стадо. *Тырло* называется также мѣсто (обыкновенно гдѣ-нибудь въ очеретахъ), гдѣ журавли садятся на ночь. *Тырло* у журавлей постоянное бываетъ, и потому малороссіяне-охотники засѣдаютъ иногда на *тырлахъ*, т. е. прячутся гдѣ-нибудь въ очеретѣ еще днемъ, и когда журавли прилетятъ на ночь, бьютъ ихъ. Этотъ способъ охоты требуетъ чрезвычайной ловкости, потому что журавли и вообще, а на тырлахъ въ особенности, бываютъ очень осторожны.

2) *Пружина*—силокъ, привязанный къ концу гибкой палки, другой конецъ которой укрѣпляется въ водѣ или въ купѣ, неподвижно. Силокъ прилаживается на струю воды или на проходъ между купами, гдѣ часто шныряютъ утки, и утка ловится.

— Хаты, говоритъ, мнѣ нужно!

— Хорошо! отвѣчаетъ священникъ:—ты до воскресенья обожди, поживи гдѣ-нибудь, а въ воскресенье послѣ обѣдни я поговорю съ прихожанами—и тебѣ дадутъ хату.

— Да мнѣ, говоритъ снова дьякъ,—не столько хата нужна, сколько мѣсто для хаты. Хаты пусть мнѣ дадутъ только на эту зиму, а то пусть мѣсто дадутъ—весной я самъ себѣ сдѣлаю хату.

Удивился священникъ, но, зная молчаливую натуру дьяка, только сказалъ:—Какъ знаешь!

Какъ хотѣлъ дьякъ, такъ ему и сдѣлали: на зиму дали ему, у кого-то изъ болѣе достаточныхъ, помѣщеніе, и дали это мѣсто, чтб подъ дворомъ и огородомъ Ивановымъ.

Наступила зима, замерзли болота и рѣки—принялся нашъ дьякъ за работу: у того въ лѣсу осинъ нарубитъ, у того—дубка, тамъ лозы на трубу и на связи для кровли, тамъ молодыхъ ольхъ на латы, тамъ хворосту на плетни, тамъ одного, тамъ другаго, тамъ очерету накоситъ,—и все самъ, ни у кого не спрашивая, ни у кого не прося, и все на это мѣсто, все на это мѣсто, и все или на плечахъ, или *самотужки* [1]). Нѣкоторые изъ хозяевъ очень чесали себѣ затылки, глядя въ своихъ лѣсахъ на свѣжіе пни, но что прикажешь дѣлать! „Какой чудакъ этотъ дьякъ!" ну и „хорошій", нѣкоторые думали, а кому и *макитра* приходила на память.

Такъ и насобиралъ онъ себѣ зимой припасовъ, а какъ только сошелъ снѣгъ и земля оттаяла,—тотчасъ началъ плетнями мѣсто обносить, и потомъ и за хату! Къ осени уже совершенно была готова: самъ и построилъ, самъ и покрылъ, самъ и обмазалъ, самъ и эти окна вставилъ, что наши хуторяне купили на Преображеніе на ярмаркѣ и прислали ему въ *гостинецъ*,—и вотъ, какъ видите ее: тутъ и прутика нѣтъ куплен-

---

[1]) *Самотужки* (отъ *самъ* и *туга*) значитъ на саняхъ или на повозкѣ, но безъ лошади или чего подобнаго, а *собственною натугою*.

наго, все такъ себѣ, за то и труда—никто и перстомъ не дотронулся, все самъ дьякъ [1]).

. . . .

. . . Дивный, дивный былъ это человѣкъ, очень дивный! Прихожане, какъ узнали лучше его обычаи, что все беретъ, какъ свое, и что никто ему ничего за это не говоритъ,—нашлись, знаете, изъ нашей братіи хозяевъ, которымъ изъ своего лѣса—жалко, заплатить-тоже, а тайкомъ изъ чужаго-страшно,—и ну къ нему: „пожалуйста, нельзя ли мнѣ, знаешь, тово“ на латы или на сани, или на ось къ повозкѣ?—Дьякъ только кивнетъ головою, хорошо-молъ, и пошелъ,—и у того же таки хозяина такой кругъ очиститъ въ лѣсу, что не только дастъ ему на сани или на ось, а еще и притащитъ кому нибудь, кто побѣднѣе, что стало бы на пятеро саней или на пять повозокъ.

— Что это ты сдѣлалъ? говорятъ дьяку.

— Дубъ, говоритъ, повалилъ кругомъ дерево, какъ падалъ, такъ я вотъ вырубилъ сломанное и оттащилъ Петру на топливо или на что̀ тамъ ему пригодиться.

— Да я просилъ тебя не въ моемъ лѣсу?..

— Что̀ ты говоришь! спроситъ дьякъ, поправляя *макитрою* усы:—говори громче, я что-то плохо слышу сегодня.

— Ничего! ничего! Это я такъ—благодарю за трудъ! и скорѣе черезъ *перелазъ* [2]) или и просто чрезъ плетень отъ дьяка

---

[1]) Читатель, можетъ быть, усомнится въ истинѣ разсказываемаго Василіемъ Петровичемъ, не смотря на то, что съ самаго начала я предупреждалъ его, что Василій Петровичъ никогда не лжетъ. Но я снова ему повторяю: Василій Петровичъ никогда не лжетъ. Объ этомъ дьякѣ, его нравѣ, способѣ построенія хаты и т. д. и т. д., и вообще обо всемъ, что содержатъ эти отрывки до самаго ихъ конца, переводчикъ, лѣтъ двадцать пять назадъ,слышалъ на мѣстѣ дѣйствія собственными своими ушами отъ стариковъ, и слышалъ именно такъ, какъ разсказываетъ Василій Петровичъ, во всѣхъ подробностяхъ.

[2]) *Перелазъ*—незаплетенное въ верхней части плетня мѣсто, гдѣ перелезаютъ.

. . . .

. . . Дивный, очень дивный былъ это человѣкъ! Какъ теперь помню одну встрѣчу съ нимъ!... Я еще былъ тогда молодымъ хозяиномъ,—только что оженился,—и этакъ въ Спасовъ постъ, что ли, на болотѣ съ косцами осоку косилъ. Вотъ и косимъ, косцы болтаютъ, помахивая косами; тамъ, немного подальше, дивчата поютъ и покосы сгребаютъ, и кругомъ, въ лѣсу и по болоту, такъ тихо и весело!.. Только слышимъ—въ лѣсу: „стукъ, стукъ, стукъ—трись"! только эхо по лѣсу раскатилось... Дивчата притихли, косцы косы опустили, и всѣ стали прислушиваться. Тихо! а потомъ опять: „стукъ, стукъ, стукъ—трись"!

—О, говорю косцамъ:—да этотъ рубитъ, не шутку шутитъ! и потомъ, подумавши немного, говорю косцамъ:—косите же вы, а я пойду въ лѣсъ,—рубитъ какъ-будто въ моемъ Краматенковскомъ!—и взявши добрый *свидъ* [1]), пошелъ.

Добрался въ лѣсъ и началъ направляться на стукъ. Прихожу къ Крамаренковскому лѣсу,—нѣтъ, дальше! и снова затрещало, вотъ какъ большое дерево валится въ чащѣ.

—Поѣду, думаю себѣ, посмотрю, что́ это за хозяинъ такой, что въ лѣтнее время рубитъ и корень губитъ! ну, да вѣдь и стучитъ не какъ-нибудь...

Пошелъ, прихожу—дьякъ нашъ! и уже одну осину вытащилъ на дорогу, а другую тащитъ изъ чащи, и такую дорогу сдѣлалъ въ хворостѣ, вотъ какъ санями проѣдешь въ очеретѣ... И нечего удивляться: нижнее голье обрубитъ на мѣстѣ, а съ верхнимъ такъ и тащитъ на дорогу!...

—Господи Боже мой! думаю себѣ, глядя, какъ онъ проворно управляется съ осиною:—и гдѣ этакая сила у человѣка возьмется?..

Я и самъ, знаете, слава Господу, хоть и старъ ужъ, ну, а въ молодыя лѣта и не то было! но у этого человѣка... страхъ даже меня обнялъ!

---

[1]) *Свидъ*—большая (иногда въ сажень почти) и хорошо завяленная палка. *Свидъ*, или вмѣсто *свида*, *кый*, непремѣнная принадлежность пастуха большихъ стадъ рогатаго скота. Есть дерево *свидина* (отсюда, вѣроятно, *свидъ*) гибкое, ровное, безъ сучьевъ.

—Чтó это, спрашиваю, ты дѣлаешь?

—Развѣ не видишь! отвѣтилъ, вытащивши совсѣмъ осину и бросая ее на дорогу.

—Да вижу, вижу, говорю, что ты лѣсъ Алексѣя портишь...

Дьякъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и, не сказавши ни слова, пустилъ *сокиру*[1]) *въ голову* осинѣ, и такъ, что та увязла въ ней по самое *ушко*.

— Гм! думаю себѣ:—знаю эту загадку, смѣкаю, чтó хочешь сказать! и какъ хвачу свидомъ по сокирѣ, по ручкѣ...

Сокира выпрыгнула изъ дерева и полетѣла вонъ, подальше, звеня.

—Изъ хорошей, говорю, у тебя стали сокира, дьякъ!

Дьякъ снова посмотрѣлъ на меня изъ подлобья, а потомъ и на свидъ.—Да ты, говоритъ, какъ вижу, мастеръ свиды завяливать! Ну, ступай своей дорогой и молчи... И дьякъ плюнулъ и пошелъ сокиру взять.

Воротившись, снова пустилъ сокиру въ осину, поднялъ другую осину себѣ на лѣвое плечо, взялся правою за ручку сокиры,—и такъ, съ необрубленнымъ верхнимъ гольёмъ, и пошелъ, и пошелъ лѣсомъ, только гольё шумитъ и трещитъ, и листье на нихъ колышется!.. Даже морозъ у меня по кожѣ пробѣжалъ!..

—Боже праведный! думаю себѣ:—развѣ для того эти руки созданы, чтобъ ложки строгать или книгу перелистывать? или эти плеча—чтобъ осины таскать?.....

---

[1]) *Сокира*—топоръ. Отъ топора *сокира* отличается тѣмъ, что бываетъ обыкновенно болѣе грубой отдѣлки и болѣе тяжелая, чѣмъ топоръ, что лезвее ея (*жало*) гораздо уже, чѣмъ у топора, и вслѣдствіе того она не имѣетъ формы треугольника, какъ топоръ, а скорѣе четыреугольника, и что топорище у нея (*ручка*, *держално*) безъ всякаго выгиба, ровное. Замѣчу еще, что нижняя часть лезвея сокиры называется *боридкою* (уменьшительное отъ борода), дыра, въ которой укрѣпляется топорище,—*ухомъ*, бока—*щеками*, верхняя часть лезвея—*носкомъ*, *головою*—часть возлѣ обуха.

Отецъ замолчалъ и задумался: вспомнилъ, вѣрно, покойникъ и про свои молодые годы, и про давнюю давнину...

И всѣ какъ-то нахмурившись сидѣли.

—Слышалъ я объ этомъ дьякѣ, отозвался Устуненко:—видѣть не видѣлъ, но слышалъ. Онъ, говорятъ, не женатый и умеръ?

Отецъ утвердительно кивнулъ головой, и снова молчаніе.

—Ну, съ этимъ нашъ Илья вѣрно не справился бы! снова кто-то отозвался.

—Куда Ильѣ! заговорилъ наконецъ покойникъ:—Илья больше хвастунъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ при силѣ. Говоритъ вотъ: „землю поворочу кругомъ—колъ только укрѣпи мнѣ въ землю"! Но если правду сказать, и я его бросалъ на земь неразъ, пока былъ помоложе... Нѣтъ! сказалъ отецъ, помолчавъ немного и вздохнувъ:—теперь такихъ людей не отыщешь, которые бы въ силахъ были одолѣть того дьяка,—совсѣмъ люди переводятся!.. о, я знаю объ одномъ! Но того, Богъ его знаетъ, за кого ужъ его и считать!

--А разскажите, разскажите, Васильевичъ! заговорили со всѣхъ сторонъ.

—Да разскажу, разскажу, сказалъ отецъ:—только не знаю повѣрите ли. Я и самъ бы не повѣрилъ, если [бы самъ не видѣлъ... Но разспросите у стариковъ, и особенно за Сулою,—вѣрно есть такіе, что слышали отъ своихъ отцовъ, а можетъ быть найдутся и такіе, что и сами видѣли...

Отецъ снова разсказываетъ про какого-то неизвѣстнаго силача.

Я еще былъ тогда мальчикомъ, этакъ лѣтъ семи или восьми, и мы съ покойнымъ отцомъ—царство ему небесное!—поѣхали въ Горошинъ[1]) на ярмарку. Ну, *ярмарковали* тамъ, *ярмар-*

1) Мѣстечко Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда, расположенное на лѣвомъ берегу Сулы.

ковали—пора и домой ѣхать. Впрягли лошадей, поѣхали; за нами и еще повозокъ пять или шесть, таки изъ нашихъ же хуторянъ и такъ кое-кто *зъ сего боку* [1]). Ну, извѣстное дѣло, на ярмаркѣ народъ немного подгулялъ,—такъ поютъ да обгоняютъ другъ друга, и лошадей таки порядочно поизмучили, пока доѣхали до *дубинки* [2]).

— Пусти шагомъ, говоритъ покойникъ отецъ работнику, правившему лошадьми:—пусть немножко отдохнутъ.

Поѣхали и шагомъ, а тутъ и песчаное мѣсто,—еще тише поѣхали.

Время ужъ было такъ къ *полудню* [3])—и такъ хорошо было ѣхать! Тамъ и теперь въ лѣтнее время бываетъ хорошо, особливо подъ вечеръ или послѣ дождика, или когда вѣтерокъ повѣваетъ отъ Сулы; но давнѣе еще лучше было: такой густой, да хорошій лѣсъ былъ.

— Хорошо бы пройтись! сказалъ отецъ:—встанемъ-ка,

Встали; по примѣру нашему, встали и съ другихъ повозокъ и пошли пѣшкомъ, а повозки за нами. Старшіе же идутъ и,—кто разговариваетъ; а кто похмѣльнѣе былъ—и пѣть, и въ танцы по песку: а мы дѣти, извѣстное дѣло, дурачимся, за кусты прячемся, а гдѣ дорога надъ самымъ берегомъ—брызгаемъ другъ на друга, камышками *бабъ перевозимъ* [4]).

---

[1]) Т. е. съ этого боку Сулы, съ праваго.

[2]) Т. е. до дубоваго лѣса. *Дубинка*—уменьшительное отъ *дубина*, дубовый лѣсъ.

[3]) Т. е. къ полднику, часамъ къ тремъ, четыремъ, къ пяти по полудни. Въ лѣтніе дни рабочій народъ обыкновенно ѣстъ: завтракаетъ (снида) между 6—8 часами, обѣдаетъ (оби́да) между 9—11, полдничаетъ (полудное) между 3—5, и ужинаетъ (вечеряе) между $8^1/_2$—$9^1/_2$. Если рано полдничаютъ, то еще и *пидвечиркуютъ*, между 6—7 часами. *Пидвечиркуютъ*, впрочемъ, очень, очень рѣдко.

[4]) *Бабъ перевозить* или играть въ *перевоза*—значитъ бросать камышками такъ, чтобы они пошли рекошетомъ по водѣ. Если брошенный камышекъ не сдѣлаетъ рекошета—баба, значитъ, утонула.

Такъ мы добрались почти до конца *дубинки*. Только не знаю, кто таки изъ нашей компаніи отшатнулся за чѣмъ-то въ чащу и слышимъ зоветъ:—А идите-ка сюда, а идите-ка сюда! —А чтó тамъ такое? отозвались.—Да идите! говорю вамъ.

Пошли, смотримъ—межъ деревьевъ, какъ будто прогалина и посрединѣ ея скрученый дубокъ, вотъ-этакой толщины, на хорошую ось погодился бы! и скрученъ такъ вотъ, какъ очеретъ скручиваютъ на гранахъ, или какъ во ржи попадаются иногда *закрутки* [1]), чтó злые люди дѣлаютъ: верхъ заворочен и уперся въ землю—стоитъ себѣ, только *жилы* въ верхъ торчатъ! И видно, что недавно тутъ и работали; вѣрно, того таки и дня, потому что и почернѣть не успѣло на разщепинахъ.

— Чтó за диво! обозвался кто-то изъ нашихъ:—грань бы сказать, такъ нѣтъ, а дурачиться-кому здѣсь прійдетъ охота! Вѣдь здѣсь, вѣрно, человѣкъ двадцать работали!

— Да и какъ они крутили его! отозвался другой: тутъ голову надобно поломать, чтобы и способъ прибрать! Вѣдь теперь и отвернуть его мудрено! Вотъ попробуемъ-ка.

— Попробуемъ!

И схватились человѣкъ пять и начали тащить: но возились, возились,—ни съ мѣста! вершина какъ-будто приросла къ землѣ.

— Экія чудеса! экое диво! говорили наши, бросивши дубокъ и отирая себѣ съ лица потъ. Но говорили-говорили, толковали-толковали и ни съ чѣмъ пошли къ повозкамъ.

— Спросимъ, говорятъ, у паромщиковъ, чтó это такое.

Пріѣзжаемъ къ парому и паромщикамъ—такъ-вотъ и такъ, растолкуйте это диво!...

---

[1]) Съ какою цѣлію такія *закрутки* дѣлаются во ржи,—хорошо не знаю. Знаю только, что малороссіяне, если увидятъ ихъ у себя въ хлѣбѣ, тотчасъ вырываютъ, съ бранью, что вотъ-де злой человѣкъ закрутилъ. Кажется, что ихъ закручиваютъ въ *житѣ* съ цѣлію оставить все горе свое и болѣзни въ *житѣ* (ржи) другого. Прибавлю еще для соображеній читателю, что *жито* у малороссіянъ символъ *жизни*.

Послушайте, что̀ мы узнали.

Того же таки дня, утромъ, паромщики, перевезши народъ, который собирался было съ этой стороны, позавтракали; двое же изъ нихъ легли отдыхать въ куренѣ, а третій, взявши лодку и *ситку*[1]), поѣхалъ внизъ по рѣкѣ рыбу ловить.

Много или мало отдыхали тѣ, которые остались въ куренѣ, только слушаютъ—съ этой стороны рѣки кто-то кричитъ: „Подай лодку или паромъ! подай лодку или паромъ!" и такъ кричитъ, что и мертвый бы послышалъ.

— Ого! говорятъ паромщики:—какъ шумитъ!— и выглянули изъ куреня: стоитъ такъ себѣ, будто и незавидное, на пристани.—Не большой, подумали, *панъ*, обождетъ! и снова въ курень.

А тотъ снова кричать, а потомъ и въ другой разъ и въ третій. Не выдержали, наконецъ, паромщики, выскакиваютъ изъ куреня и къ нему:—А, онѣмѣлъ бы ты, проклятый! Видишь, какъ раскричался! обождешь—не важная птица!—и хотѣли было снова въ курень: но тотъ какъ ревнетъ, словно волъ, что̀ клеймо выжигаютъ:—Такъ вы вотъ какъ, сякіе-такіе, съ бѣднымъ народомъ! Подавайте же, говорю вамъ, паромъ; не то, Богъ свидѣтель, разобью паромъ!

Паромщики, извѣстное дѣло, только захохотали, а тотъ:—Э, такъ вы еще и хохочете! и къ палѣ, къ которой паромъ привязывается: шатнулъ ее разъ, въ другой, въ третій, дернулъ и выдернулъ!... и какъ размахнетъ ее, какъ пуститъ!... Паромщики и окаменѣли!... Слава Богу, въ паромъ не попалъ—перелетѣла и такъ брякнула въ песокъ, что пыль только столбомъ поднялась!... А тотъ съ этой стороны:—Не попалъ одной—попаду другой! говоритъ, и къ другой палѣ бросился...

— Отецъ родной, пощади! завопили паромщики, не много опамятовавшіеся отъ перваго испуга:—Обожди, ради Бога! сейчасъ подадимъ паромъ!

---

[1]) *Ситкою* у малороссійкихъ рыбаковъ называется извѣстный родъ сѣтей, поменьше невода. *Ситкою* называется также сѣть, которою перепелокъ ловятъ.

— Вотъ тò то же! отозвался тотъ:—такъ бы и давно.

Подали ему паромщики паромъ, сѣлъ онъ, и поѣхали назадъ.

— Смотрите же, говоритъ, какъ выѣхали на середину рѣки: какъ буду возвращаться назадъ и узнаю, что вы народъ задерживаете, вотъ какъ меня хотѣли задержать, такъ я вамъ вотъ-чтò сдѣлаю!—и вскочивши въ *байдакъ* [1]) схватился руками за его края и началъ расшатывать паромъ, и такъ расколыхалъ, что вотъ-вотъ *мостницями* [2]) достанетъ до воды...

— Не будемъ, не будемъ! почти съ плачемъ заговорили паромщики:—вотъ те крестъ—не будемъ! Только перестань, ради Бога, шутить, не то паромъ пойдетъ ко дну!

— Смотрите же, иначе... и онъ погрозилъ имъ пальцемъ, но ужъ ласково, и бросилъ раскачивать паромъ, и какъ пристали къ берегу, вскочилъ на пристань, кивнулъ паромщикамъ головою, усмѣхнулся такимъ пріятнымъ смѣхомъ, вотъ совсѣмъ какъ маленькое дитя, и потянулъ въ ту сторону, къ дубинкѣ, и въ мельницу, въ вѣтряную мельницу.

Теперь тамъ нѣтъ ея, этой мельницы, а въ то время была, да еще не такъ себѣ, какая-нибудь, а машина о двухъ камняхъ, сейчасъ вотъ стояла по правую руку, какъ выѣдешь изъ дубинки.

Ну, мельникъ въ это время тоже уже позавтракалъ и, насыпавши въ коши зерно, тоже легъ отдыхать,—тамъ, у верхняго камня. Спалъ ли, не спалъ ли онъ,—только слышитъ, мельница заскрыпѣла и перестала шумѣть; открылъ глаза—въ самомъ дѣлѣ остановилась!

— Чтò за диво! ужъ не перемѣняется ли вѣтеръ? думаетъ себѣ и хотѣлъ было встать, чтобы итти перевести мельницу: только валъ снова двинулся.

— Такъ и есть, что перемѣняется! снова подумалъ мельникъ и рѣшился обождать, пока вѣтеръ не начнетъ дуть со-

---

[1]) и [2]) *Байдаками*, извѣстно, называется извѣстный родъ судовъ, плавающихъ по большимъ рѣкамъ. Но этимъ же именемъ называются въ Малороссіи лодки, на которыхъ кладутъ доски (*мостныци*) для построенія парома.

всѣмъ съ другой стороны. Но мельница опять остановилась, и немного спустя опять пошла, и такъ нѣсколько разъ.—Нѣтъ, думаетъ себѣ, тутъ что-то да не такъ! Въ это время года вѣтеръ если перемѣняется, то перемѣняется за-разъ, а тутъ вотъ ужъ нѣсколько разъ мельница не на вѣтрѣ. Развѣ не собирается ли буря, и вѣтеръ заходитъ съ разныхъ сторонъ?—и всталъ, чтобы пойти посмотрѣть на небо.

Но только что началъ спускаться по ступенькамъ внизъ—глядь, внизу у камня кто-то сидитъ, но кто—не видать, сидитъ къ лѣстницѣ спиною.—Что онъ здѣсь дѣлаетъ? думаетъ себѣ мельникъ и, притаившись, началъ глядѣть. Только смотритъ: поднимаетъ тотъ руку, расправилъ ладонь надъ камнемъ и опустилъ!... мельница заскрипѣла немного и остановилась, а тотъ только усмѣхнулся!

— У меня, говоритъ мельникъ, (онъ, вѣдь, тоже пришелъ къ парому и все это самъ намъ разсказывалъ),—у меня, говоритъ, и ноги подкосились! — Немного спустя, тотъ поднялъ ладонь—и камень двинулся, и такъ разовъ нѣсколько, а тотъ только, знай, все усмѣхается, когда камень останавливается, все усмѣхается, да еще какимъ дѣтскимъ смѣхомъ!

Глядѣлъ мельникъ, глядѣлъ, а потомъ и набралъ смѣлости и, перекрестившись, и говоритъ:—Чтó ты тамъ дѣлаешь?

Тотъ вскочилъ на ноги, быстро поворотился къ нему и, смѣшавшись и закраснѣвшись:—Ничего, говоритъ, это я такъ!

— Какъ такъ? мельницу останавливаешь! и мельникъ понемногу началъ сходить внизъ.

— Да нѣтъ, говоритъ, это я такъ, пошутилъ немного!

— Хороши шутки! и еще болѣе посмѣлѣвшій мельникъ началъ къ нему присматриваться...

И силѣ бы тамъ такой, казалось, негдѣ взяться, какъ разсказывалъ мельникъ: совсѣмъ еще молодой, этакъ двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ. Но пригожій—пригожій! и передать нельзя, говоритъ мельникъ: какъ тростинка стройный, и усъ, какъ изъ бархата, а глаза—такъ вотъ и горятъ, такъ вотъ и

лезутъ тебѣ въ душу!...—Не изъ подъ *купы* [1]) ли онъ? подумалъ мельникъ и перекрестился со страхомъ...

Догадался вѣрно тотъ, зачѣмъ перекрестился мельникъ, и какъ выпрямится, какъ взглянетъ на мельника, такъ тотъ такъ и опустился на землю: ему показалось, что тотъ выросъ до самаго потолка и, наклонившись оттуда, такъ и метнулъ искрами изъ очей!.. Потомъ какъ-будто одумался, успокоился и говоритъ:—Крестись, молись Богу, человѣкъ добрый, тяжелыя времена наступаютъ!.. и пошелъ изъ мельницы.

И слышалъ потомъ мельникъ, и паромщики слышали,—въ лѣсу затрещало, какъ-будто дубъ огромный валится, и трещатъ вокругъ большія деревья; въ воздухѣ даже задрожало, и даже въ отдаленныхъ лозахъ и очеретахъ эхо отозвалось!.... Потомъ снова затрещало, но ужъ тише, гдѣ-то далеко... а потомъ и еще разъ едва слышно,—вѣрно, на самомъ уже концѣ дубинки...

Отецъ замолчалъ, опустилъ на грудь свою сѣдую голову и задумался.

Всѣ молчали, тоже повѣсивши головы, а я притаившись на полу, и глаза закрылъ себѣ: казалось, что я такъ вотъ и слышу это эхо, откликающееся въ лозахъ и очеретахъ, и потомъ этотъ отдаленный трескъ на той сторонѣ дубинки..

Напослѣдокъ Каленикъ прервалъ молчаніе и спросилъ у покойника отца:—Что же, возвращался тотъ, какъ обѣщалъ?

— Богъ его знаетъ! отвѣтилъ отецъ:—неизвѣстно! Ходила только потомъ молва, что онъ направился къ Днѣпру, а потомъ и черезъ Днѣпръ и за Днѣпромъ гдѣ-то скрылся.... И все, говорили, по прямому направленію шелъ, все по прямому!.. Черезъ *Бурчакъ* [2]) перебрался, не черезъ Горошинъ, но гдѣ-то

---

[1]) Болотная *купа* только лѣтняя резиденція черта, а на зиму онъ оттуда переѣзжаетъ.

[2]) Рукавъ Сулы, отдѣляющійся выше Горошина и снова впадающій въ нее ниже этого мѣстечка.

возлѣ Калкаева, [1]) черезъ трущобы да очерета. И гдѣ, говорятъ, ни шелъ—вездѣ оставилъ за собою слѣдъ: тамъ дерево скрутитъ, вотъ какъ въ дубинкѣ дубки крутилъ, гдѣ мельницу за крыло придержитъ на полномъ вѣтрѣ, гдѣ скирду сѣна опрокинетъ, гдѣ чумацкій возъ съ солью вытащитъ изъ *балюры* [2]) *самотужки*. А на Днѣпрѣ, какъ перевозили его въ дубѣ и пришлось объѣзжать какую то косу:

— Нѣтъ, говоритъ, не надо!—и соскочивши въ воду, велѣлъ перевозчикамъ и другимъ, которые съ нимъ разомъ перевозились, сойти туда же и, схвативши дубъ за плеча, словно какой кусокъ коры, перетащилъ его черезъ косу [3])!...

---

[1]) Деревня Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда,—недалеко отъ Горошина.

[2]) *Балюра*—лужа на дорогѣ, глубокая, въ которой обыкновенно вязнутъ повозки, особенно тяжело нагруженныя.

[3]) Выше я сдѣлалъ замѣчаніе, что я слышалъ эти разсказы именно такъ, какъ разсказываетъ Василій Петровичъ, во всѣхъ подробностяхъ. Повторяю и здѣсь то же самое; но тѣмъ не менѣе считаю своею обязанностію сдѣлать здѣсь маленькую оговорку относительно послѣдняго разсказа: у Василія Петровича, начиная съ того мѣста, какъ хуторяне пріѣхали къ парому, разсказываетъ отецъ его все отъ своего лица и только изрѣдка приводитъ подлинныя слова лицъ; притомъ, по словамъ отца Василія Петровича, хуторяне прямо поѣхали къ парому, а на мельницу не заѣзжали. Я тоже слышалъ этотъ разсказъ отъ очевидца, бывшаго въ дѣтствѣ съ хуторянами у скрученнаго дубка. По его словамъ, хуторяне сначала были у мельника на мельницѣ и тамъ слышали отъ него все, чего онъ былъ свидѣтелемъ, а потомъ уже съ мельникомъ отправились къ парому.—Большой тутъ разницы, если угодно, и нѣтъ, да и ту, пожалуй, при нѣкоторой натяжкѣ, можно согласить; но разница нѣкоторая все таки есть. Память ли измѣнила отцу Василія Петровича, или тутъ причина, по которой событія въ устахъ народа какъ-то округляются съ теченіемъ времени, согласно съ требованіями эстетическаго его вкуса и т. д. и т. д.—пусть рѣшитъ самъ читатель.

Поступленіе Василія Петровича въ городское училище [1]).

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей *въ людe*, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ *шкóлахъ*, смотря по достатку,—запасались извѣстнымъ количествомъ *карбóванцивъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали и дѣтей, и карбованцы, и мѣшки въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались запастись и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напримѣръ Петербургъ, Кіевъ; но охотнѣе всего земляки мои ѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего—въ *Чорномóрію* и на Кавказъ. Конечно, причиною предпочтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда „нѣсть пророкъ *во отéчествіи* своемъ“, особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда—и перспектива возмож-

---

[1]) «Основа» 1861 г., № 3, стр. 50—77.

Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1858 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе. *Примѣч. автора.*

ности пріобрѣтенія большихъ чиновъ и большихъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправленіе въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримѣръ, проѣзжій офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, насказывалъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго справляясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *дóброму чоловикови*, прося послѣдняго помѣстить сына, а сыну наказывая—*шáнуватьця* (вести себя хорошо) и слушаться *дóброго чоловика.* Добрый человѣкъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго человѣка!.. Совершалось отправленіе иногда и такъ, что родители выбирали кого нибудь изъ среды себя и отправляли дѣтей или же навязывали ихъ какому-нибудь пріѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша—котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ,—и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!..

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени—поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ—въ губернскій городъ. Но со мною вышло иначе—рѣшился отдать въ городское училище...

Что заставило старика отдать меня въ городское училище—положительно не знаю. Думаю, что, какъ человѣкъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что ограмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего выведетъ его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ питалъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научили его грамотѣ, а когда старикъ, дѣдъ мой,

отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ и, сидя тамъ на *печи* и прислушиваясь къ чтенію школярей, выучилъ наизусть церковную азбуку и всѣ склады до *тма-мна*... Впослѣдствіи я разскажу подробно, какъ этотъ человѣкъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причинахъ солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни иныхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно минувшихъ,—слушалъ, повидимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *гро̀ши и часъ на чо̀рзнащо*, трунилъ надъ разсказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало, прекращаю свои росказни, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: „Ба̀чъ“, говоритъ, чому̀ воны вчя̀тця!.. А дурни батькы гро̀ши тра̀тять!.. Якый же вамъ га̀спидъ цепъ тяга̀въ до со̀нця, що зна̀ете, скилкы туды версто̀въ? Хиба чы не воро̀нъ просылы?“— „Вы ду̀маете“, отвѣчаетъ гимназистъ, „якъ не воро̀на, то й не ка̀ркае, якъ цѐпу нема̀, то й мирять немо̀жна!“ и пошелъ снова... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунитъ, опять выводитъ изъ терпѣнія разсказчика... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что понялъ или убѣдился) такое разумѣніе, напримѣръ, способовъ измѣренія между небесными свѣтилами, что и иному гимназисту подобное не подъ силу. „Эхъ, якъ-бы було̀ менѐ навчылы!“ иногда, бывало, говоритъ онъ въ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человѣкомъ....

Какъ я живо помню всѣ обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто все это вчера происходило! Да что̀ вчера: что̀ вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою выпуклостію и такъ отчетливо, какъ то, что̀ дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всѣмъ украинцамъ несообщительности, не любящей посвя-

щать всякаго встрѣчнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить.... частію по самостоятельности характера и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а, можетъ быть, частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было,— даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его потому, большею частію оставались въ тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоятельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивленіе, противодѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, вздоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ снѣгъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть—исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ его предположенія на мой счетъ; но матери и намъ всѣмъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что̀ это за *училища*, намъ и въ голову ничего не приходило!... Начать съ того, что вдругъ,— какъ говорится, ни съ сего, ни съ того,—мнѣ сдѣланъ былъ новенькій *нагбльній кожу̂шокъ* и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ барашковъ; сдѣлана была пара новыхъ сюртучковъ съ соотвѣтственными принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволилъ мнѣ пріостановить ученье: „Забрѐзкъ", говоритъ, „занывився.... Нехáй ужé", говоритъ, „въ учылыщи бýдешъ!" Ученье, конечно, было пріостановлено а слова „въ учылыщи бýдешъ вчытьця"—приняты за фразу въ родѣ „въ полкъ тебя отдамъ" и т. п. Догадливому

человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходительностію, которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ нравамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятею*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чьему-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти....

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ серьёзенъ и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, верстъ за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ, провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторожить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что долженъ дѣлать онъ, если бы, чего Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дернула за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ онъ, отецъ, нагонитъ ихъ и т. д. Распоряжаясь отправленіемъ подводъ, отецъ велѣлъ приготовать и *киньски сани*, большія сани и пару лучшихъ лошадей—признакъ, что поѣздка имѣетъ важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ Грицько, плотникъ и вмѣстѣ мельникъ и *олійникъ*, осматривалъ сани, не нужно ли *зáвертни* или оглобли перемѣнить, *де свéрдломъ крутнýть, де сóкúрою стýкнуть*; разсказывалъ, ка̀къ *óрчикъ* привязать, потянулъ даже за *пóборсни* (постромки), крѣпко ли привязаны: самъ указалъ, какую упряжь взять, присутствовалъ при ея осмотрѣ Прокопомъ, сапожникомъ и вмѣстѣ кожевникомъ и скрипачемъ; присутствовалъ, ка́къ набивали *пихтиръ*[1]) сѣномъ, какъ вывели и чистили лошадей и пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣстъ и пьетъ и т. д. Мы, дѣти,

[1]) Веревочный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ торговый, возятъ сѣно при поѣздкахъ.

все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію отца, приготовляла *ящыкъ* и *мишóкъ*[1]) и клала туда куски *сáла*, жаренаго гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п.—все это завернутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отперла *скрыньку*, въ которой хранились мѣдныя деньги, отсчитала

[1]) *Ящыкъ* и *мишóкъ* при сборахъ въ путешествіе и во время самыхъ путешествій, по преимуществу, означаютъ у насъ ящикъ и мѣшокъ съ съѣстнымъ (т. е. ящикъ—съ *сáломъ*, *ковбáсами*, вареными яйцами, мясомъ и рыбою, зажаренными или отваренными и т. д., а мѣшокъ—съ хлѣбомъ, *паляныцями*, *коржáми* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка говоритъ,—конечно, если дѣло идетъ о сборахъ къ путешествію: «Ще треба ящыкъ и мишóкъ спорядыть»—это значитъ: «Еще надо зажарить курицу, очистить *сáла*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить въ ящикъ и мѣшокъ». Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе, близкое или далекое, съѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и воловъ, даже водою любятъ запасаться въ большемъ количествѣ, если возможно, даже на все путешествіе, а мои землячки любятъ снабжать отъѣзжающихъ самымъ лучшимъ, чтó у нихъ есть въ запасѣ изъ съѣстнаго. За такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ моихъ соотчичей: говорятъ, что это не разсчетливо, и наклонность къ обжорству показываетъ. Разсчетливо ли для моего земляка держаться подобнаго обычая или нѣтъ,—поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое время, а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣетъ основаніе не въ нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, имѣвшей обыкновеніе постоянно ставить въ необходимость—женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ отбывающихъ на дорогу всѣмъ, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго населенія былой Украины, а дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ ставившей въ необходимость часто перелетать безплодныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ не было въ то время, да и теперь еще очень мало, постоялыхъ дворовъ и трактировъ и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодъ и жажду можно было или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что несла на себѣ быстрая, какъ степной вѣтеръ, вьючная козацкая лошадь.

нѣсколько рублей на мелкіе путевые расходы отцу и положила ихъ въ пестрядевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучкáми* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но чтò ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно—насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ,—а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія,—значитъ батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть,—видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости бранитъ и наказываетъ и никогда ни за чтò не похвалитъ, никогда не ласкаетъ и не *голýбитъ*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому.... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли....

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отправлялся по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поѣздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго порядка—таковъ стародавній обычай. Но почему обычая этого держался и отецъ—не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаямъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соотвѣтствовалъ его наклонности—больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селахъ, встрѣчъ съ знакомыми и ихъ разспросовъ,—а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбѣжныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она

зиждется и которые выработаны историческою ея жизнію: человѣкъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и разсчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными невѣрнымъ,—въ первый день ѣзды больше воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодры. Можетъ быть, онъ руководствовался и тѣмъ разсчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью нисколько не разстраивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули... и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому—для домашнихъ дѣлъ день пропалъ! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во всѣ глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей средины*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ отецъ держался еще другого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и всѣ выѣзжавшіе, непремѣнно должны были поѣсть—что, большею частію, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не вседневнымъ питьемъ),—словомъ, до обѣда и *рисны въ ротъ не бравъ* [1]). За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ водку—ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

[1]) Т. е. росинки.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши... Кàкъ меня разбудили, кàкъ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, чтó въ это время вокругъ меня дѣлалось,—ничего не помню: сонный былъ, дремалъ... Первое, чтò обратило мое вниманіе, чтó я началъ понимать и чтó, слѣдовательно, помню и теперь, это—необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: сядетъ, протянетъ дрожащую руку, погладитъ меня по голов и исчезла... „Ижъ, Васюню, ижъ, дытыно моя́!"—снова исчезла... Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *принóшеныхъ мякéнькыхъ,* и не дождавшись отвѣта, снова!....

Дремота моя начала исчезать, окружающее ближе подвигаться къ моему сознанію...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьёзенъ, очень серьёзенъ; ни слова не говоритъ, не отрываетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ попраздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моимъ бѣльемъ, и другимъ платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какимъ-то любопытствомъ смотрятъ сюда, особенно на меня...

Мною же овладѣло какое-то любопытство, даже безпокойство... Я началъ быстрѣе поворачивать голову къ, матери, когда она входила: „Чтò случилось? чтò все это значитъ?"—„Ничóго, Васюню, ничòго! ижъ!" тихо,—и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца...

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гнѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ...

Порà! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и попрежнему ни на кого не глядя:—Одинъ ёго!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорогую кашемировую шаль, *бàбинськую*, которой и сама никогда не надѣвала... нагольный кожýшокъ и поверхъ воротника другую бàбинскую шаль... Какъ руки у нея путаются, какъ медлитъ она! Отецъ давно уже готовъ: *кожухъ*, крытый синимъ сукномъ изъ превосходныхъ сѣрыхъ барашковъ, въ одной рукѣ черная *смушéвая* шапка, въ другой—неразлучный спутникъ его старости, *ципокъ*; а она все еще медлитъ!

Но вотъ и я готовъ.—Ходимо въ свитлыцю!

За старикомъ пошла мать со свѣчею въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящійся лихорадочнымъ жаромъ... За матерью—я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидаетъ!

— Сядьмо!

Сѣли.

Наступила минута молчанія,—охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства налагается невыносимое молчаніе,—и все притаило дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить: бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже мебель, всѣ неодушевленные предметы, наполнявшіе комнату, какъ будто притаились, прятали углы и выпуклости, жались въ тѣни... Словно мертвецъ тутъ лежитъ, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

„Порà! раздался снова голосъ отца: „молитця, говоритъ, Богу!“ и вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

„Поблагословы, старà, сы́на! Та накажы, щобъ бувъ дóбрый, розýмный!...

— Нехáй тебé благословыть Богъ и Мáты Бóжа, моя дытыночко!... якъ я тебé благословляю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забувáй Бога и Мáтери Бóжои!... слýхай бáтька, своихъ вчытеливъ!... будь дóбрый, розумный!... Не забувáй и менé, моя дытыночко!...

„Порá, Васыльку, ходимъ! прервалъ съ другого конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержаный...

— Поцилýй же менѐ, Васюню!—начала меня цѣловать и снова крестить:—Може бъ? говоритъ...

Я поднялъ голову—съ мольбою глядитъ на отца, что-то мнетъ въ пальцахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поворотилъ голову къ отцу—одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдаетъ ей секретныя приказанія...

— Опé тоби, Васюню, дéсять шажкивъ—бýблычкивъ, мòже колы кýпышъ...

Послѣднее объятіе матери...

Отецъ сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулупъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондратъ тронулъ возжами,—сани понеслись, визжа полозьями и скользя на забоинахъ, то въ ту, то въ другую сторону...

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жестокъ; но я люблю тебя вспоминать!... люблю вспоминать даже о крутыхъ, суровыхъ и жестокихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно и въ нихъ есть своя доля правды, чтó-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, столько еще мы потомки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жесткія ея стороны, которыхъ не одобряетъ наша голова и жесткость которыхъ намъ приходилось на себѣ отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разнуздавшейся страсти, а проистекали изъ

сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонялось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣйливой жизни, вы, можетъ быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нéкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете,—вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣться на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себѣ обнаружить признаковъ чувства и оцѣпенявшій чувства другихъ,—съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую нѣжную мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ.... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разныя интересныя событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулупѣ, садиться на кóзла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска.... Помѣстивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять, отъ города къ одному своему знакомому и прожилъ тамъ нѣ-

сколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня.... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь:

Эпизодъ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, засѣдателей,—словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того извѣстнымъ всѣмъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ сдаваема была на руки отца и всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но было съ сильно развитою наклонностью: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною,—наклонностью къ пинкамъ, зубочисткамъ, зубочыткамъ, подзатыльникамъ, треушинамъ—словомъ, ко всѣмъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Прійдетъ бывало отàманъ:—Бу́дьте ла̀скавы, Петро́ Васылёвичъ, возьмить соби того́ у́ша [1]), що у Голованя!

„А хиба́ що?

— Та така́ й така́ ричъ.

„Ну, колы такъ, сількысь [2])

---

[1]) Земляки мои называютъ иногда людей военнаго званія *у́шами* и *ка́бышами*, за часто употребляемыя ими слова *ужъ, кабышъ*.

[2]) *Силькысь*—пусть себѣ.

И *ушъ* переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушъ.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни малыхъ хатъ, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клёчаннямъ*, пучками *гвоздыкивъ, васылькивъ*; полы устланы только-что накошенною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и весело ужинали... Покойникъ отецъ любилъ ужинать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то по крайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицькô,—запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ спереди чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить,

— Здилайте Бôжеську мылость, Петрô Васылёвычъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: „хлибъ. та силь! Добры-вечиръ, бýдьте здорôви зъ симъ днемъ!"

„А щô тамъ такè? отозвался отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москали прийшлы на постôй, такъ одынъ такый офыцèръ, що вже й до Ивàна водывъ, и до Устéнка, и до Палыводы: „Тѣсно"! крычыть, та й годи, хоть ты въ вичи ёмý плюй!... И колыбъ що пýтне, сказàвъ, продолжалъ Грицькô изливать душу:— ато якáсь фря такá, мызерне, малéньке... А лáетця жъ то, не пры хлиби святôму згàдуючы... тьфу!... И въ вичи такъ и сычетця!... Та ще й до чýба...—и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлаютъ земляки мои, когда чувства ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: „Да чтô говорить! пусть ужъ Богъ ему проститъ!"

„Ну, силькысь, веды ёгô! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та винъ тутъ, у васъ за воритьмы!... Я зáразъ, спасыби вамъ!...

Чрезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пыли... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хозяинъ? давай квартиру, да жива!...

„Зáразъ, зàразъ!" спокойно, но серьёзно отвѣчалъ отецъ. и поворотившись къ матери: „Велы, старá [1]), однèрты ти хаты"..,

— Какія *хаты?* перебилъ офицеръ:—вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, мнѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай!—и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

„Колы вамъ хóчетця тутъ—и тутъ мóжна!" сказалъ невозмутимо старикъ: „вотъ выбирайте, какую хотите!—и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офицеру *свитлыцю* и *кимнáту*.

— Я эту возьму! сказалъ тотъ, вошедши въ *кимнату*.

„Чи сю, то й сю! моя́ старá зъ дитьмы ля́же въ свитлыци—васъ не побезпокоять: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ, а мнѣ поставять кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни,—всимъ дóбре бýде!

Какъ невозмутимо и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!...

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженіями, сердито началъ отцѣплять саблю и кричать на деньщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хоть уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на родý написано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Чрезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

---

[1]) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда *старóю*.

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

„И лошадямъ найдемъ мѣсто!“ отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кухнѣ, прибавилъ:—Хлопци, покажите вотъ ихнему денщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли?* снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше:—Мои лошади стоять у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

„А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?“

Конечно!

„Ну, такъ выведите, хлопцы изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню деньщикъ...“.

— Да у меня и кучеръ есть.

„Ну, такъ пусть кучеръ! Да чтó нужно, разскажите, помогите! Можетъ статься, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы имъ!“

По зову отца, *Оксéнтій* и *Антинъ* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *выбрыкомъ* пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя и, не зная, чтó дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нацѣпилъ на нее петлю противоположнаго лацкана,—и такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновеній, пошолъ въ *кимнáту*.

Мы переглянулись, едва удерживая отъ хохота (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, понимали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣстъ себѣ преспокойно и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда деньщикъ, внесши въ кимнàту послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднялъ голову и указалъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кимнàты.

— Чу́ешъ, якъ тебѐ звуть, бу́дь лàскавъ!...

„Иваномъ-съ, матушка!“

— Спытàй, будь лàскавъ, Ивàне, своѓó пàна, чи не хóче повечêрять: у насъ бу́де що.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.